

Konyshkyi, Oleksander

Творы
ТВОРЫ

О. Я. КОНИССКОГО-ПЕРЕБЕНДИ.

v, 2

Томъ II.

Оповидання.

ОДЕССА.

Типографія и Хромолітографія Е. И. Фесенко, Ришельев-
ская ул., соб. д. № 47-й въ Одесѣ.

1899.

PG 3948
• K 586
1899
v. 2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 мая 1899 г.

INDIANA UNIVERSITY LIBRARIES

У тисной бабы.

На другой день Водохреща, саме, значить, на Ивана Хрестытеля, съжу я соби самотою на хутори, и такъ мени самотному и сумно, и нудно и журлыво, и не сказать якъ! ума не прыберу, рады соби не дамъ, що робыты! ни до чого руки не здіймаюсь, наче я охлявъ! хочъ бы вмивъ стрѣлаты, то бъ скынувъ рушныцю на плечи, хортывъ на смыкъ, та на полювання: чи вбывъ бы якого дурного зайця, чи ни, а нудьгу може бъ и розвіявъ по снигу; такъ наче на тѣ-жъ страшно мени и доторкнутыся до рушныци. Пишовъ бы такъ соби повештатысь по надвирю, такъ фуга-жъ така курыть, що й свиту Божого не выдно... „Ану, думаю соби, клыкну Опанаса, та зъ нымъ въ юрдонъ. Зазирнувъ до пекарни, ажъ Опанасъ на прыничку хропе; шкода куёвдты человека, нехай спочыне... Сивъ я соби пидъ викномъ, тарабаню пучкамы по шыбци, а на души густымъ очеретомъ такъ и встаютъ спомынки колышнёго: Господы, вже мій викъ за водою втикъ, прожывъ я ёго!.. Ба! колы бъ то прожывъ, а то проблукавъ по всихъ усюдахъ и ниде не залышывъ слиду; хочъ бы тоби на маковѣ зерно що зробывъ зъ того, що за молоду мизкувавъ, чого сподивався? Аничоги-сенько!.. тымъ то журба, злыгавшысь зъ нудьгою, и напосилысь теперь и гноблять мене, издять обыди по

по мени верхы. Що бъ було мени хочъ Опанаса послухатысь, та лить тому двадцать назадъ побратыся зъ кымъ: доси яки бъ у мене диты булы! Онукивъ бытишывъ, а то! нудьгу тишу—годую; журбу сповываю, сумъ колышу, та Богъ зна—колышній случаи въ свой души перебираю!

Тяжко!..

Годи. Сыжу иничогисенько не жду... только теперъ и много, що слѣза за слѣзою плыне... та що зъ того?! Не выплачешъ слѣзамы доли воли, — се я добре тямлю, одначе не маю воли спыныты слѣзу, нежай плыне.

Сумую, сумую... Хочъ бы яку людыну Богъ прынисъ, разважыла бъ. Думаю такъ, а згодя чую—саны на двори рыплять, до рундучка пидѣихалы и стали; бачу, хтось двое зъ саней злизло, иде въ сины.

„Эге, думаю: се попы зъ кропыломъ, отъ и добрѣ, може „словесы утверждены“ разважать, душа почує „благословеніє“ и „воспрянє“.

Чую, гомонять у синяхъ.

— Колы бъ же намъ отуть не заблудыть; я зъ ро-
ду вперше тутъ, а дверей ажъ троє, отъ ты и вгадуй,
въ яки! кажы Трохыме, въ яки?

— Трывай зъ дверыма, не втечуть; треба спершу обтрусыться, хата не лёдовня, не годыться снигу на-
носыты! Ось ну, Петре! ты мене, а я тебе...

Ни, се не попы, думаю я соби: хто-жъ бы се?
Прыслушаюсь: голось наче и познаку, та не вгадаю.

— Добрый вечиръ вамъ въ хату! зъ новымъ ро-
комъ! зъ Хрестытелемъ! чи пизнаете, Якове?

Глянувъ я: —ба, ба! ще-бъ не пизнаты. Трохымъ Шморгунъ та Петро Моргунъ?

— Воны сами.

— Жыви, здорови—васи головы! Чи васть хвыщюю сюды занесло, чи тыхымъ духомъ прыкотыло?

Кажу отсё, а самъ думаю: „Змылувався Господь надо мною, пославъ людей разважыты мене самотнёго; и такий я радый!..

— Сидайтє-жъ, люде добри! сидайте! отутъ, биля грубки, або хочъ на лежанци, теплійшє будє. Сидайтє, голубята! грійтесь, певно перемерзлы.

— Такы не безъ того: морозъ то не геть велыкий, такъ-же витеръ такий гострый, такъ наче ножемъ риже, поза шкурою проймае. Та ще й зверху наче зъ рукава сыше; ажъ кони стауть: вже на шо моя мышаста, хочъ бы й пидъ енерала; а й вона, бидолашна: бижыть, бижыть, та тыць и стане...

— Забывна путь, шо й казаты, — додає Петро услидъ Трохима: — заметы навергало таки, шо инде въ ривень зъ стрихою...

Силы, нагрильсь, балакаемо потроху, се та те...

— Выходыть,—кажу я,—Трохиме, шо й у васъ на сели не гараздъ стає, не зъ медомъ?

— Який-же тамъ гараздъ! про гараздъ намъ вже й не сныться, хочъ бы спокій кублыvся, а то таке завелося, таке, шо й не вымовыты.

— Такы такъ — вставляє и Петро свое слово — и дѣ се таке выдано, дѣ таке чувано, якъ у насъ сталося! сынъ батька въ острогъ засадывъ.

— Та ще за шо засадывъ! — мовывъ Трохымъ: — нехай бы вже за душогубство, чи за крадижку, чи за яке инче злочыниство, а то суще сказаты—такъ якъ я тоби Господы! глумъ и соромъ и промовыты: зъ зажерливосты, за гроши... А вже жъ ти кляти гроши, якого тилько лыха воны не коять!.. Дожыльсь! бый ёго сыла небесна! у батька сынъ зъ рота рве! отаке! — Трохымъ

сципывъ зубы и трохы помовчавъ, потимъ и каже: — И що бъ воно було, колы бъ на свити грошней нѣ було?

— Шевно, що може бъ злыднивъ нѣ було и слизъ людськихъ поменшало-бъ,—видповивъ Петро.

— Колы бъ моя сыла та воля,—мовывъ Трохымъ, —я бъ заразъ уси гроши, яки е на свити — геть, побоку! а натомисць—миньбу: ты мени силь, я тоби хлиба, отъ якъ! Тоди бъ нихто никому нѣ заздрывъ!

— Ни, Трохыме—каже Петро—якъ на мою думку, такъ нѣ въ самыхъ грошахъ уся сыла: що гроши, то гроши, а що такы и людська вдача; забисовани люде стали; все ёму мало своего; за щелепамы свое нѣ помистыться, а до чужого куска квапыться... А тутъ ще й гаспзыдськи брехунци розплодылыша.

— Эгэ-жъ! воно й е, и брехунци додають и нихто якъ брехунець и насть пидъ таку хвыщу выперъ. Мы до тебе, Якове, видъ цилои громады, якъ до батька: дай раду и пораду: брехунець насть знесылюе; выгадавъ гратаць у „тисной бабы“, та таке вытворяє — хочъ ляжъ, тай плачъ. Першымъ словомъ повидай намъ, Якове, хто выгадавъ брехунцивъ?—пытается у мене Трохымъ.

— Се бъ то адвокативъ? Воны по закону.

— Се мы й сами тямымо, що адвокативъ пропысано по закону: та то инча ричь: адвокаты — ти, що зъ срибнымы винчыкамы биля серця, воны пры суди, а брехунци по селахъ людней баламутять та обдурюютъ... Хиба се по закону? Я чоловикъ и не пысьмнный, а миркую соби, що брехунци нѣ по закону: на що воны? жылы мы безъ ныхъ и гараздъ було. На бисового батька воны намъ? у насть и безъ ныхъ е кому брехаты: Варка Тырлыха та Маруся Рокытна, якъ порозсупнюють свои ханьки, такъ за день нѣ переслухаешъ

ихъ брехень. Ты, Якове, мовчы нась: чи можна намъ безъ брехунца?

— На се людямъ добра воля, прымусу жадного ни видъ кого нема,—видповидъ я.

— Отъ бачъ, Петре, бачъ! хиба не на мое выходить, а ты не нявъ виры. Ну, добрѣ! а ничего намъ не буде за тое, якъ мы свого брехунца на копыльчакахъ та въ заметь за село?—пытается Трохымъ, пыльно вставывши на мене свои падки очи.

— Се бѣ то якъ? сыломиць, чи що? — пытаю я.

— Ни, ни! на що сыломиць! се бѣ то мы й сами зумилы, не велика мудрація, а мы бажаемо по закону, по людськи, любенъко спекатысь ёго. Отъ ты й порадъ нась.

— Гмъ! се не абы яка ричъ! — кажу я — та трывайте лышень, я гараздъ не разберу, чого вамъ треба? про якого се вы брехунца? що винъ вамъ таке заподіявъ?

— Такы ты, Трохыме — мовывъ Петро — трохы попередъ возу забигъ; ты-бѣ узявъ та все по порядку, щобъ воно було мовъ на долони.

— А вже-жъ не якъ, я й самъ такъ думавъ, а ты взявъ та й перебивъ, ось мовчы ты, а я казатыму. Бачъ, Якове! ось воно якъ сталося: узявъ вражый сынъ тай обидравъ батька; геть чисто обидравъ, наче оббілувавъ, тоди въ острогъ ёго, та ще й каже: „законъ постановывъ“. А стовма-бѣ тебе середъ шляху поставыло! самъ занивечывъ батька, а на законъ звертае...

— Такъ хто-жъ се такый, скажы, Трохыме? — пытаюсь я въ ёго.

— Вже-жъ никто, якъ отой Дмитро Пухлына.

— Не самъ винъ, а брехунець,—зновъ перебывъ Трохыма Петро.

— Вже-жъ не самъ; та ты, Петре, будь ласкавъ, не перебывай, а то мы николы до берега не прыстанемо. Ты мовчы, Петре! нехай Якивъ слухае, а я почну видъ самого краю... Жылы мы, Якове, безъ брехунца, а Богъ, хто ёго зна за що, взявъ тай наславъ на наше село оту сарану, брехунца. Мы такы сами й выгодовалы ёго на свои головы! Се я про Васыля Рудого... Ты ёго знаешъ? ни! и лишё... нехай ёго Богъ святый не знае. Слухай-же, якъ мы розжылыся на того Рудого. Паламарувавъ у нась Лука Шестопалъ: наврядъ, чи зазнаешъ ты ёго, давно ёго кистки тліютъ. Ать соби чоловичокъ бувъ, нехай вже царствуе: ни до чобота на закаблукъ, ни до черевыка на ранть, а про тое—свое дило правывъ: колы треба подзвонить, свички посвityть, потушыть, кадыло розидме й подастъ, зрывався часомъ и поспиваты на крыласи, такъ дякъ ёму не дававъ: бачъ, винъ голосомъ не выйшовъ, а нашъ дякъ пречудесно спивавъ! було якъ визьме горою: „Иже херувымы“, та спустыть „попеченые“, такъ хочь бы ты й не хтивъ, а зитхнешъ и поклона вдарышъ. И голось-же въ ёго бувъ! неначе срибный дзвинъ: а въ Луки вже ни, не надилывъ ёго Богъ! Лука було й радъ-бы, такъ не выходыть у ёго: якъ заскыглыть—такъ тебе наче сэрпомъ по сэрцю. Отъ зовсимъ наче цапыня на загати... Хтось-то взявъ, тай пидкинувъ до паламаревои хаты нехрещену дытыну. Лука бездитнымъ бувъ. Мы то бачъ и догадувалыся, чый то грихъ, та... не напе дило! яка-бъ не була маты, а не легко ій свою кровъ зъ-пидъ серця та до чужого прычилка. Наши бабы почалы було пашыкуваты, такъ я вызвирывся на ихъ: „Цытьте,—кажу,—вамъ яке дило? ды-

виться за своимы прыполамы, а до чужого проса, нѣ кваптѣ носа, зась!“ Воны, спасыби имъ: чи злякалысь мене, чи такъ послухалыся, замовклы, нѣ цокотилы... Узявъ Шестопалъ ту дытыну, у виру ввивъ, Васылемъ охрестывъ, думає: яко жъ ёму прозвыше? Нехай, каже, Рудымъ ростѣ. Справди воно таке руде, наче на цыбули лушпыння. Ростѣ те байстря—нивроку ёму. Лука ёго дзвоныты прывчає, въ одного дзвона навчывъ, псалтырь ёму проказавъ: вже воно почынало ходыты по покійныхъ чытаты; може-бъ Лука бувъ и вывивъ ёго на яку добру путь, такъ-же смерть нѣ дала: зимою Лука жинку поховавъ, а на осени й самъ переставывся. А тѣ паламарча, чи хто воно вже—Богъ ёго знає, лышылося, немовъ верства на шляху: безъ роду, безъ племени, безъ захистку, безъ прыстановыща, та ще нидѣ й нѣ прыпysане; наче на грихъ — узявъ отець Харлампій, та й забувся ёго въ метрыку завесты. Що намъ зъ нымъ чынты? куды ёго прывернуты?.. Я до отця Харлампія:

— Визьмить хлопця!

А винъ мини:

— Бога бійся, чоловиче! у мене й своя зъижка на девять ротивъ, снагы мои не стає, а ты ще чужого тычешъ.

Я до того, до другого.

— Берить хлопця.

Нихто нѣ хоче, уси цураются, уси въ одно.

„У мене злыдни та воно й въ метрыку не заведене, ще въ яку халепу вскочышъ“. Морока мени. Ну, думаю, вже не гынуты ёму пидъ тыномъ и въ ёго душа нѣ зъ реминьца; треба десь прыткнуты ёго. Колы, кажу, на те пишло — нехай у мене зимуе, хлиба нѣ

переисть, а на весни—мы ёго за пидпасыча до громадськихъ свыней.

Такъ и вчынылы. Отець Харлампій трошки змагався; „Воно, каже, чытаты вміе, а вы ёго на свинопаса“.

Люде на те ёму и кажуть:

— Одно одному не пошкодыть! онъ у Буханивци громадський пастухъ въ литку товаръ пасе, а въ зимку дитвору учты. Нехай же и въ насъ хочъ трошки на те походытым... Ще колы бъ воно хазяйська дытына була, а то нажыроване... нехай пасе.

Нехай и нехай.

Пасе Рудый перистыхъ.

На друге літо мы ёго зъ пидпасыча та на пастуха, и гараздъ бы. Отъ-же ни! почалы люде ремствуваты.

Таке, кажуть, воно забисоване — се-бъ то Рудый, не вважае на те, чи порисна яка свыня, чи ни, а колы що не по ёго, такъ и глезнѣ, чымъ попаде. Я поклыкавъ Рудого: любенько напучую ёго:

— Треба, — кажу — Васылю! и зо скотыною по людськи, по хазяйськи: воно хочъ и свыня, а видъ Бога, треба чужу худибчыну шануваты.

Винъ вырячывъ на мене банькы, такъ зневажно щось белькоче, а очи ёму ажъ світяться, наче середъ ночи у вовка. Правду сказано, рыжый — чоловикъ — хыжый.

Перебулы літо. Перезимувало воно, тила набралося; то було таке мыршаве, а то щокы ёму якъ не репнуть.

На провесни взяло воно тай згедзкалось.

— Не хочу,—каже—свыней пасты; пиду инчого хлиба шукаты. Давайте мени пачпоргу.

— Иды,—кажемо мы,—хочь свить за очи, а пачпорту тоби у нась нема, бо ты не прыпысане.

Воно таке въидлыве, съчетесь!

— Чому нема? хиба я не людина?

— Людина, та не нашого звання.

— А якого жъ я звання?—гарыкаеться воно.

— Святый тебе знае, може й ніякого.

— Де-жъ мени пачпорта добуты? Я хочу на Динъ,
у Таврію.

Мы ёму якъ доброму раємо:

— Попытайся у благочынного, може винъ дастъ,
або вкаже, де тоби объявытыся треба. Куды тебе пры-
пышуть, тамъ тоби и пачпортъ буде.

Воно й повіялося зъ нашого села.

Чуемо зъ другого повиту, прынявъ ёго до себе
Мыкыта Билогрудъ. Сей Билогрудъ бувъ колысь у
Манастырыщи за пысаря, а потимъ головою, та щось
таке пошахрувавъ—ёго й скынулы. Винъ тоди, куды
диватысь, взявшъ и запысався на брехунця. Работа, бачъ,
нє важка; сказано,—брехаты нє ципомъ махаты, а зыскъ
зъ неи велыкий. Розжывся на всю губу, богатыремъ
ставъ, земель сылу сылющу надбавъ. Не скажу, зъ
якои речи винъ принялъ до себе Рудого, ще й до
школы виддавъ.

Два рокы ходило воно и выйшло таке письменне
та друковане, шо ну! Билогрудъ за якайсь тамъ часъ
и каже до ёго :

— Съ тебе, небоже, такый робитныкъ, якъ за
шага свичка, тебе й за хлибъ никто нє визьме, ни до
плугу ты, ни до ципа нє прызвычаеный, а отъ я спо-
стэригъ твою вдачу и знайшовъ якъ разъ на твій ко-
пыль роботу: визьмыся до неи — хлибъ матымешъ и
чоловикомъ будешъ. Я тебе законамъ навчу, и до вся-

кыхъ крючківъ прывчу, и на адвоката выправлю. Воно ѹ понялося; такъ воно за пысара правыло та шахрайства и крючечки робыло—докы позаторикъ Билогрудъ не прогнавъ ёго, та ще кажутъ, и межы плечи напхавъ...

Тоди воно капостне до настъ на село, тай объявилося брехунцемъ: у Билогруда, значить, набралося науки брехаты.

Жыдова заразъ зъ сумижныхъ силъ обиручъ до ёго. Почало воно и въ мырового ставаты и патенту соби выправило на брехунца. Намъ про те байдуже, и доси-бъ було байдуже, колы-бъ воно по людськи жыло та не скроило такого лыха зъ Пухлыною.

— Чувъ, Якове, зъ Пухлыною, яка пригода трапылася?—спытався у мене Трохымъ.

— Щось не доводылося—мовывъ я.

— Отсе такъ! сплеснувъ Трохымъ рукамы, дывуючысь: де-жъ ты живешъ? наче не въ нашому царстви, не въ нашому государстви!

— Я, Трохыме, живу ченцемъ въ мыри, та душу спасаю.

— И ченцеви не грихъ дбаты про людей. Ни чымъ, якъ людьмы и въ грихъ війдешъ, людьмы и душу спасешъ! Слухай же зновъ: Пухлына Иванъ, нашъ такы, казакъ бувъ. Отъ вже чоловикъ бувъ! и не сказать! нехай ёго душа зъ святымы прыподобыться! никто пропы ёго ничего лыхого ѹ на мезинну пучку не покаже: добрый та тыхый такый, хочъ въ ухо ёго вбгай. Нихто зъ роду—вику не чувъ, щобъ Иванъ Пухлына кого покрывдывъ, або про кого яке ледаче слово вымовывъ. А що за трудовныкъ бувъ! зъ ранку до ночи на ногахъ, не прысидае. Потомъ та мозолямы надбавъ соби

и лугу, и поля, и левадъ, и лисивъ. Эге! надбавъ, та не спожывъ. За свою добристь довелось гиршъ, нижъ пидъ лисою ногы простягты... Отъ вже святу правду сказано: „Будь гиркымъ — сплюютъ, будь солодкымъ — злыжутъ“. Не вгодышъ на людей. Занивечылы людныу не за понюхъ табакы. Та ще хто занивечывъ? сынъ! ридна дытына.

— Не самъ же сынъ, — брехунецъ... — перебывъ Петро.

— Ну бо, Петре! вгамуйся! отъ не гадавъ, что ты такый марудный. Кажу тоби не перебывай! а ты буцимъ не до тебе; нibly й не чуешъ, наче умысне! Вже-жъ я й самъ тямлю, до чого ричъ веду. Будь ласкавъ, зашморгны языкъ, докы я мовытыму, а замовкну, тоди й розсупонышъ. У Пухлыны бувъ сынъ, Дмытро: одно воно тильки й було; молодымъ и побрався Пухлына, а тильки й свички й воску, что Дмытро... тай зъ того, у кого, кажуть, сынинъ симъ, то й доля всимъ, а въ кого оденъ, тай той не ладенъ... Отакъ и въ Пухлыны. Виддавъ Иванъ Дмытра до школы, тутъ такы до нашпои, до Иваныцькои. Взялася дытына до науки, та такъ цупко взялася, что шпекторъ и напосився на Ивана: „Давай, тай давай сына до повитовои школы, свиту навчыться, въ люды выйде“. Послухався Иванъ.—Дмытро й тутъ береться, прямо наче нав заводы: паньски диты геть заднихъ пасуть, а Пухлыненко на самъ передъ; паненята до ёго листочкомъ лыпнуть, таке воно — все знае. Скинчыло воно и повитову школу, ажъ чотыри рокы тамъ вчылось. А куды-жъ ёго теперъ, думае Иванъ: видъ рилли воно вже одирвалося, треба ёму де бильшои стежкы. Шпекторъ зновъ ёму рае: „Везы до губерніи, нехай учыться, въ ёго голова не абы яка“... Колы бъ воно не спанило

тамъ? каже Иванъ. — „Ни, чымъ е, тымъ и буде“. Батькове сердце й поняло виры.

И въ губерніи вчывся Дмытро четыри рокы. Чому воно тамъ вчылося, якои премудрости набиралося — про те не скажу. Що жнывъ прыездыло воно до батька: такий огрядный, та чепурный, та моторный парубика, наче вылыштий, наче намалёваный; тильки й шкоды, що паненяньмъ вызырало, зовсімъ не нашымъ духомъ тхне, зъ людей часомъ кепкує, проты батька губу копылить.

Батько того не помичає, не надивується, не нарадіє. Намъ зъбоку видно, що Дмытрыкъ верхи издуть на батькови, а батькови те й не вдогадъ... На весни Иванъ овдовивъ, а на лито прыхавъ Дмытрыкъ, та вже й зазимувавъ у батька. Значить — зовсімъ вчывся. Старий почавъ бувъ налягаты, що бъ воно ще йшло до науки до Кыива, такъ де тоби!

— Не хочу, не пиду, буде зъ мене.

И не пішло! таке забисоване; ничего зъ нымъ батько й не вдіявъ; звистно парубика 22 літъ — на налягачъ не визьмешъ. Справывъ соби зъ батьківської кышени рушныцю, хортивъ, живе у батька, готове ість, пье, байдыкы бъє, вередує, та полює. Колы бъ на мене, Якове, я бъ ёго знаешъ, якъ поповередувавъ! не подивуясь бъ я ёму въ зубы, чи вони у ёго пысъменни, а першымъ диломъ: „чты отця твого“, а не кепкуй; ни,—то геть зъ очей! Не хоче! я бъ ёго на черезсиделныкъ, та до сохи. А Пухлына панькається зъ нымъ, потурає. Кажу жъ тоби: хысткий чоловикъ бувъ, земля ёму перомъ! куды хылы, туды винъ і гнеться, наче той шелюгъ, а воно такъ не можна. Хылку лозыну и снигыръ зигнє.

Слухай-же: злыгався Дмытрыкъ зъ отымъ брехунцемъ Рудымъ: зъ ранку до глухои ночи у Рудого: поить ёго, кормыть, не дыхае безъ ёго, наче ёго хто прышывъ до Рудого. Я не вытерпивъ, такы и кажу якось Иванови:

— Чи такы Дмытро пара Рудому? Винъ чесного батька сынъ, а то безбатченко, та ще й брехунець. Стережысь Иване! щобъ часомъ необувъ Рудый Дмытра у прышвы. На мое воно й вышло: тильки прышвы на Иванивъ копыль прыйшлися.

Гулявъ Дмытро, гулявъ, гайсавъ зъ миста та до миста, такъ рокивъ зъ два, нагасався та до батька:

— Годи мени, тату, бурлакуваты, женытымусь!

— Часъ добрый, сынку! женыся.

— Шукайте, тату, пары.

— И вже, шкода, сыну! нехай саме сэрце знайде пару, а на мене не вповай.

— Колы такъ, тату, такъ я вже соби знайшовъ.

— Кого се?

— Варку Ходотыху.

— Кожумячышыну вдову?

— Эгэ, знаете іи?

— Нё бачывъ, яка вона, а чувъ про неи. Хто-жъ се тоби пораявъ?

— Васыль Рудый.

Гарный сватъ... Щожъ, твоя воля, тильки памятай, що въ удовы, ~ два норовы.

Тай бильшъ ничего ёму.

А сказаты тоби, Якове, та Варка Ходотыха, молодыця, нё взявъ іи катъ! зъ себе чепурна, огрядна, чистючка така, наче вона нё мищанка, а яка велыка пани; бездитна и грошовита. Грошай—ще видъ батька прynesла вона повенъ прыпилъ, и чоловикъ добру тор-

бу лышывъ. Чомъ ій не роскошуваты! А тутъ жиноча муха зализла въ ухо! Замижъ, мовлявъ, прытьмомъ! Убралася въ червоный очипокъ. Пидвернувся молодый та моторный жевжыкъ, вона й прыпсовала лутку до дверей!... проворна баба! Трохы ніяково, шо лить на десять вона переспила Дмытрыка, та ёму до того—байдуже! абы гроши ёму та роскоши! До грошай винъ и не сказать який ласый! Старый Пухлына и остерегавъ такы сына, казавъ ёму: „Дывысь, щобъ жинчыни гроши выпадкомъ не выпалы; не забувай, шо зъ велыхъ хоромъ и мыши втикають!“

Не послухався! то-бъ-то не Дмытрыкъ бувъ, щобъ послухався батька!...

На самого Мыхайла и весилля прызначылы.

Напозычавъ Иванъ грошай на те весилля: у кого сотню, у кого й дви! Вже-жъ, бачъ, не якъ: щобъ гучно погуляты и молодыхъ бучно зустриты! звистно: одынъ тому часъ.

Поихавъ Иванъ на весилля; прыездыть до молодой ще зъ ранку. Сыдять, балакаютъ; отъ—отъ бы вже й до церкви рушаты, а модода не почынае вбираться. Помичае Иванъ, шо у неи наче пидъ языкомъ горшына мулыть; знаты, шо модода хоче щось говорыты, та не видважыться! Винъ и каже до неи:

— Чи не часъ бы, дытыно, збираться тоби.

А вона ёму на те:

— Часъ то часъ, та я маю щось вамъ казаты.

— Кажы, дытыно!

— Не тямлю и якъ ёго: языкъ руба стає; не видважуся; нехай Дмытро скаже, та зъ сымъ словомъ— брысь зъ хаты, а той вертопрахъ тоди й каже — говорыть:

— Хоть намъ не добрый, тату, дорогу перешовъ: Варка згедзкалася: „Не стану, каже пидъ винець, докы твій батько не дастъ тоби уступнои на всю худобу“. Я вже чого ій не казавъ, якъ не усовищувавъ, не йметься, свое правыть.

— Тай годи?—пытается Иванъ.

А воно прыкынулося святымъ, та Божымъ:

— Мало хиба сёго?—каже.

Тильки бъ и лыжа, сынку! Се така прыгода, шо видъ цей свитъ въ голови не замакніться! Я хочу заразъ готовъ; шо мое, то не чые—якъ твоё. Мого віку ѹ на гоны вже чи е; зъ собою на той свитъ не понесу. Зовы, кого тамъ тямущого, нехай рыгають уступну.

— До нотаріуса треба.

— Ходимъ.

Идуть, а Дмытро ѹ слебезуе—таке воно лукаве!

— Вы, тату, тильки на земли, а грунтъ и левада нехай за вами.

— Про мене! я на все згоденъ, якъ соби хочете.

— Я, тату, ничего не хочу, се все вона коить, звисно передъ винцемъ вередуе; треба потураты, докы руки не звязани. Оттака лукава душа! якъ лукавнue; а Иванови ѹ не въ тямкы, який куцый воду каламутыть.., йме винъ виры! А воно, бачъ, никто ѹ наустывъ Варку, никто ѹ пострунывъ іи, якъ не Дмытрыкъ за прыводомъ Рудого.

Кынуўся нотаріусъ пысаты: овва! не можна, закавыка, та ще ѹ не абы яка! у плани на землю перекрученено: у Ивана батько бувъ Ипать, а выйшовъ Игнать, треба значыть у саму Палату, ажъ у губернію, щобъ тамъ зновъ обернулы Игната въ Ипата. Отаке!

Дмытро тоди въ слёзы:

— Пропала-жъ, моя голова! сорому за цилый викъ не обберуся! люде очи высьміютъ мени; просвітку мени не буде! стыдовыще таке, що хочъ зъ мосту та въ воду!

Рюмае, та голосыть, а нотаріусъ и рае:

— Докы, каже, палата розвяже намъ вузлыкъ, можна лыху зарадыты, можна поратуваты справу векселямы. Иванъ и на те здався; така вже въ ёго воскова вдача була; абы до духу, такъ и тане.

Ваялъ тай напысалы вексели видъ Ивана на сына.

Напысалы и гараздъ! весилля справылы якъ слизъ.

Жывутъ молоди на мисти, роскопшують, рутяться; ряды—въ—годы и до батька навидаются; а батькови у ныхъ якось мулько... звисно — чужа хата гиршे ката А прыидуть воны до ёго—винъ—Господы! який имъ радый! прымивъ бы, душу зъ себе вынявъ, та имъ виддавъ.

Писля Водохреща прыйшло зъ Межовои палаты, що нехай на плани стоить не Игнатъ, а Ипать. Заразъ уступну и спорудылы. Щожъ бы Иванови догадатысь, та вексели назадъ забраты. Де ёму! Воно ѹ те правда: якъ ёго зневирытысь въ ридну дытыну? тяжко! Эге! а воно саме оттутъ занялося... сказано: не кыдай искры въ попели, сама згорыть и село спалыть. Выйшло таке, що и въ свити не чувано ѹ не выдано.—Охъ, охъ!

На весни передъ Благовищеннямъ гомоняль у насъ на сели:

— „Варка показала прыймакови двери!“ Отъ тоби ѹ на! думаемо: не на довго свынота зализла до чужого болота! Пухлына вболивае за сыномъ, сумуе, Варку ганыть: „Не вмила, каже, мои дытыны шануваты! Та дарма! я ёго до себе; може хоче господарюваты, а я соби въ просо на пичъ“.

Ще ѿ шуткуе! не чувъ старый, яка гадына крадькома лизе до ёго господы...

На Велыкдень — нова чутка: Дмытро сплюндуравъ батькивщыну, попродавъ уси земли, а самъ пье — гуляе зъ офицерамы. А тоди same гусары прыйшли на постой.

Иванъ виры не йме: нехай, каже, писля провидъ поиду, самъ довидаюсь.

Покы винъ поихавъ, ажъ у середу по проводахъ — чуемо, щось зъ дзвоныкомъ торохтыть прямо до Пухлыны въ дверь; бачу я: судовый прыставъ, я туды, цикаво... Чую: щобъ ты думавъ? Зроду — вику не вгадаешъ! прывизъ прыставъ Иванови оповистку, що-бъ стававъ на судъ: сынъ и невистка позываютъ, чому не выплачуе имъ своихъ векселивъ... Бачъ! Отъ якъ выплылы ти вексели, наче олыва на води.. Воны уси булы на Дмытрыка, а винъ узявъ та одынъ на жинку пережырувавъ.

Иванъ и каже тоди:

— Туть щось непевне:abo воны показылыся,abo свиту представлення не за горамы вже: яки имъ гроши? колы я ихъ бравъ? Се такъ! славно, батька въ судъ! та за що? яки то вексели? воны, простить на слови — тъфу! воны замисть уступнои, уступну выправылы, векселямъ квить!

— Се вже не мое дило, каже прыставъ: мое дило доручыты вамъ отси оповистки, щобъ на судъ ставалы.

— А якъ не стану? — пытае Иванъ.

— Поставте за себе адвоката.

— А якъ и сёго я не скочу?

— И такъ прысудяты...

— Платыть?

— А вже-жъ.

— Гмъ! а якъ не скочу? я-жъ на те батько?

— Про се не скажу: порадытесь зъ якымъ адвокатомъ, може винъ видбрешеться.

Пухлына взявшъ ти оповистки, заскрготавъ зубамы, та до Рудого.

— А Рудый якъ выложывъ ёму, що воно оти вексели, и до чого воны ведуть; въ Ивана наче сердце одирвалося; буцимъ хто, казавъ винъ потимъ м-ни, узявъ мое сердце та въ ростоплёну жывыцю вложывъ. Сыдить винъ биля столу, а слёзы ёму капъ-канъ!..

— Стари слёзы, Якове! крый Боже! яки пекучи. Сыдивъ, сыдивъ, дали зненацька якъ демене кулакомъ объ стилъ, якъ гуконе не своимъ гласомъ:

На Сибирь, на шыбеныцю пиду, а свого не попущу! ни! щобъ моя кровъ та зъ мене знушалася, щобъ мій сынъ — та мене зъ мои хаты выперъ! ни во викъ не попущу! Я ёго де зустрину—задушу; щелепы ёму на двое роздеру, сокырою голову зитну! Суды мене Богъ та царь!

— Отакъ розлютився! звиремъ ставъ чоловикъ, ажъ трусыться, а очи—ажъ горять... Рудый та бачыть та лыса вдає, заспокоює, вболиває.

— Втыхомыртесь, — каже: до Сибири далеко, обійдемось и безъ сокыры; перо гострійшэ сокыры и липшэ рижэ.

Охъ, Боже мій, Якове! ризачка була-бъ попоризала ёго вражого сына!

Мы, — каже Рудый до Пухлыны, -- безъ хустки носа втрэмъ.

Тай наустывъ старого повыдаваты вексели на виру, винъ каже: проты васъ тры тысячи, а мы проты нёго трыдцать; отъ ёму и буде дуля пидъ нись. У мене е таки людци, що на ихъ, якъ на скелю.

Пухлыни наче свить хто заслонывъ. Положывся на Рудого, а винъ ёго й пидвивъ пидъ манастырь.

Наробылы воны векселивъ.

Скоро прочулы про се ти людє, шо давалы Иванови въ позычку гроши на весилля — и ти заразъ до ёго:

— А якъ же зъ намы? мы готовыкомъ давалы, платы! Се така ричъ, умивъ браты, умій вертаты.

Иванъ и каже имъ:

— Ничымъ вертаты: або цинуйте мою леваду, або ждить, докы самъ продамъ.

Людє на те до ёго:

Мы не жыды, шо бъ цинуваты добро своего чоловика. Пидождемо.

— Людє по людськи, а Рудый потай Пухлыны, зъ тымы векселямы, шо нарыговалы проты Дмытрыка у судъ. Судъ таке дило—платы.

— Ничымъ!

— Колы ничымъ — цинуваты.

Пишла сутанія.

Звеливъ судъ Рудому обпysаты и поцинуваты усе Иванове добро, а самого Ивана... Боженьку нашъ мылый! Господы нашъ любый!.. кажуть: „Ты навмысне объявывся банкротомъ! иди-жъ въ острогъ!“

Винъ сюды-туды, кынувся на Рудого зъ колодачемъ... Рудый въ бикъ, а ёго пидъ плечи, та въ острогъ!

Повезлы!.. Господы!.. ажъ млосно, якъ згадаю!

Цинують леваду, двиръ, хату, воливъ, коней; усе геть—чисто поцинувалы, пошматувалы и попродалы... Зруйнувалы чоловикове кишло и самого ёго на вики занивечылы... Розсуды ихъ, Господы!.. бильшъ никому, а Ты не скрывдыши...

Слухай, Якове, до чого воно йде. Якысь „конкурсъ“ спорудылы, та туды Дмытрыка и Рудого и посадовылы орудуваты. Рудый цькуе, Дмытрыкъ гавкае на батька, а „конкурсъ“ той рве... Розшматувалы, разшарпалы Иванову худобу, та тоди до ёго самого,— душу зъ ёго выйматы заходылысь. Чуемо, лагодяться ёго судыты та на Сибирь запроторыты, за те, шо винъ таку силу векселивъ повыдававъ. — Эге! чоловикъ у домовыну дывыться, а воны на Сибирь ёму воза лаштують... Мордують чоловика, а заступытыся никому.

Якось писля жнывъ зустривъ я нашого мырового суддю, пытаюся у ёго про Ивана:

— По якому се,—кажу,— зъ нымъ таке нелюдське, недовидоме?

— Нє мое дило! каже, и, спасыби ёму, пораявъ намъ вдатыся до слизчого, та выпрохаты Ивана на поруки.

Вернувшись я до дому. Саме на першу Пречисту зибралася наша громада порадытысь: кому зъ чымъ проты жука выходыты? Жукъ такый хотивъ на наши ярыны налетити: а началство, якъ прочуло про ёго гаспидську думку, заразъ вѣлило громадамъ выходыты проты ёго и нивечыты.

Отъ я тоди й кажу до громады: такъ и такъ: той жукъ чи прылетыть ще; чи ни, а отъ вже настоящій шершень налетивъ на насть: сынъ зъ батька знущаеться, въ острогъ задавъ, ще й въ Сибирь похваляеться, а мы мовчымо! По якому се? оте руде щеня баламутыть людей, цькуе, а намъ байдуже! гриха не боимося! За што Пухлыну на Сибирь? кому винъ шо лыхого заподіявъ? Люде добри! скамениться!

Громада взяла мое слово до сэрця. Заразъ поклякалы Рудого: уси на ёго мокрымъ рядномъ въ одынъ

голосъ: „Що ты, песький сыну, вытворяешъ? на те мы тебе выгодувалы, що бъ людей рвавъ!“

Ганымо ёго, а воно — наче й не до ёго, ще й смеяться:

— Нападиться, — каже: — на кого богатчого! и зубы скалышь.

Хтось грымнувъ зъ громады недобрымъ словомъ.

Тоди воно на дыбки:

— Вамъ якое дило до мене! я не вашего звання! я мищанынъ, а вы козакы.

— Нехай ты и не нашего звання, такъ нашихъ людей зъ кругу сонця зводышъ, наше село поганышъ. Вже никто, якъ ты пострунывъ Дмыtryка? ты й век-сели вымудривъ, ты Иванови стежку до острогу проптеръ, ты всюму лыхови прывидъ дававъ!

Змагається винъ:

— Мої вини нема, я ничего проты закону не заподіявъ; проты громады я не йшовъ. Хиба то моя вина, що батько не зважывъ своеї сылы, не звернувъ увагы на свій викъ, та й ну гратася зъ сыномъ, „у тисної бабы!“ Звычайна ричъ — хто дужчый, той и выпре. Сынъ молодий, пры здоровыи, — винъ и выперъ. — Чичувъ ты, Якове, таке? добре выперъ зъ ридної хаты та въ острогъ... Се, каже, „въ тисної бабы“ гратася!.. га! чуешь! добра гра! на аркани-бъ винъ попогравъ!... Громада обибрала трохъ чоловика: мене, отсёго Петра та Киндрата Соху и вырядыла насть вызволяты Пухлыну... Намъ тоди наче хто паморокы забывъ: зовсимъ про тебе забулы... На те вже воно йшло...

Мы до слизчого:

— Добре, — каже, — можна Пухлыну на поруки, абы вы застанову положылы.

— Велыку?

— Пять тысячивъ.

— Игы! твоя сыла, твоя й воля! усе село перевишай, такои грошвы не зберешъ...

— Чи не скынете чого? — благаемо слидчого.

— Не можна, не моя воля.

Поставылы Ивана на судъ, пытаются:

— Яка за тобою вына?

— Велыка моя вына, — каже винъ: — „выгодувавъ такого ледачого сына“, — и вказуе на Дмытрыка, и винъ вже тутъ.

Прысяжни й не судылы ёго: моргнулы одынъ на одного, та въ одынъ голосъ:

— Не выноватый Пухлына.

Судъ заразъ ёго й выпустывъ, каже до ёго.

— Иды до дому, тильки спершу верны казенну одежу.

Пишовъ Иванъ въ острогъ передягатыся. Було вже зовсимъ смеркомъ: винъ и каже:

— Куды я проты ночи пиду? Переноочую ще разъ въ острози.

Ёму й не заборонылы того...

Бранци повставалы, дывляться... Пухлына не встae; до ёго, а винъ вже заклякъ.

Трохымъ замовкъ.

Петро глыбоко зитхнувъ и перехрестывся.

Мы сидилы мовчкы, нимо, понуро... наче хто роты намъ позашывавъ. Згодя Трохымъ пидвивъ свои вожки очи и каже:

— Бачъ, Якове! яка у насъ „тисна баба“ завелася! Порадъ же ты насъ: чи не можна и намъ погратыся зъ отымъ Рудымъ брехунцемъ „у тисной бабы?“ За сымъ мы до тебе и прыхали.

У мене въ серци заходыла така „тисна баба“, що
я на силу промовывѣ:

— Нехай завтра, Трохыме! сёгодни часъ спаты...
втомывся слухающы...

Полягалы спаты...

Цилисеньку ничъ я й очей не сплющувавъ...
Усю ничъ ввыжалася мени „тисна баба“ и не давала
спаты.

1889 р. У Кыеви.

МЛЫНЪ.

авня се ричъ: мабуть лить сорокъ тому буде.
Довелось и мени пидъ зеленою шапкою ходыты:
цилыхъ шисть лить простаршынуавъ та вже-жъ и
клопоту набрався стильки, що й забожытыся — такъ не
грихъ, що на шисть воловыхъ грынджоливъ пидъ ру-
бель не вмистывъ-бы... Ну ёго къ Богу те старшыну-
вання!..

Я зъ батька тесля ремесныкъ, не то, щобъ велы-
кий, а такъ соби: сякий-такый майстеръ, а трисочки
бувалы. Якъ дзвиницю въ нашій церкви будувалы,
такъ я на угли правывъ. А дзвиниця у насъ лєпська:
хто чужый чи иде, чи йде поузъ неи, гляне и похва-
лыть... Эге! було въ рукахъ ремесло та бурьянномъ
заросло! Майструвавъ-бы соби й доси, колы-бъ громада
не була напосилася на мене та не выперла мене на
старшыну, прямо колиномъ выперла... Чого не робывъ:
и просывся, и молывся, страхъ якъ не хотивъ, — та
хотинъ прыневолывъ! Звистно, копа переможе й попа.

Старшыну я рикъ, два, ничего: — люде не нари-
каютъ, громада не жене чмеливъ на мене и начальство
не дуже таранивъ гонить... не безъ того, щобъ николы
не гаркнє, такъ на те-жъ воно и начальство... А я вже
наче тій болячци годывъ; самъ було за всихъ и за все:

я, мовлявъ, и сніпъ и перевесло, и лопата и помело. Марудно було... звистно самъ и сыныця и западня и вовкъ и вовкивня... Ну ёго! Никому не зычу и не раю пидъ полумьямъ ставаты... часомъ дмухне такъ, що й осмалыть.

Гараздъ! Старшыну соби. На весни якось прыбигла зъ округа летючка. Летючка—щобъ вы знали— се такый штафетъ бувъ. Колы що шпарко прыпече, значыть и летючка: наїышуть, значыть, въ окрузі бомагу, прыпечатаютъ до неи перце и пустять. Летыть зъ нею чоловикъ верхы и день и ничъ не спочываючи, не оглядуючись, выхремъ курить. Прыбижыть до тебе, хочъ-бы опивночи було—збудыть,—хочъ-бы вмиравъ— пидійме. Прыбигла ота летючка... пысарь чытае... Эге! дій ёго честы!.. се не те, що мете, а те, що зъ верху йде!.. Новый єнораль иде!.. По всихъ селахъ ихатымо и нашого не мыне... такъ щобъ ото въ росправи було чисто-пречисто, громада щобъ на поготови стояла, а старшына выбигъ на зустрічъ ёму ажъ на саму межу, докы сягають земли нашего села...

Ну, тутъ вже нема що ворожыты... Николы вже по опеньки ходыты... Заразъ дивчатъ, бабивъ зъ половыны села въ росправу: „Чепурить!“—кажу имъ, щобъ такъ було, якъ на Велыкденъ. Заходылыеся! Пишла така сутанія, наче въ пекли: стелю и стини шпарують, билять; помисть милють, шарують; бовдуру хутрють; стрижу пидстригають; гній въ повитокъ вивозять, дверъ и задвирокъ вымитають та пискомъ высыпають!.. За два дни прыбрали, прычепурили... стало въ нашій росправи, наче въ виночку: доливка наче вискъ жовтіє; стеля така весела, наче сміється, немовъ та дивчына на вин-коплетынахъ; а стини то булы таки коряви, наче сухоребра коняка, а теперь таки прывитни, наче моло-

дыця зъ першымы пырогамы... ажъ духъ на ныхъ ради!.. Въ двори потрусылы лепехою, наче въ клечану недилю... Любо и глянуты, и такъ гарно пахне... И панъ-отецъ нашъ Максымъ прычепурывся... винъ у насъ школою правывъ, такъ и ёму велено ждаты енорала, и винъ ряску нову мусивъ пошыты... Винъ у насъ и небоязкый бувъ, та хиба на смилого собакы не нападают?

У мене—каже—за вухомъ не свербыть, а все-жъ еноралъ московський не нашъ братъ... хочъ не вкусыть, такъ злякае. Та ще не знаю, якъ ёго зустричата: чи зъ кадыломъ, чи зъ кропыломъ?

— Сёго вже — кажу ёму, я тымъ паче не знаю... Якъ тамъ у васъ показано по требныку, такъ и чынить.

— Въ требныку — каже — таки случаи не пропысани.

— Значыть: трудна ричъ.

А пысарь нашъ и рае:

— Може-бъ—каже—и зъ кадыломъ и зъ кропыломъ, щобъ нё сердывся еноралъ...

О. Максымъ нё видважывся самъ ни на те, ни на друге. Поихавъ до благочынного. Той сказавъ:

— Ни зъ кадыломъ, ни зъ кропыломъ, а зъ самою лышень проскуркою.

Ждемо. Кажу я до пысаря:

— Кують у мене ковали...

— Охъ, и въ мене въ голови, наче въ млыни!—
каже винъ,— якъ почие таранивъ гнаты...

— Оліи не выбье!—шуткую я.

— Оліи не выбье, а въ ушахъ лящатые...

— Не журиться,—вмишалася моя жинка,—теляты
ище небачылы, а вамъ вже вовкъ увыжается...

— Мовчы, бабо! не твое мелеться! Ждемо. Прыбигъ окружный—ничого! Походывъ, подывывся, понюхавъ... току ногамы не мисывъ.

— За тыждень, — каже—прыиду зъ енораломъ!

Мы ще разъ доливку хвощемъ вышарувалы: дивочыхъ рукъ и спынъ не жалилы — нехай же й воны тямлять, яка то цяця енораль!

А въ суботу у вечери зновъ летючка: „иде!“ — щобъ до свиту бувъ я на межи!

А бый тебе сыла небесна! И выспаться не даютъ!

Наказавъ я, щобъ громада була на поготови, самъ прыбрався, верхи на коня и на межу. Вартую пидъ вербою. Вже й свить, а ёго нема. А мене на сонъ такъ и тягне... усю табаку вже вынюхавъ... Ажъ ось въ обидню годыну — бачу: курява стовпомъ котыться по шляху. Я тоди на коня. Зыркъ! — окружный бижыть попереду. Я коня пидъ бокы та на-в заводы! Прыбигъ попередъ усихъ до росправы, зъ коня — скикъ! и стою биля шляху проты громады.

Вылизъ той енораль... такымъ ындыкомъ иде до громады. „Здорови булы!“ — промовывъ такъ якъ слидъ, по людськи, тилько що голось у нёго такой густый, хочъ лопатою горны... Ходыть, руки за спыну — чи воно въ нёго тамъ засвербило, чи то вже ёму такъ прыказано: руки назадъ? — не скажу.

Въ громади на самому переди стоявъ Евтухъ Цымбалысты, чоловикъ высокый, огрядный, голова гола наче колино, а вусы немовъ грыва у коня. Енораль ставъ проты ёго, впывся въ ёго очыма — а очи таки гостири та вертки, наче дзыкга.

— Яки у васъ „нужды“ есть? — пытаеться.

Цымбалысты на лыхо не дочувъ, — ёму саме тоди одно вухо заложыло, — не дочувъ и каже: — може въ ко-

го й е... седо наше велыке... нѣ можна, щобъ у кого не було нужи... А що до мене, такъ Богъ кривъ! — що тыжня голову мыю. А про другихъ — байдуже, нѣ видаво.

Окружный якъ почувъ, почервонивъ наче калына, перелякався! — бачте, енораль про „нужду“, а Цымбалыстый ёму про „нужу“, — пидбигъ до енорала и каже:

— Сей козакъ глухий, нѣ дочувае!

Тоди енораль одступывъ трохы въ бикъ та й зновъ:

— Кажить: яки у васъ нужды е?

Люде мовчать.

— Чого мовчите? Кажить, нѣ бійтесь! Я за сеничого!

Люде мовчать. Винъ тоди якъ гукне, наче зъбочки:

— Говорить!

Хтось вже зъ громады и промовывъ:

— Кажить, кому треба.

А другой хтось:

— Мени нѣ треба.

— Нѣ треба! А де сей „нѣ треба“?

Выходь сюды! — гукнувъ енораль.

Цымбалыстый зновъ ни до ладу, ни до прыкладу, а якъ то кажутъ „нате й мій глекъ на капусту!“ — нѣ дочувъ якъ спидъ; а гадавъ, що енораль клыче до себе Елисея Нетребу, тай каже:

— Де вже, пане еноралю! Нѣ выйде Нетреба... ще позаторикъ дуба давъ!

— Я нѣ про дуба, а про нужды пытаюся! Розумієшъ ты, чи ни? — крикнувъ енораль.

Цымбалыстый и каже:

— Отъ вы про що!.. про нужды! Нужды у всякого е: кому хлиба, кому до хлиба, кому солы, кому дѣгтю...

— Се не громадськи нужды! — перебывъ ёго еноралъ — вы мени таку скажить, щобъ усимъ щемило одъ неи!

— Отаку! Такихъ найбильше есть. Отъ хочъ-бы й рекрутчина сама: одъ неи усимъ щемыть — и батькови и матери, и сестри и братови, и жинци и дитямъ. Колы одъ неи вызволыте, за се вамъ и дитямъ вашимъ одъ усихъ на вики буде дяка!

— Се не моя воля! одповивъ сердыто еноралъ — про се ничего ѹ речи знитати!

Цымбалыстый тоди зновъ свое;

— Вже, пане енорале, де свербыть, тамъ и почухаешъ, де болыть, тамъ и торкнешъ. Отъ-бы и отъ податкивъ треба пильгы, и отъ одбуткивъ...

Бачу я, що Цымбалыстый отъ — отъ на самый пень наайде, та вже ѹ кываю и моргаю на нёго, а винъ не ѹметься, мне языкомъ, наче баба лемишку въ макитри... Ну, думаю, тилько ты мене пидведы пидъ млынъ, я тоби очи промью... Я-жъ соби про який млынъ? — се такъ говорыться, колы хто не доладу языкомъ меле, а навиженный Евтухъ и справди зъихавъ на млынъ!

— Отъ, — каже до енорала — и намлыво у нась, крый Боже, яка велька нужда! Въ литку витры сплять, витрякъ не повернеться, — вергай жорнамы!

Еноралъ на те:

— То тымъ, що у васъ вельмы нызьки витрякы. Будуйте на высокихъ стильтцахъ, въ чоловика заввышки, онъ якъ на Лытви.

Цымбалыстый зновъ попустывъ языка:

— На Лытви, паночку, и хрушъ—мясо! Лытвынъ и—дме и куе, и щые, и пёре, а спытайтэ у ёго—то ѹ не тямыть, що робыть. Намъ бы треба водяного млына... и ричка у нась е, и на воду вона багата.

— То ричка казенна! — перебывъ окружный.

Цымбалыстый и тутъ не змовчавъ:

— Зъ роду—вику—Божа вона!

Енораль наче зрадивъ:

— Бачу, що се справди у васъ велыка громадська нужда. Добрэ, буде у васъ млынъ!

На коней и поихавъ.

Я перехрестывся обома рукамы та подякувавъ Все-вьшнёго, що не вмывся юшкою и зубы цили.

Мынуло лито и осинъ. Саме якъ разъ на Водохреща мчыть нечыстыи прыказъ: людэй и пидводы постачаты, дерево вывозыты... казна будуватыи на нашій ричци млынъ!

Ожъ воно що выйшло зъ той сырьци, що Цымбалыстый жувавъ! Що-жъ?.. добрый млынокъ — Божыи дарокъ! Тильки смутокъ ёго знае: хто правыты-ме тымъ млыномъ?

— Хтось одъ царя — каже пысарь, — колы казенныи млынъ, то вже не инакъ, якъ такъ.

Эге! А людямъ докы-що мёрокы прыбуло: свое кыдай, а на казенну роботу ѹды!.. Та вже-жъ! Не можна ѹ казни не помогты: хто-жъ на неи ѹ робыты-ме, колы не мы?

Вывезлы дерево. На весни, на саму Похвалу прыхавъ окружный, Нимця якогось прывизъ до нась и каже:

— Отсе той, що млынъ будуваты-ме, такъ слухайте ёго, робить, що скаже!

Заходывся Нимець коло млына. Нагналы ёму людей наче на панщыну. Будують. Вывелы вже клитку, взялыша за снасти. Бачу я, щось воно наче не до ладу: клитка нова, а крывацца, наче стара баба позихнуты збираецца... Кажу я Нимцеві:

— Щось воно тому млынови наче бокомъ лизе...

Винъ засунувъ въ зубы сосульку, смокче іи, блымае очыма, сыдты праты млына, мнё свои банькы, наче сучка въ човни. А я зновъ до ёго:

— Клитка крыва... пали не ривно повбывалы — каминъ объ каминъ чеплятыме!

А винъ на те:

— Цень-день-теревень! — пырскае слыною та мнё губамы, наче швець шкуру, ничего не разберешъ, що винъ плете, — тилько и вміе: „карошъ“, „карошъ“. А що воно за „карошъ“ — не знаю я. Бачу, що зъ ёго такій майстэръ, якъ зъ мого теляты стрыжча! Винъ то и раднійшы косыты — та нема кому косы носыты... Бачу, такъ що-жъ, колы „карошъ, — карошъ!“

Мовчу. Думка у мене така: ёго начальство прыставыло — то й нехай! А то вмишаюся, та ще не въти ворота заиду... Цуръ ёму!

Спорудылы той млынъ. Люде ради: отъ, думають, на жныва ще й намелешъ, жорна спочынуть. Жиноцтво напе ажъ молытца та благословыть ёнорала... „Теперъ, кажутъ, жорна за дверь!“

Саме ото передъ девятою пятныцею у середу и пустылы той млынъ вперше. Гуде! страхъ якъ гуде! — немовъ четыри витры у велыкому лиси. Гуде — та не меле, тилько шеретуе.

Нимець той — Лембыкъ Кырыловыч — се мы ёго такъ велычалы, а сущэ ёго имения не таке було, — походило трохы на Лембыкъ, та не Лембыкъ, — бачыть,

що зъ рукава въ скрыню сыплеться не борошино, а шеретоване зерно, похытавъ головою, губу одкопылывъ, та й гукае:

— Заставте воду! Спынить млынъ, треба каминъ осадыты!

Осадылы.

— Пускай!

Пустылы. Камиń объ каминъ черкне, якъ заскыглыть! Господы, твоя сыла! Десь мабуть у другому сели чутно було...

— Заставъ! Заставъ! — Зновъ репетуе.

Ходыть Нимець биля скрыни, смокче сосульку, а не знае, що діяты. Я бачу та мовчу. А люде заразъ на глумъ... всячыну выдумують:

— Не по нашій води млынъ! — каже одно. А друге глузуе та радыть:

— Саломъ каминня пидмазаты!

— Не саломъ, а колыбъ смальцемъ изъ жаръптыци!

Той зновъ глузуе:

— Смальцемъ поскоромыть, а отъ колы-бъ медомъ!

— Та ще колы-бъ тымъ, що зъ папороты бжолы наносылы!

А я все мовчу. Лагодывъ той Лембыкъ Кырыловычъ, лагодывъ, нарешти третимъ разомъ пустывъ, зъ пидъ каминя ажъ искры сыплються — та такы змоловъ. Не багатечко того, на розчыну бы стало. И тे гараздъ.

Взявъ Нимець коней та въ округъ.

За килька дэн вертае до нась, окружного везе и комысю.

— А що старшина? добрый млынъ? — пытаеться у мене комысія.

Я соби на уми: знаю, що той млынъ будувався,
якъ на мертвого шытъ,—та не моє дило, — а въ го-
лосъ, смыкнувшы думкою, я сказавъ:

— Добрий буде, якъ добре молотыме.

Окружный набравъ зъ скрыни борошна въ жменю
и пытається у мене:

— Се винъ моловъ?

— Вже-жъ нихто якъ винъ.

— На що й лишне! Пречудесно! наче на съто
просіяне, хочъ паску печы!

Винъ борошно хвалить, а комысія шестерню, и
кажуть:

— Се такий млынъ! такий млынъ, що й не ска-
зати!

— Такъ и треба! — каже окружный, бо й грошей
же велыку сылу въ ёго впхалы!... Якъ на твою думку
старшина, що млынъ коштує?

— Святый ёго знає! — кажу — колы-бъ на свои
гроши, то-бъ и знатъ, а то на казенни... та ще за ни-
мецькимъ прыводомъ!... Се вже велыка рахуба...

— Одначе, якъ гадаєшъ?

Я сюды-туды, якъ бы ёго не вскочыты въ кло-
пить, — кажу:

— Мабуть за тысячу перескочыло...

— Тю-тю! голова! Насылу въ пять обійшлося!

Похвалы млынъ и поихалы, и нимець той зъ
нимы. Тильки мы ёго и бачылы! Хытрый Лембыкъ!
пры комысіі не пустывъ млына!

На Полупетра посвятылы млынъ, звистно, щобъ
куцый, буває, не шкодывъ. На посвятыны прыхавъ
помишныкъ окружного. Винъ и каже:

— Теперь нехай громада прыймае млынъ на свои
руки та мирошныка выбере.

— Отсе такъ! — думаю, — отсе доихалы!.. Се все Цымбалыстый такого намъ накоивъ — нехай же винъ самъ теперь той млынъ прыймає, доглядає и мирошныкуе...

Громада якъ почула—рукамы и ногамы!

— Щуръ ёму! пекъ ёму, тому млыну! Молоты будемо, а за доглядъ не беремось. Якъ се можна! Колы-бъ винъ ще людський бувъ, а то казенный! Нехай ёму те та се! Не хочемо! Хочъ вы намъ що, хочъ и „сикуюцю“, а не хочемо!..

— Вы-жъ прохалы енорала! казалы, що вамъ млына бракує!—усовищуе громаду помишныкъ окружного. А громада свое:

— Не нашъ кинъ, не нашъ визъ—не намъ и поганяты!

— Та черезъ що-жъ вы цураетесь?

— Мы не цураемся, а за доглядъ не беремось. Молоты memo въ ёму, дякуватымо еноралови и усёму начальству, дай Боже доброго здоровья, тильки вызвольте одъ догляду, не вводьте въ напасть!

Помишныкъ окружного довго вовтузывся, та ни просьбою, ни гризьбою не скрутывъ громады. Тоди и каже :

— Не берете млына—хочъ мирошныка дайте!

— Дежъ мы ёго въ Бога визьмемо? У насъ такого чоловика нема. Тутъ абыкого не можна! Ще колы-бъ на який поганенъкъ витрячокъ, то може-бъ хто и одважывся мирошныкуваты, а на таку озію, на таку немецьку штуку треба такои людны, щобъ и у неи голова була зъ ковалъскій михъ, а щелепы зъ крыци...

Мынулы жныва, а млынъ стоять... мирошныка нема.

Писля Пречистои прыбигъ зновъ помишныкъ окружнога, каже:

— Казна надъ вамы змылувалася, ослобоныла васъ одъ дogleяду за млыномъ и ще й мирошныка свого дае, —тилько мелить!

И справди прывизъ до насть якогось плюгавень-
кого чи Лытвынца, чи Москалышка.

— Отсе,—каже,—вамъ мирошныкъ, а отсе книж-
ка, — нехай старшина запысуе, скильки чого змелеться.

Я такъ и обимливъ, якъ се почувъ.

— Мылуйте и жалуйте! —кажу,—якъ я запысува-
тыму, колы я не втну, „ни мну, ни тну?“... Людина
я темна, неписьменна.

— Нехай пысарь, се ёго дило.

У мене наче каминъ эъ шыи впавъ, на печинкахъ
полегшало; подякувавъ ныщечкомъ Богу, що знявъ эъ
мене ту нахабу... А пысарь и соби змагается:

— Не розирваться-жъ —каже—мени на двое! И въ
росправи пышы и въ млыни пышы... Якъ ёго однимы
руками?

Помишныкъ окружнога радыть ёго:

— Хто нестыме чи везтыме зерно до млына, не-
хай спершу заверне до росправы. Ты ёго запышешъ,
дасы квитокъ до мирошныка — отъ и все.

Цымбалыстый доси мовчавъ, а тутъ наче ёго кгедзъ
укусывъ, выхопывся, немовъ шершень эъ дупла, и
каже до помишныка:

— Такъ воно, паночку, незручно буде! Рес-
права на одному кинци села, а млынъ на другому. Не
до ладу людямъ забыватыся та часъ зводыты...

— Мовчы! — та ни эъ сёго ни эъ того лулусь ёго
по щелепахъ.—Робы якъ велять! —гукнувъ до пысаря,
а самъ на брычку та „паш-ш-о-о-о-лъ!“

Мирошныкъ той почеплявъ на ретязи ключи одъ млына, ажъ четыри ключи, прывисывъ ихъ до пояса, ходить зъ нымы наче коновалъ зъ своими прычандаламы, та заклыкае людѣй у млынъ молоты. Люде кынулыша зъ клункамы. Били росправы чисто тоби буцимъ ярмарокъ... Марудно пысареви: усё пышы квитки та давай! Зъ ранку до обиду дававъ, ажъ упривъ, наче за ручкою.

По обиди спочывъ я тай думаю: кѣ лышень, на-видаюсь до млына, якѣ тамъ млыво. Прыхожу. Батечку мій! вода ажъ реве, каминня гуде, а зъ рукава цили-сеньке зерно плыне, борошна и блызъко нема! Народу и въ млыни и на грэбли такый тыскъ, шо нигде ѹ курци носомъ клунуты. Регить, смихъ, глузы таки, шо ѹ не сказать! А мирошныкъ той дзыкго бигае, почервонивъ, засапався, лютуе, а люде ще гирше прыкладуютъ:

- Отсе млынокъ! отсе дарокъ!
  - Млынокъ то ѹ ничего, та вода густа!
  - Не въ тому ричъ, шо въ хати ничъ, а въ тому, шо мирошныкъ половъянный!
  - Мирошныкъ шо? Ёго дило: пустывъ, пидкру-тывъ и сивъ!
  - Эгѣ! сядешъ! — наче въ гречци!
  - Помажъ шестерню медомъ!
  - Пидбай клына!
  - Перехресты каминня!
- Глузуютъ, а Лытвынецъ бигае, та:
- Вотъ-сь бяды! вотъ-сь бяды!
- Мене ажъ жаль за ёго взявъ.
- Бачу я, шо винъ такой розумный, наче Беркова ярмулка, и кажу:

— Чоловиче Божый! Не за свое ты дило ваявся! —
А винъ ще й пытається:

— Евта начаму?

— Тому, що твій батько моловъ не віючы, маты пекла несіочы, а ты поивъ не рижучы.

А знаєшъ ты, на що въ коня голова?

— На те, що безъ головы не можна.

— Отъ неправда! На те, щобъ посторонки не спадалы... Заставъ свій млынъ, не переводъ намъ воды! Зъ твого млына не исты намъ хлиба, а воду намъ забавить, то й рыба подохне. Заставъ!

— Не можна, — каже, — колы прыказано, треба молоты. Чи хочъ, чи не хочъ, а перескочъ! Проты прыказу начальства не йди!

— Колы такъ, мелы соби! Мени тильки воды шкода. По моему, якъ маты погано ораты, то лише выпрягты. А про то, — мелы!

— Не рушъ ёго, —озвався Цымбалыстый, — нехай людей забавляе...

Силы мы на колоди, табакы понюхали, выгадокъ послухали тай розійшлись. Люде за клунки та й соби зъ млына. Регочуться.

Уранци нашого мирошника и вода вмыла. Довго про ёго и чутки не було. Млынъ стоить... мы вже и забули про ёго. Ажъ ось окружный прыбигъ, та ще не самъ, а зъ якымсь судовыкомъ зъ губерніи довидатися запевнє, чому млынъ не слухає начальства, чому не хоче молоты? И мирошникъ той зъ нымы вернувся. Цилый день ходылы коло млына. Судовыкъ, що зъ губерніи, тильки головою крутыть — бачу я, препогано крутыть... заразъ и видно, що винъ знає, де мыши дирку прогрызли.

— Занапастылы — каже — гроши!

Треба камиňя зняты, клитку выважыты, шестерню нову...

— Эге,—думаю я—у ёго вси клепки дома... сей маху не дастъ!

У вечери силы воны чаюваты въ росправи, поклыкалы й мене. Окружный мій такый добрый та мякенький, наче восковый, частуе мене и каже:

— Я чувъ, Мартыне, що ты добрый майстеръ?

— Ать nibы то!

— По правди кажы!

— Заступыльно вытешу...

— Отъ и брешешъ! Ты жъ на дзвиници угломъ правывъ?

— Колы то те було!

— Ось послухай мене: наймыся млынъ полагодыты!

Я такъ и зумывся.

— Де такы—кажу -- мени за таку ричъ братыся?

Се вы глумытесь зъ мене.

— Ни, каже—отъ хресть святый, колы неправда!

Я довидався, що зъ тебе добрый майстеръ, такъ чомъ же тоби и соби не заробыты, и начальству не вгодыты?

— Начальству,—мовывъ я, — зъ дорогою душою готовъбы,—та въ чому инчому... а се страшне дило, не на мій копыль чоботы.

— Се ты начальствомъ нехтуешъ!...

— Крый мене Боже! Нехай мене се та те, колы я що таке! Тому не беруся, що боюсь, а для начальства усе готовъ... опричь сёго...

Винъ мене зновъ частуе та:

— Колы любышъ мене, берысь за млынъ!

— Ни,—кажу—шынкарь якъ любить пьяныцю, а доныки за ёго не oddастъ.

И одкараскався.

Прыхожу до дому, сивъ за вечерю... чи взявлъ ложку борщу, чи ни,— двери рыпъ... суне той миросныкъ.

— Чого се воно! — думаю соби.

— Добрый вечеръ! — каже — хлибъ — силь!

— Имо та свій! въ ротъ носымо и тебе до гурту просымо!

Прысило и воно до столу... борщъ такъ уплитае, ажъ за ушамы ляшты. Слово по слови и начало воно зводыты ричъ на млынъ. Я слухаю, а воно все йде до того, щобъ я нанявся млынъ полагодыты. — „Гмъ! — думаю соби, — чого се воны на мене намагаютъ? Тутъ щось непевного е...“ И до сына:

— А на, Степане, семыгрывенныка та прымчы намъ кварту!

Думка въ мене така: загалуню отсе Лытвынча, то воно може розвяже соби языкъ. И не помылывся... на мое выйшло. По чарци, по другій, Лытвынча мени и выложыло, якъ на долони.

— Такъ и такъ — каже — якъ заходывся отой палатський губерець рахуваты, то вырахувавъ, що на тѣ, щобъ прывесты млынъ до дила, треба найменыше дви тысячи карбованцівъ. Окружный тогди якъ заголосыть: „Бога побійтесь! Що се вы кажете! якъ се можна! Та колы вы еноралови подасте таку рахубу, винъ мене зъ свита зжыве! Мени тоди й Сибиру мало! прямо жывымъ въ землю лягай! Скаже: куды дывывся? — Значыть: за одно зъ Нимцемъ казенни гроши пэреводывъ, казну дурывъ, царського добра нє пыльнувавъ... що я тогди казатыму?“ Губерець на тѣ й каже: „такъ що-жъ зробыты?“ А окружный благае ёго: одышить до енорала, що тутъ всёго лагоджиння рубливъ на двадцять, а лышень заходу багато, бо ыржа каминъ обложыла“. Чи чувъ хто таке: „ржка каминъ обложыла“. Зъ роду

не чуано; отже благае окружный тай благае, щобъ ыржу ту напысаты, и тоди каже, „я зо всихъ своихъ волостей майстривъ зжену та изъ своеи кышени яку сотню докыну. Шкода не моя... та що вже! абы лышо тыхо...“

Справди, треба було лишне доглядаты мени за Нимцемъ...“ Губернець и каже до нёго: „звистно пожалуешь ухналя, то й пидкову згубышъ...“

Я соби отсе все ѿ намотавъ на вуса.

Ото-жъ воны й справди вывелы таке, що ыржа каминь обложыла!

Мынула зима. На весни приходыть и до насъ оповистка, що въ окрузи будуть торги на лагоджиння млына, такъ щобъ хто охочый нанятыся, йшовъ на торги. Цину за лагоджиння постановлено: одну сотню карбованцевъ, а на торгахъ, значить, визьметься хтось ще дешевше... „Э—э! —думаю я—не проведешъ ты насъ! У тебе мудра голова, та и въ мене вона не повстяна!“ Заразъ я до Цымбалыстого:

— Се кажу — твоя рощына, ты й мисы! Сидай, чоловиче, на коняку, метныся по селяхъ, буцимъ то наймыта шукаты, та осторежы людей, щобъ не йшли на ти торги. Цуръ имъ! Нехай не сподиваються зъ жука меду исты!

Гараздъ. Ждемо, що буде. Торги призначено на четвергъ писля Провидъ. Ну, — думаю соби, — побачымо, кому выпало цокнутыся о мазныцю головою... Думаю, а самъ никому ни чычыркъ, тильки Цымбалыстому... навить и жинци ни слова, бо моя Настя, хоч и тямыть, якъ плахту пидперезаты, а все-жъ такы и у неи не який, якъ жиночый языкъ, — треба зъ нею обережно, бо сказано; на кобылу въ поли, на жинку въ доми не сподивайся николы...

Добре,—та не зовсимъ!

У Вербну недилю у вечери лежу я соби въ господи, а на двори темнота така, хоть око выколы, а дошъ тюжыть, немовъ зъ видра лъе.

— Лаштуй,—кажу,—жинко, вечеряты, та швыдче спаты, щобъ свитло марне не горило.

Тильки се промовывъ, чую: бовъ! бовъ! бовъ! — на гвалтъ. Зыркъ я въ викно,—полумъя изъ-за грэбли такъ и шугае, и шугае! Я за шапку, та туды.

Эге—ге! казенный млынъ палае!

Господы якъ горило! Ажъ страшно було дывытыся, Я на людей:

— Гасить!

Кынулыша—де тоби! и прыступыты не можна! До тла усе згорило... тильки пали осмалени лышылыша. Каминя такъ у воду и шубовстнуло.

Мы й не жалувалы. Думалы:

Господь напасть зъ насть изнявъ. Отъ же не вгадалы! Якъ набигло до насть начальство: и окружный, и помишныкъ ёго, и становый, и ще хтось зъ нымы, та якъ взялыша стежыты:

— Чого млынъ згоривъ?

Люде кажуть:

— Того, що занявся.

Воны зновъ:

— Зъ чого занявся?

— Ни зъ чого-жъ, якъ зъ огню.

Воны зновъ:

— Де огонь взявся!

Де та дѣ, дѣ та дѣ?! — та якъ пипла гасдыцька тяганыя, то не одынъ разъ уприла у мене чупрына.

Потягалы мене,—Маты моя Божа! За що-жъ мене?
Чымъ я прогришывъ? Кажуть: „твій недоглядъ!“ Святы,
святы, святы! хиба я въ млыни миросныкомъ бувъ?

И слухаты не хочуут!

— Ты на те старшина! повыненъ за всимъ пыль-
нуваты!

Куды тилки мене не тягалы! И въ округъ, и въ
земський, и въ повитовый судъ, и въ палату,—думавъ:
душу зъ мене вытягнуть!.. Потягнуть отсе тай ну ля-
каты мене Сибиромъ. Лякаютъ, а я зъ переполоху колы
не тэлыцю, то лошицю, а то й паровыцю по боку...
Умылостывляться трохи:

— Мы тебе, Хымулє, жаліемо,—вболиває окруж-
ный,—колы-бъ кого ынчого, мы-бъ давно вже въ Си-
бирь запраторылы, а тебе шкода намъ.

Та колы-жъ не наша воля, треба выноватого знай-
ты... Не зъ неба-жъ упавъ огонь, та ще пидъ дощъ...
хтось пидпалывъ. А то казенне добро! Чому ты вар-
товыхъ не ставывъ коло млына?..

Отакъ! Добре воны мене жалилы! Пожаливъ вовкъ
кобылу, лышывъ хвистъ и грыву,—то такъ и воны
мене, докы не зсадылы и зъ коня, и зъ вола, и зъ
воза. Колы-бъ ще трохи, то булы-бъ и зъ кгрунту зса-
дылы, зъ хаты-бъ выперлы булы, та вже бувъ тутъ
одынъ панокъ, той заступывся за мене: ваявъ та все
чысто спысавъ до самого мынистера. А мынистеръ и
напысавъ до енорала:

— „Годи вамъ варыты зъ чоловика воду! Колы
ваявъ чортъ батигъ, нехай ёму и пужално!..

Тогда мене ослобонылы.

Отакъ я до злыднивъ достаршинуувався, все черезъ
Цымбалыстого, та черезъ той гаспыдський млынъ.

Цуръ ёму!

А все-жъ моя думка и теперъ така, що никто, якъ
оте Лытвынча пидпалыло млынъ. Звистно, не безъ того,
щобъ... Та вже нехай ихъ Богъ тамъ судыть.

1884.

ЗА КРЫГОЮ.

(Оповидання).

Зо за прегарный день выдався въ десяту пятницю! Сонечко свитыть, гріє, а не пече; не душно, не млосно. Повитря оксамитовою цивкою такъ само до тебе въ груды и плыне и плыне, надає тоби новои свижой силы и не дає сидити въ хати... Я взявъ брыль и пишовъ въ село Рокытяне провидаты давню свою знаёму, старенку бабусю Ольгу Чепелыху. Мени сказали зъ вечера, що Чепелыси не добре, нибы занедужала.

Чепелышына хата недалеко зъ кинця села, на горбочку, надъ самисенъкымъ Удаемъ. (Удай—ричка, допливъ Десны). Вона вже давно не Чепелышына, а внукивъ іи одъ найстаршои сестры Уляны Гончарыхы. Ольга давно видпysала на ихъ и хату, и грунтъ, и поле, яке тамъ було, aby іи годувалы до самoi смерты.

Прихожу.

Въ двори тому, якъ у виночку, чисто—пречисто, хочъ покотысь... Пидъ повиткою Ольжынъ внукъ Максимъ Гончаренко—чоловикъ лить такъ зъ трьдцять—сидыть верхы на стелюзи та выстругує стругомъ лискови обручи. Биля ёго малеча: хлопъятко и дви див-

чынкы — се вже Чепелышыны правнуки — граются стружкамы: нанызуютъ ихъ, нибы-то бублычки, та збираютьца „несты у гродъ“...

- Помогай Бигъ, Максыме! — озвався я.
- День добрый, зъ пьятыцею!
- Майструешъ?
- Этъ, абы то не сидить, згорнувши руки. На осинъ обручи выготвляю.
- Оныська (се Максымова жинка) дома?
- Нема, десь на лузи зъ полотнамы, билыть...
- Просымо-жъ до хаты! Заходьте... спочынте... втомылъсь... Пишкы?
- Пишкы. Гарный день такый... Бабусю провидать прыйшовъ. Де вона? Чувъ, що не здужае...
- Ни, въ добрый часъ поговорыты, ничего. Дякуваты Бога — выбрыкуе.
- Гараздъ. Въ хати вона?
- Ни, на задвирку. Ось я проведу васъ.
- Не треба... я стежечку знаю, абы тильки „Цыганъ“ лытокъ не полатавъ...
- Нема дома, — Оныська взяла до полотенъ.

Пидъ вышнею на задвирку на зеленій трави сидила Чепелыха. Самой іи за листомъ не видно було, манячила тильки хустка на голови, била — била, наче снигъ.

Задвирокъ той бувъ невелычкий, та що за гарный прегарный! Кругомъ по-пидъ тыномъ кущи бузку, а въ самому кутку вышня, — одна тильки та така гыляста, розлога; передъ викнамы въ хату, проты дверей, сами квитки: любыстокъ, кануперъ, мята, шовкова трава, пивоня, васыльки... Чепелыха сама доглядала задвирокъ; за теплои годыны вона тамъ цилисенъкий

день сыдыть та або куделю пряде або вовну скубе,
або кужиль чеше.

Глянувъ я на бабусю,—и теперъ у неи за поясомъ
куделя билои вовны.

Що за прывитна та прыятна тварь у бабуси! Такой
другои я на своимъ вику ниде не стривавъ. Лы-
ченко тё у неи таке чисте, хочъ зморшковате, наче
печене яблучко, маленьке таке, въ жменю вбгавъ-бы
ёго, та таке добре—добре, наче сама добристъ! Пидъ
густымы сывымы бровамы свитяться чорни очи. Колысь
ти очи певно що не одно парубоче серце обпеклы!
Теперъ вже стари воны, а якъ свитяться, якъ бигаютъ!
Прямо, можна сказать, горячъ.

- Здорови булы, бабусю!
- Доброго здоровьячка вамъ!
- Жыви, здоровы?
- Скрыплю соби потроху.
- Якъ живете, бабусю?!
- Жыву та кулишъ жую; хлиба-бъ рада, такъ
зубивъ бракуе — розгубыла вси... А вы тамъ якъ на
хутори?
- Выбрыйкуемо!
- Хвалыть Бога! Сидайте. Давно васъ не бачыла,
— зъ Велыкодня.
- Слово по слови пишла розмова.
- Рясно у васъ бабусю, вышень.
- Рясненько! Дасть Бигъ, — на вареныки пры-
ходьте. Буйни вышни будуть, колы не попече ихъ.
Родюча се вышня, що року родыть; хочъ який у лю-
дей нэдоридъ, а мы зъ неи видерь двое наберемо. А
вже й стара...
- А якъ стара?

— Юрасъ покійнычокъ посадывъ іи передъ тымъ рокомъ, якъ самъ за крыгою пишовъ... Наче знатъ, на память про себе, царство ёму небесне... дѣ то душенька ёго свята? (Чепелыха важко зитхнула). Бильшъ, якъ пятьдесятъ літъ, отсій вышни буде. Стара. Хто зъ нась кого пережыве: чи я іи, чи вона мене?.. Я вже такъ іи бережу!.. Мабуть разомъ: я въ домовину, а вона въ пичъ... Нехай не всыхає, доки я ноги волочу, а простягну, тоди вже якъ соби знає... Вона моя втиха, вона мени разъ-у-разъ нагадує Юрася...

Бабуся глянула на вышню, на небо, зновъ зитхнула.

Я чувъ одъ людей, шо Чепелыси за молоду ще выпало велыке горе: сынъ іи „втоцывся“, та бажавъ я, щобъ сама вона розповила мени, зъ якои речи Юрась утопывся. Килько разивъ почынавъ я разпытауты Чепелыху,—вона або мовчала, або одповидала тильки:

— Не думавъ винъ топтытыся, а за крыгою пишовъ —та бильшъ ничего й не скаже.

Сёгодня мени якось несподивано пощастило: бабуся сама звела ричъ на Юрасеву смерть и почала:

— Охъ диты, диты! Безъ вастъ горе, зъ вами въ двое! У кого дитки—якъ квитки, якъ маку ихъ рясно и вси выростуть, а въ кого одно, та й тое!..... Отъ и въ мене: одынъ—однисенъкій бувъ сынъ та й той пишовъ Богу на прыёмъ... Скильки то літъ вже топчуся самотнею, якъ палецъ... Думала, ридныхъ внукивъ дижду, тишитыму ихъ, лысточкомъ до мого серця лыпнтымуть воны... ажъ ось якъ довелося: замись внукивъ—куделю тишу... Отакъ на старисть...

Воно й старисть моя не яка ще; людё геть довше жывутъ; покійнычокъ батенько,—земля надъ нымъ перомъ!—на стодесятому лити свого вику ще роивъ зби-

равъ, а дидусь мій — легко ёму лежаты, сыру землю держаты! — прожывъ безъ одного стодвадцать. Ну, та теперь такыхъ людей нема, вывелыся... теперь абы за пятьдесятъ, вже й квокче...

— Скилькы-жъ вамъ, бабусю, лить? — перебывъ я Чепелыху.

— Мени? Суще й сама не тямлю... чи буде девяносто, чи може ще й ни. Колы-бъ порахуваты. Людына я проста, не зумю, ось нуте вы чи не выведете, вы же чоловикъ письменный. Отъ якъ буде: заразъ по 16-му лити пишла я за Даныла, — знайшлася я на Дмытра, а винчалы настъ за тыжденъ передъ Михайломъ, значыть тильки що перескочило за 16. За Даныломъ я була лить десять, дитокъ не було... Въ холеру овдовила... Се въ ту, въ першу велику холеру... Скилькы тому лить буде?

— Пятьдесятъ и пять...

— Такъ отъ теперъ и зведить, чи е девяносто, чи нема?

— Нема ще; безъ девяты девяносто...

— Отъ бачте! Такъ выходыть, що и отсій вышни багато я зайвого нарахувала. Була я вдовою одынъ рикъ; ще до году, якъ побралися мы зъ Платономъ, знайшовся у мене Юрасъко, а якъ посадывъ винъ сю вышню, бувъ винъ настоящымъ шарубкомъ, вусъ уже высыпався, бороду голывъ уже, на пори бувъ, засватався вже... лить бильше якъ двадцять було. Такъ якъ воно выходыть отсій вышни?

— Сорока нема ще, безъ сemy—тридцять и тры.

— Отъ воно якъ! а я, бачъ, нарахувала вже пятьдесятъ, Отъ стилькы-жъ якъ Юрасъ пишовъ за крыгою. Тридцять и тры! Яки-бъ то доси въ мене внукы

булы! Господы! Може-бъ и правнуки въ доси тишила...
Не судылося...

И въ друге недовго була я замужемъ,—тры рокы.
Якъ пишовъ Платонъ на Динъ, на косовыцю, такъ и
не вернувся. Тамъ десь ёго й поховалы. Посумувала
я, пожурилася та й закаялася въ трете йты. Добри
люде траплялыша: Евдокымъ Шершень, що позаторикъ
померъ, тежъ зъ холеры бувъ овдовивъ; такъ и винъ
прысватувався до мене. И Гуркало Павло зъ Олышивки,
що й доси жывый—протягны ёму, Боже, вику!—и той
сватався. Бувъ що де-хто; не пишла. Годи,—кажу,—
пишла разъ — не гараздъ, — не одважусь въ другой
разъ. Може Господь и покаравъ мене за те, що въ
друге бралася... було-бъ уже Данылыхо звикуваты,
а за Чепиля не йты; може-бъ и лыха меншѣ зазнала...

Такый-же то вдатный хлопчыкъ выйшовъ мій
Юрасько: до чого кынь, такъ клынъ. Такимъ, кажуть,
Богъ и талану не дає... До школы взяла ёго охота.
Тоди въ нашому сели школа була, дякъ державъ... на
самому цвынтири була... така прегарна хата, на дви
половыни: въ одній дякъ, въ другій школа. Теперь
їи и слиду нема.

— Иды, кажу, сыночку, до школы, иды!

Поеднала дяка: два мишкы картопли, повисмо ко-
нопель, пудъ борошна, ворочокъ шона, та карбованецъ
гришмы...

Вже-жъ и вчывся мій Юрасько! Дякъ було не на-
хвалыться, та де-жъ вамъ: на дванадцятому літи воно
вже на крылоси ставало и „Апостола“ чытало! Отсё
було якъ выведе Херувымську, такъ ёго тонесенъкій
голосочокъ на всю церкву розлягается, никого за нымъ
не чутно, усихъ винъ покрыває.

Я вже радила, сподивалася: вийде мій Юрко на дяка. Отець Корній брався вивести ёго и бувъ-бы вивъ; спершу, каже, попаламарує, а тоди й на дяка. Якъ-бы то воно було любо та мыло!

Колы-жъ у Юрка не те на думци було. До майстэрства знявся. Я ёму се и те, а винъ якъ затявся:

— Въ ковали та й въ ковали!

Чого-жъ не казала, чого не робила, — не послухався мене; мусила я ёго одвесты въ Нижинъ до ковалия. Клымъ Терныця — тамъ такый ковалъ бувъ, — узявъ Юрася на четыри годы. Не хотила я, охъ, якъ не хотила, та мусила корытися.

Выбувъ Юрко свои годы у коваля; вернувшись до дому.

— Треба, каже, мамо, свою кузню и всю зброю до неї справыты.

— Чомъ-бы не справыты, та зъ чого?

Порадыlyсь мы. Телычка — третяка була у насъ, продалы іи; килька овечать вывели на ярмарокъ; було у мене въ скрыни зайве полотенце, ажъ пять сувоивъ, такъ про занасъ напряла та набилила... и ёго продала. На ти гроши спромоглися и кузню и до кузни. Отутъ на городи пидъ вербою кузня була, биля копанки... Завалылась давно и слиду нема, а прыстрои ковальски люде рознеслы...

Куе мій Юрко. Вже-жъ и ковалъ зъ ёго вдався! чи й бувъ де другий такый! На сели у насъ були два панськихъ ковали, такъ куды имъ до Юрка! за поясъ винъ обохъ ихъ заткнувъ!

Вже було чи сокыру насталыть, чи косу зварить, чи оскардъ загартувать, чи що ынше—винъ якъ утне, то вже нихто проты ёго! Свердель було хочъ який малесенький, винъ зробить, а серпамъ зъ ёго рукъ такъ

и вику не було. За тежъ и людэй прынадывъ до себе такъ, що ёдбою одъ роботы нема, наче на ярмарку, такъ у насъ на городи було: той зъ лемишемъ, той зъ чересломъ, тому заступъ, а сёму каблучку на кисся,— уся околыця валомъ валыла до ёго. А винъ клепае, а винъ клепае! Пить зъ ёго — наче вода зъ стрихы весною, а ёму байдуже,—куе...

Отакъ цилый тыжденъ зъ ранку до вечера. Въ сажу замурзаеться, наче зъ бовдура вылизъ, на себе не похожый, а прыйде суббота—вже винъ зъ обиду и за холодну воду не визьметься: мыеться, чешеться, чепурыться. Вранци и не пизнаты ёго, — орель! Жупанъ на ёму сыній, поясъ червоный, шапка сыва, смушева, чоботы зъ пидковамы, кучери ажъ мають, а очыма такъ и сяе... орель тай годи! Прыйде до церкви, на крылосъ, чытае, спивае... Дивчата на ёго такъ и повпываются очыма, а въ мене—и молытва на думку не йдё, душа росте въ небо! Дывлюся на свого Юрася, радію та гадаю: яку-бъ ёму выбраты, яку-бъ посвататы? Та гарна, а та ще краща!

А дали думаю: ни, нехай самъ соби выбере пару по серцю та по мысли...

Хиба-жъ не було зъ кого й выбраты? мало въ нась на сели було того квиту? Господы, Твоя воля, скильки! Выйдешъ чи на улыцю, чи до церкви,—мовъ макъ ізвите! Теперь и дивчата якосъ не ти стали: төперенъкы якись воны хыряви та плюгави, а то було,— дивка иде—земля пидъ нею гуде, здоровъямъ одъ неи такъ и пашыть! Що й казаты, марніютъ люде!

Выбравъ мій Юрасъко... кого-бъ вы думалы? Ой, ой кого!—крепачку выбравъ.

Отутъ у головахъ нашего городу жывъ панський крепакъ Свыридъ Бандыкъ, а въ ёго була дочка Ганна.

Грихъ сказаты, дивка зъ себе вродлыва, наче вылыта, наче намальована, тильки-жъ бо лышенько, що крепачка, а вады за нею нема. Взялы іи въ дверь за прачку: не за настоящу прачку, а спершу на людей, на дворську челядь. У тихъ панивъ — звөлесь воны уже зъ кодломъ, и будынки ихъ мохомъ порослы, — такый звычай бувъ: беруть дивку до пекарни, щобъ прала на людей; перенона, обирає рикъ — другой усякыхъ панськихъ лызоблюдивъ, а тоді й на панивъ. Навчыться гладыты, тоді іи въ горныци, а тамъ вже, що Богъ пошле: добре, якъ добре, а бильше того, що покрыткамы выходылы.

Признався мени Юрко: „Такъ, мамо, и такъ, благословить!“

Що-жъ, думаю себи, хочъ вона й крепачка, а доброго батька дытына, и роботяща... така вже пара зъ Юркомъ буде, що на! подывысь, та усмихнись! Часть добрый!

— Боже благословы, кажу, тильки, сыночку, выкупъ треба.

— А вже-жъ, такъ не виддадутъ.
— То-то жъ бо й е! Та ще хто знає, що воны й заправлять за неї? Може таку цину положать, що й не спроможемося...

— Воны, мамо, паны добри...

— Добри, сыночку, якъ сплять, а безъ выкупу не обійдешься, — се вже я добре видаю.

Ваяла я хлибъ-силь, цишла до двора: спершу до пани.

Выйшла вона до мене, розпыталася, тоді до пана. И панъ выйшовъ: те та се... бачу, не геть-то змагаються. Вклонылася, пытаюся: ни буде выкупъ?

— Хиба можна, бабо, безъ выкупу?

— Абы ваша ласка,—кажу имъ, и зновъ вклонылася,—все можна...

— Ни, безъ выкупу й не думай.

— Що жъ положыте?

Панъ зразу—спасыби ёму—пятьдесять, каже, треба... нѣ грихъ буде, нѣ накладно. Юрко—добрый ковалъ, швыдко заробыть.

А пани якъ вызвирьтесь на ёго:

— Що ты, що ты! зъ глуду зсунувся, чи що? Якъ то можна за таку роботящу дивку—та пятьдесять? За неи и сотни мало! Мы іи два рокы на прачку прывчалы, а винъ пятьдесять! Колы не сотня, —ничого й казаты!

— Шкода, панійко, й заходу,—кажу до неи,—на таки гроши нѣ спроможемось! — и мовчу; а ну, думаю, що зъ сего выйде? чи панъ спернатыметься за свою цину, чи й винъ за жинчыну?

— Вже жъ и дешевшѣ наврядъ де знайдете, — се такъ пани до мене. Я мовчу, а панъ:

— Наврядъ, хто й бильшѣ пятьдесяты дастъ...

— Ты бъ даромъ пороздававъ, — пани на ёго, — добре, що не твои, а мои! Своихъ даруй!

И почала, чи почала! Винъ ій слово, а вона ёму такъ и сыпле, ажъ брызъкае зъ рота. Я мовчу... Сварылыша воны, сварылыша, ажъ потомылыша. Я тоди:

— Прощайте, колы такъ!

Пани за мене:

— Тривай, бабо! (Я тоди ще й нѣ гадала бабуваты). Що жъ идешъ, ничего нѣ сказавши? Мы твои цини нѣ чулы.

Ну, думаю себи, отсе гараздъ; може воно й на нашъ каминъ зерно впаде... Бачте, се було за тыж-

день до Риздва; пидъ свята панамъ грошай такъ треба,
що ажъ-ажъ-ажъ!

— Панійко,—кажу до неи,—проты вашои цины
я не посмію свою сказать...

— Говоры, не бійся!

— Колы бъ не розсердылысь...

— Ни, говоры...

— Такъ, кажу, колы бъ ваша ласка, та взялы
трыдцять, мы бъ за васть и за вашыхъ дитеї Бога до
вику молылы...

— Якъ се можна! де чувано такый выкупъ!

— Колы жъ наши злыдни...

Ото якъ почалы, якъ почалы торгуватыся, зъедна-
лыся на сорокъ, абы заразъ гроши.

У нась стильки не було, такъ десять карбован-
цивъ понапозычалы по людяхъ: у кого тры, у кого
два, въ кого одного. Зибрали, однеслы и бумагу взялы.
Тильки умова така була, щобъ винчаться перегодомъ,
а до Велыкодня щобъ Ганна робыла въ двори.

Добре, нехай и такъ! Мы й сами не проты того;
ни зъ чымъ було спрвляты весилля. Думка така въ
нась: за зиму Юрко заробыть на винчання, а за лито на
весилля, та по осени, дасть Богъ, спрвымо й весилля.
Вже жъ безъ весилля ани Боже мій не можна...

Гараздъ! Не живу я, а прямо тильки радио, тильки
въ мене й думки про те, якъ воны поберуться, жы-
тымуть любенько... Богъ благословыть ихъ диточкамы,
а мене унукамы... я ихъ доглядатыму, зъ рукъ не
спускатыму, бавытыму, пыснуты не дамъ... И сплю,
та все отакъ думаю! Таки жъ то булы въ мене надіи,
таки надіи, що й Господы! А де воны? Гай, гай! раз-
віявъ ихъ витеръ... за крыгою... пійшли...

Саме у вербный четверъ, отакъ якъ въ полуденъ,
сыдымо мы зъ Юркомъ въ хати, — крыга вже рушала...
Чуемо, щось на улыци несамовыто гукае:

— Рятуйтѣ, хто въ Бога вируе! рятуйтѣ!

Юрасъко якъ сидивъ, такъ безъ шапки прожогомъ
зъ хаты... а я такъ злякалася, що й не тямлю себе,
стою середъ хаты, трушуся.

Чую Юрасъко кричыть:

— Човна давайтѣ, човна!

Я тоди й соби зъ хаты. Дывлюся: Маты моя Божа!
Водою погнало на крызи Ганну! стойти вона на тій
крызи, руки зняла до Бога, та проби: „Рятуйтѣ! ря-
туйтѣ!“ Людей збиглося сыла...

Охъ, Господы, никому не прыведы такъ! Пишла
Ганнуся на ричку прачемъ праты сорочки, чи що тамъ.
Зъ берега вода каламутна,—вона одійшла соби геть на
лідъ, разташувалася, пере... Чудна, просты Господы,
людына! Якъ такы не помитыты того, що передъ нею
вже лёду нема! Байдуже, пере, прачуе, стукае пра-
чемъ... а воно якъ рване крыгу, якъ попре іи вит-
ромъ! Понесло и Ганну на крызи...

Докы прынеслы того човна, Ганну вже геть — геть
замчало. А въ мене серденько такъ и рветься, якъ не
выскочыть...

Спустылы човна, Юрко та товарышъ ёго Скыбка
Іванъ, що духу було на човенъ. Гребуть, плывуть,
стрилою мчыть ихъ за водою... бижыть човенъ, отъ-
оть бы вже догнаты Ганну, а зъ-заду нова крыга якъ
шугоне, якъ затрищыть! Господы! одна на другу, цилу
гору навернуло крыги! Бижыть човенъ, а та гора за
нимъ. Бачу я, Юрасъко рученьку вже простягає до
Ганни!... Похолола я вся, зъостраху й рота не роз-
звялю, молыться хочу, а мени зубы сципыло... Ой,

Боже мій мылый! Та гора—крыга на човенъ... човень на бикъ... Юраско й Иванъ зъ човна, та пидъ крыгу!... У мене такъ и потемнило въ очахъ. Не тямлю, шо було дали... Люде повидалы потимъ, шо я була кинулася въ воду, та не пустылы мене, не далы вмертвия А Юрка и Йвана. бильше, кажуть, никто й не бачывъ... и не вырнулы ни разу зъ пидъ воды... крыгою затерло ихъ... Бачылы тильки, якъ крыга наскочыла и на Ганну, та й іи пидъ лідъ... Тильки мы ихъ бачыли... Погоди, якъ буде писати...

Очуняла я Лучче лбъ була и не очунювала!...
Все мое, щастя, уси мои надії пішли за тію крыгою... Годи!

По старесенькому лыченку Ольги покотылыша буйни слёзы...

1885 г.

Людка! Оле! Синя, голуба! Оле! Синя, голуба!
Синя, голуба! Оле! Синя, голуба! Оле! Синя, голуба!

Отакъ булы векочылы!

(Зъ народныхъ устъ).

висно — безъ прыгоды чоловикъ не грожьве! И та-
сказаты: не видавъ-бы чоловикъ прыгоды, то
може-бъ и Бога забувъ. Отъ и мій нѣбижчыкъ чоло-
викъ, нехай вже царствуе! на ѿвже сторожкій бувъ,
а въ таку халепу бувъ попавъ, ѿвже колыбъ не Богъ
та не добри люде, то може и смысъ бувъ де на Си-
бири.

Давно се було: ой, ой! якъ давно. Мы зъ Герасымомъ ще до велыкои холеры бралыся; отець Ерофей и винчавъ; давно!!! Та цытте лышень, шо се я! за велыкои холеры номерв нашъ сынъ, одынъ тильки и бувъ!!! Парубокъ лить; 20 бувъ! та зъ себе жъ то який! наче намальованный!!! Шкода!!! ще яка шкода!!! охъ, охъ! Ёго свята воля .....

Отець Ерофей, глядить лышень, чи не бильшъ якъ цилу сотню лить у насъ попувавъ: я скилький зазнаю ёго — усе винъ наче молокомъ облытый; за те дурни люде взялы та ий продражнылы ёго „зымою“; а суще винъ прозывався Гуркаломъ.

Мы тоди козакувалы, теперь же казенци. Воно и козаковання те, тильки одна слава, а щобъ що ынчого,

такъ ни; тильки що людѣ тоди якось прыязнійши булы. У козакивъ тоди свои конторы булы; воны и правылы надъ намы; якъ царь звелыть, такъ ти конторы и чинять. А въ царя нашего бувъ тоди same якыйсь графъ, чи князь, чи може такъ тильки велыкій панъ—Кысиль. Чымсь тому Кысилю и не сподобалыся наши конторы; а може воны чымсь прошпетылыся,—про те не скажу. Кысиль и прыставъ до царя; клинчыть та й клинчыть:

— Скасуймо, царю, конторы, на що воны?

Царь на те ничего: усе мовчавъ, усе мовчавъ, докы ажъ не остоғыдло ёму слухаты того клинчиня; тоди винъ на Кысиля:

— Та й остывъ же ты мени зъ тымы конторамы! прыставъ наче мокре рядно: якъ коржа, такъ коржа! ажъ въ сами печинки зализъ! Колы вже такъ тоби прыспычыло, що не вдержышъ, то й касуй!

— Касуваты?—зрадивъ ото Кысиль.

— Касуй, та озыраючысь мини.

— А що?

— Обережно треба.

— Хиба що?

— Щобъ часомъ күцому на хвистъ не наступывъ.

— Щобъ то якъ?—пытается Кысиль; бачте винъ не зрозумивъ, до чого царь ричъ веде. Царь ёму на те:

— Касуй, та щобъ ты мени людямъ не нашкодывъ. Звисно—царське серце про людей бъеться; и приказка така є: „Богъ батько, царь дядько“; и въ пысаніі стонть: „Серце царево въ рукахъ Божіихъ“. Ото-жъ бо й то.

Взявся Кысиль — усе чысто пишло геть до горы ногамы, ажъ жаль жывый було бере! Звисно, старовина свята... Деревыну рубаты почнешъ, и вона просыться, и у неи болыть... А Кысилю байдуже! плюндруе, немовъ ту лищыну на обручи... И плюндрувавъ...

Зъ того часу и стали мы казенцамы. Казенци ѹ казенци! нехай и такъ. Ёго сыла, ёго ѹ воля, и винъ царський, и мы не чыи.

Заразъ и въ нашому сели завелы росправу, старшыну, стійкы зъ стійчыкамы, ще ѹ биркы якись бралися заводыты: и позаводылы-бъ; що имъ! що тому Кысилю! Та царь не давъ, сказавъ: „не нада“. Якъ сказавъ ёму ото царь „не нада“, винъ тоди хвистъ пидъ себѣ. А вже-жъ царське слово — велькое дило; колы царь каже „не нада“, такъ вже ѹ самому Кысилю тоди дзуски! — Шо воно таке — оти биркы — настояще не скажу; може що до овець, або до ягнятъ; въ нашому сели якъ вылучаютъ овець зъ отары, такъ все на ныхъ: быръ, быръ, быръ! Отъ я и миркую ѩо може ти биркы до овець. Отъ-же—„не нада!“...

Скасувалы наши конторы, натомисць завелы своихъ окружныхъ начальныківъ. Царь и каже до Кысиля:

— Про мене!.. нехай и „окружные“ — абы воны людей не крывдилы. А дочуюся, ѩо крывдять, усе на тоби окоштыся: ты мени за всихъ въ отвiti станешъ. Отъ-же пыльнуй!

— Добре,—каже той Кысиль, — пыльнуватыму, а колы ѩо — твій мечъ, моя голова зъ плечъ. Я надъ окружными—палату, а поверхъ палаты—енерала.

Царь ёму на тё:

— Хочъ и двохъ, абы людямъ добре було; енераливъ у мене стане, выбирай, якихъ хочъ; одно наказую тоби—щобъ людямъ було гараздъ...

Казенци ѹ казенци! нехай и такъ. Трошкы зпёршу ніяково було; то булы людьмы, а то казенци, а дали прывыкли. Шо-жъ! Не прылетивъ соловей — нехай

иволга за нёго правыть,— послухаемо, якъ вона вытыната... Эге-жъ!

Стійку люде одбувалы по черзи: у кого ё кони, той зъ киньмы; въ кого нема, той пишымъ. Була и въ насть пара коненята; солова кобыла, та чалый кинь; на вики добряча кобыла була, хоть трохы й брыкалася; и пугу любыла, за течь и везюча була. А вже що кинь, такъ кинь, — и баскый, и веселый, и везючий: доброи жени дви копы жыта навантажыши на ёго, оплени у вози плачутъ, а чалому байдуже, иде наче впорожни.

Ото-жъ и до нась черга прыйшла на стійку: вже-жъ що людямъ, та й намъ. Сутяжно трохы, та що діяты, не ставаты-жъ намъ проты мыру! Хата наша стояла на самому рози проты майдану, а за майданомъ и росправа. Кому далеко було, той бильшъ того, що на стійци и обидавъ; жинка чи дытына прынесе, колы ё що, а нема, то й такъ перебуде козакъ: хлиба шматокъ, солы дрибокъ, абы въ утроби не скыглыло. Намъ було близъко, такъ Герасымъ прыходывъ додому на обидъ.

Сыдымо якось въ синяхъ, обидаemo соби. Се було влитку,— здається, передъ Духомъ ще. Чуемо — щось гупотыть; пишый стійчицъ прыбигъ зъ росправы.

— Кыдайте, дядьку, усе! — каже на Герасыма, — йдить швидче, везти когось треба; въ росправи никогисинъко; старшина и пысарь ще зранку побиглы десь до миста; а якесь паненя прыйшло каже: „ту-жъ-ту заразъ ёго везты“. Годи вамъ биля мыскы, идить швидче!

Недалы й борщу добраты Побигъ Герасымъ. Кони зъ возомъ въ росправи булы. Повизъ якось судовыка до миста.

Везе, дывыться на того судовыка; ніякъ не разбере, не вгадае, що то за судовыкъ? чи винъ зъ панивъ, чи такъ соби зъ людей? Таке, бачте, воно не показне, ни зъ очей, ни зъ плечей; прыстаркувате, невелычке, та ще й безъ дзвоныка. Тоди саме выгадалы издыты зъ дзвоныкамы. Таке той Кысиль позаводывъ; абы який зъ дебильныхъ, заразъ ёму й дзвоны, наче архиерееви Абы людей полошты! Дзвоныкъ, бачте, далеко чутко, то вже всякъ, хто на шляху вчуе, заразъ и тямыть, що треба осторонь, збочты геть зъ шляху, — и звертае заздалегидь.

Герасымъ и каже самъ соби: „Колы ёму дзвоныка не пропысано, значить, воно невелыка цяця, сипачка“. А ихъ тоди розвелося у нась, Господы, яка сыла, наче осы въ сухолиття! Булы помижъ ныхъ и таки, що, простить, на трёхъ одни штаны, за те зъ кгудзыкамы! Чисто тоби голодранець, а те-жъ преться въ паны, прындыться, наче насиння на сковороди!

Идуть... Герасымъ, якъ прыдывывся, то трохы й посмиливішавъ; коней не жене: по хазяйськи иде, лидтюп-цемъ. Судовычокъ на те не сердиться, не брызькае. — Э, — думае Герасымъ, — справди мабуть воно такъ соби и зъ возного не буде. Тоди таки судовыкы булы — возни; Кысиль и ихъ вывивъ.

Идуть дали; сипачка той мовчыть, куняе, и Герасымъ мовчыть; ни до коней, ни до ёго. Ніяково Герасымови й размовляты; хочъ той судовычокъ и зъ абы якихъ, а все жъ воно паньскимъ мыломъ вмывалося, то й лишие держаты языкъ на зашморзи, не розвязуваты.

Мовчать воны обыдва, а згодя судовыкъ позихнувъ та до Герасыма:

— Твои кони?

— Вже жъ не чыи бильшъ, мои.

— Куповани?

— Солову купывъ, а чалый пытомый.

— Заразъ, каже, знаты, що свои кони, — не же-
нешъ.

— А чого намъ летиты, — мовывъ Герасымъ, — до
вечора ще далеко, поспіемо.

А все жъ такы думка у Герасыма: „сё винъ на
догадъ бурякивъ“, та й торкнувъ коней вижкамы, а
то й воны чи догадалыся, кого везуть, чи що,—отъ-
отъ бы сталы.

Слово по слови розбалакалыся,—про що? того суще
не скажу, я жъ пры тому не була, а Герасымъ не ка-
завъ мени. Балакают; Герасымъ и помичае, що судо-
вычокъ той по людськи балакае. Ще бильшъ посми-
ливійшавъ Герасымъ, а тутъ ёму якъ на тё жъ люльки
закортило. Винъ до судовыка:

— Чы не во гнивъ вамъ буде, якъ я трошки
люльку запалю?

— Байдуже, палы.

— А вы не вжываете?

— Ни, каже, не вжываю.

— И добре робыте, смаку зъ ней ніякого, тильки
що ынколы сонь перебъе.

Палыть Герасымъ, балакают; панокъ той наче про-
чунявъ, такымъ ставъ говиркымъ, про все роспітуе,
найбильшъ про людей, якъ живутъ? чи не сутяжно одъ
старшины? що гомонять люде про новый ладъ? Гера-
симъ розкинувъ розумомъ, видновидае ёму черезъ пьяте,
та въ десяте,—абы не мовчать, а самъ соби думае:
„чи не пидвозыть той панокъ москаля? може у ёго ан-
гельский голосокъ, а чортяча думка?“

Проихалы ще тамъ килька гоней, чи верстовъ; до
миста ще далеко, ще тильки писки почынаються. И

писки тамъ не довги, та по саму маточыну. Герасымъ и думае соби: „щобъ воно було, колы бъ я заспивавъ? Э, ни, думае, сразу такъ боязно, спершу розпытаюся“, —тай ну, якъ кажуть, манивцямы.

— Нѣ во гнивъ вамъ буде, паночку! я щось спытаюся у вашои мылости.

— Пытайся, —каже.

— Поздоровъ, Боже, васъ! вы пры палати?

— Пры палати.

— Зъ велыхъ, чи ни?

— Ни, не зъ велыхъ.

— Я такъ и гадавъ соби.

— Чому такъ гадавъ?

— Тому, поздоровъ васъ, Боже! що, бачте, вамъ дзвоныка не пропысано, та й балакаете вы по людськи.

Всміхнувся той панокъ и ничего; а на Герасыма наче хто наславъ сонъ, такъ ёму ажъ очи злыпаються, вже винъ и люльку палывъ,—ничого не вдіє, такъ наче на „діянії“, тыць та тыць носомъ у пазуху; отъ винъ зновъ люльку зъ за халявы та до панка.

— Подержте вижечокъ, а я выкрошу.

— Креши, каже, и взявся за вижкы.

Выкресавъ огню; кресало и креминъ въ гаманець, гаманець въ сакивки, по хазяйськи, сакивки за поясъ та й каже до панка, пытається:

— Чи тямите що коло коней?

— Де-що тямлю.

— Запряжете?

— Чому-жъ! хиба мудрація велыка?

— Уміочы не велыка... А супоню стягнете?

— Стягну.

— И розберете—куды собъ, куды цабе?

— Нѣ помылюсь.

— Добра у васть голова, якъ бачу! а отъ колы-бѣ довелося зъ кымъ розмынутыся на шляху, та ще буває зъ такымъ, шо дзвоныть, якъ бы вы тоди? не зачепыте? вись не вгорыть?

— Розмынусь.

— А не брешыте?

— Далебигъ—ни!

— Ну колы такъ, такъ нехай ось якъ; сидайтє, поздоровъ Боже васть! отутъ на передку, вижечки зберить, та й поглядайтє на коней, нехай идутъ, абы не сталы; вамъ не такъ будє нудно, а я спочыну, закымъ писки переидемо.

Послухався панокъ и на волосыночку не змагався: сивъ на передокъ, а Герасыма пустывъ на задокъ.— Герасымъ лигъ тай заснувъ. Вже и писки перехалы, а винъ спыть; вже й мисто — Герасымъ спыть, а той не будыть ёго; въ дверь въихалы, тоди той панокъ на Герасыма:

— Вставай, дядьку! прыхалы!

Прокынувшись Герасымъ:—а де се мы?—пытается.

— Дома вже... ставай отамъ у затышку пидъ повиткою, выпряжы коней та погодуй; хочъ нє биглы, пидтюпцемъ ихалы, а все такы 20 верстовъ протюпалы... Погодуй,—сказано: пошануй скотыну разъ, а вона тебе десять... Сина и вивса тоби дадуть, спасыбигъ, шо прывизъ.

И пишовъ соби чи до будынку, чи куды тамъ. Пораетсѧ Герасымъ коло коней и байдуже соби, зо сну очей нє продере. Ще оглобельной нє выпрягъ, якъ ось иде до нёго щось таке пузате-пузате та бородате: А йды, каже, на Герасыма, беры соби вивса; скильки тоби, мирку, чи дви?

Герасымъ дякуе, а соби на думци: „Лкъ ёго браты? Може за гроши? Може се той, шо вивсомъ перепропадуе... чымъ же я ёму заплачу?“ звисно, грошай не було. А той пузатый до ёго:

- Иды вже, колы йдешъ...
- Та по чимъ же у вась мирка?.. — пытаеться

Герасымъ.

А пузатый ёму видповидає:

- Для тебе ни по-чимъ: за такъ гроши...
- Якъ то „за такъ-гроши?“ — дывується Герасымъ.
- За спасыбигъ...
- За яке?
- За таке, шо нашого енорала прывизъ.
- Якого енорала? — пытаеться и наче ёго шо въ жыжку вкололо.
- Эге! а ты не тямышъ, кого й прывизъ! того енорала, шо й надъ палатою и надъ усима окружнымы и надъ усима вамы...

Злякався Герасымъ, та:

— Чи вы, дядьку, справди, чи шуткома? може глузуете, або москаля пидвозыте!

Той ажъ забожывся, шо не бреше, и каже такъ и такъ: бувъ енораль у князя К—я, та по свой парахвіи издывъ; своимъ возомъ издывъ; а визъ той взявъ та й поламався биля нашого села, висъ вгорила и колесо на двое. Енораль, щобъ не гаяты часу, покинувъ воза, а самъ пишки; прыйшовъ до нашои росправы, тамъ не зналы хто винъ; взявъ коней и поихавъ...

Скоро вчувъ Герасымъ про таку оказію, такъ и обимливъ, такъ ёму ажъ въ лыткахъ похололо: въ души въ бубонъ забылы. „Отсё такъ, — думає, — втявъ до гаплыкивъ“, — и згадавъ соби и люльку, и вижкы, и

писки. „Ну, думае: пропавъ теперъ я, цуръ тому й вивсу, швыдче тикатыму“.

Подякувавъ тому пузатому та й каже:

— Не хочу я вашего вивса, мини треба швидче до господы: заразъ ихатыму.

— Не можна тоби ихаты,— каже пузатый,— енораль веливъ, щобъ ты не ихавъ, докы винъ не скаже.

— Пропавъ, на вики пропавъ,—думае Герасымъ, —Сполосуе винъ мене, навчыть, якъ киньмы правыты.

Усе тило на нёму трусыться — не дыво. Хочъ на кого доведысь—злякаеться! Якъ такы такъ: надъ усима окружнымы енораль, а винъ ёго на передокъ! Або-жъ знову и тё: „вамъ, каже, и дзвоныка не пропысано“. Ну яке ёму дило до того, чи пропысано, чи не пропысано! про тё начальство знае, мовчавъ-бы соби, а то бачъ! треба ёму роспытуваты, — чи пропысано, чи не пропысано? Отъ и роспытався!

Ото-жъ за якийсь тамъ часъ, клычутъ Герасыма до енорала: идё винъ, ни жывый, ни мертвый, думае: „отеперь буде и въ мене повна хустка зубивъ“.

Ставъ передъ енораломъ, трусыться,

— Нагодувавъ коней?—пытаеться енораль.

— Идять.

— Гараздъ! нехай идять на здоровья! А самъ перекусывъ чого?

— Ни, щось не хочеться.

— Сидай-же отутъ,—и вказує на стилемъ.

— Сады Боже усе добре; а я постою.

— Сидай—но... Спасыбигъ, що прывизъ.

Не сміе Герасымъ систы, боязко, а винъ одно ёму:

— Сидай, та й сидай.

— Я постою.

— Чого стоять! ноги на довше здадуться: сидай та ось на лышень,—выпый на дорогу!

Налывъ чарку, самъ прыгубывъ, та до Герасыма:

— Пый на здоровья!

Бере Герасымъ чарку, а руки такъ и трусяться.

— Се ты змерзъ?—шуткує енораль.

— Ни, не змѣрзъ.

— А що-жъ?

— Простить мене, паночку!—кланяется Герасымъ.

— Що простить?—пытае, наче не тямить.

— Що я не тямывъ, та на передокъ васъ...

Енораль якъ зарегочеться тоди и каже:

— Байдуже! щожъ! тамъ лыхого ничего, а се тоби вже розблаговистылы, хто я такый? Эге?

— Эге.

— Дуракы воны.—Такъ такы прымисенько и мовывъ: „дуракы воны“.—А ты, каже на те не вважай... выпый другу, щобъ на одній не спиткнувся.

Выпывъ... боязко не выпыты; Герасымъ не пьянцыя бувъ, та зъ енороловыхъ рукъ не можна.

Дякує ще разъ енораль, що прывизъ, и каже Герасымови:

— А ну по третій! Богъ любить Тройцю.

Що ты казатымешъ ёму! треба выпыты. На прощання енораль и каже:

— Ты Герасыме сподобався мини; я тебе не забуду.

И не забувъ,—спасыбигъ ёму! Ось пидождить, що воно выйшло. Колы-бъ не винъ—ой, ой! щобъ зъ намы й було! пропалы-бъ на вики...

Скоро выйшовъ Герасымъ видъ енорала, — такъ, каже, мени легко стало, нибы коло мене дванадцять ворожокъ пошептало. Звистно, думавъ: бытыме, а винъ

его й не лайнувъ, ще подякувавъ и почастувавъ зъ своихъ рукъ! Чи е то и теперь таки еноралы? Наврядъ!..

Запригъ Герасымъ коней, та на всю ничъ, якъ драпонувъ, ажъ потылыця свитыться! Курить! Кони почулы, що до дому — бижать по пискахъ, наче по току... Ще й не розвиднялось гараздъ, якъ Герасымъ бувъ вже дома.

Росповидає мини, сміємося... Я не вытерпила,— нылкомъ росповила куми Маруси, а вона — така языка — взяла й розблаговистыла на увесь мыръ: правду сказано: „знає кума — знає пивъ села“. Отецъ Ерофтей якъ дочувся, ажъ за бокы береться, — рєгочеться.

Думалы бъ вы, що на сёму усе й окошылося? Де вамъ! се тильки цвіть, а ягидокъ пождить.

Щось за рикъ чи за два, — суще вже не згадаю, — прыбигъ до насъ окружный; бигалы воны такъ, що саме страхиття, — та й годи! и дзвонить и гукає и торохтыть, ще й верховець попередъ ёго скаче! Почуемо було, такъ наче одъ грому: „Святъ, святъ, святъ! пронесы тебе“!

Кажу жъ вамъ; Кысиль таке бувъ позаводывъ, що абы прыбигъ окружный — вже безъ бытого на сели не обійтесь: колы не зубы кому насталыть, такъ спыну пидпереже, а то й ныжче пояса покарбую! — цуръ ёму, — брыдко й згадуваты!

Отожъ якъ прыбигъ, заразъ ёму громаду подавай. „Ну, — думаютъ люде, — отсє жъ буде комусь сикуція“; та не тямлять, кому вона прыпадає и за що? Про тё вже винъ видає, той Шагафонъ, — окружный нашъ такъ прозывався, нимчура бувъ, — тамъ така була пыка, наче борода въ ындыка; чисто наче облуплене стегно. Страхиття було за ёго и въ громаду ходыты, люды жахалися, ховаються було, — такъ де жъ! усимъ не скована.

тыся: радый, мовлявъ, не радый, а гайды до громады...
Комусь та треба спыною посвityты...

Прыбигъ, гукае: „Нового старшыну выбирайте!“

— А сёго жъ куды динемо?—пытаются люде.

Старшынуувавъ тоди Максымъ Пиддубенъ: челови-
чокъ и не ледачый та старый вельмы и такы трошки
непрятаманный.

— Сёго, каже, долой! не вгоденъ!

Чи прошпетывся чымъ Пиддубенъ, чи чымъ дру-
гымъ не вгоденъ ставъ, про те не видомо... Люде ёго
не любылы такы; кажутъ було: „ёму бъ въ коловороти
сыдиты за царыною“.

Добрэ, а кого жъ выбирааты? той на того, той на
сёго, людэй и багато, а нихто не хоче. Окружный Ша-
гафонъ и каже: „Не турбуйтесь и часу марне не
зводьте, а заразъ мени выбирайте на старшыну Гера-
сыма Халымоненка! Де винъ? Выходь сюды Халымо-
ненко“!

Выйшовъ Герасымъ, наче крейда; злякався та въ
ногы ёму: „Паночку велыкый! змылуйтесь! куды мини
старшынуваты! я чоловикъ молодый ще; хиба у насъ
мало ё и старійшихъ и дотепнійшихъ одъ мене! осло-
бонить, паночку велыкый!“

А Шагафонъ на нёго бlyмае, та:

— Нельзя! не моя воля, енораль казавъ.

— Ослобонить, паночку! такый, сякий — немаза-
ный!—всяко ёго велычае та благае. — Я за васъ викъ
Бога молытому, ослобонить. Онъ у насъ и Охримъ и
Оверко, same якъ разъ таки; ихъ и выбирайте!...

Воно такы се правда! якый зъ Герасыма старшына?
Онъ Федиръ Лищенко, або Наумъ Блында, то сущи
пронозы,—не взявъ ихъ катъ; булы воны и на коняхъ
и пидъ киньмы, и въ ступи й за ступою; бачылы лозы

й верболозы, шыломъ вміють голыты; отъ воны якъ разъ саме таки, щобъ на старшыну. Такъ ни-жъ, въився въ Герасима, наче клищъ въ ягня... А отець Ерофтей и соби: „Годи, Герасиме, коцюбытысь, нехай вже такъ, начальство хоче—и нехай, иды! дастъ Богъ —гараздъ буде; я твою вдачу знаю: тыхенъко гомонитымешъ, а громада тебе слухатыме“.

Не що робыты, пишовъ, ажъ сплакнувъ бидолаха, вернувшись до господы; звистно—вже не по людськи ёму буде,—годи за людьмы, треба за игуменомъ. Громада соби въ сторони буде, а ты за всихъ постачайся. Розоръ одынъ тай годи!

И моя душа чула, що те старшынування не доведе до добра, та я вже мовчала, щобъ бильшъ не наганяты на Герасима суму; у ёго, думаю, и безъ того повенъ кившъ; буде зъ ёго, нехай хочъ те выдыше. Мовчу; колы вже вбила баба лося, такъ іи довелося,—и нехай вже такъ.

Старшыне мій Герасимъ: не яка тамъ и дыковына старшынуваты, тильки, що скрутня велика... по троху оговтався.

Якосъ у Петривку поихавъ до миста; до округу велено було прыездыты и ёму и отцю Ерофтею. Про школу щось тамъ гадалы, замулило имъ завесты въ нашому сели школу. Отъ же поклепалы языкамы и не завелы...

Поихалы, и пысарча зъ собою взялы; таке те пысарча було шолудыве, мыршаве, тильки й зъ ёго, що вмило черкаты... Гуняве таке и голосу було не выведе, пыщить тильки, наче захарчоване котеня.

Сыжу я соби въ хати пидъ викномъ, кватырку прычныла, та лыштву въ сорочку вшываю; колы-жъ летыть верховець прямо до нась у дверь; зирнула я, ажъ то нашъ громадський пидпасычъ Онопрійко.

— А чого ты, Онопрійку?
Винъ засапався, духу не переведе; ледви промовляє:

— Людей, дядыно, склыкайтє! Помочи давайтє, бида!

Я перелякалася; думка, чи не посадывъ кого бугай на рогы. У насъ тоди въ череди такый навиженый бугай бувъ.

— Яка тамъ бида? — пытаюся.

— И не сказаты яка! халеру въ жыти застукалы.

— Яку халеру? чи ты, Онопрійку, пры соби! чи не прывыдалося вамъ зъ ничевья?

— Ни, дядыночко! не прывыдалося, а такы настояща халера; отамъ пидъ Роговымъ гаемъ у жыти лежыть. Тамъ мы іи и застукалы, та що перелякалыся — и Господы!.. Така-жъ бо вона гаспыдська, страшна, престрашна. Вже дядько Терешко на що видважный, або Павло — який голинный, а и въ ныхъ трохы, трохы души не повыскакувалы зъ тила, якъ вздрилы іи! Швидче, дядыночко! Помочи давайтє! тамъ така! така! Нехай іи батько скрутиться! не тямлю, якъ мы й не повминалы зъ жаху.

— Та що ты, Онопрійку! — кажу я, — ка-зна що верзешь? Чого-бъ такы понесло халеру въ жыта, та ще въ наши. Нехай-бы вона объявила на могилкахъ, то ще ничего, а то въ жытахъ! Чудне щось!.. Дывысь лышень, чи не брешишъ ты?

— Зъ якои речи мени брехаты?

— Де-жъ ты бачывъ халеру? якъ ты знаешъ, яка вона зъ себе! може то вовкъ?

— Отсе ще! неначе я маленький, — не тямлю де халера, а де вовкъ! наче зъ роду не чувъ видъ людей, яка халера! — змагаеться Онопрійко.

— Ану-жъ яка вона?

— Точнисенько така, якъ баба Одарка повидають, що колись ходыла 'та людэй душыла.

— Така?

— Така самисенько! та на щожъ вамъ и дядько Терешко,—вже-жъ винъ тямыть,—не помылывся; а вы невидь що кажете: „вовкъ“. Таки-бъ то вже зъ нась дурни, що втрёхъ не разберемо, де вовкъ, а де не вовкъ! Сказано вамъ: халера! Помочи швидче давайте!

Зумылася я, не знаю, що и діяты!

— Бижы,—кажу Онопрійкови, — чи нема кого въ роєправи.

— Бувъ вже я тамъ,—никогисинъко! одынъ стійчыкъ Савка, та винъ такъ хропе на вси заставки, що страшно й пидступытыся. Ой колы-бъ же вона не втекла!

— Бисъ іи, кажу, не визьме. Якъ же вы іи застукали? Яка вона зъ себе?

— Господы! яка та яка! Така, яки и вси халеры! руда, руда, та велыка и страшна Застукали мы іи кумедно. Прыгналы чёреду до водопою. Напылася скотына и полягла биля озера; мы пидъ березу въ холодокъ обидаты. Чи илы, чи не илы — дядько Терешко лигъ спочыты; а мы зъ Павломъ на скотыну позыраемо, биля нась и Жучка, и Вовкъ, и Васюкъ лежать, по-высолоплювавши языки; душно й имъ; а Панько пишовъ у жыто, волошокъ нарваты. Згодя бачымо — Панько навзаводы дрепоче! Прыбигъ, лыця на ёму нема, упавъ та й стогне:

— Охъ лышенико! рятуйте-жъ мене!

— Що ты, Паньку: на жывить?

— Не на жывить; зъ переполоху, — злякався вельмы...

— Чого? може вовкъ?

— Наче вовка зроду не бачывъ! — и такъ Панько трусыться, ажъ зубамы клацае.

— Та кажы-жъ, шо тамъ таке?

— Халера!.. Ото прыйшовъ я въ жыто, чи перейшовъ я зъ пивъ гоней, тильки шо ступывъ на межу, ажъ щось якъ засопе... Я зыркъ и не стямывся! Халера лежыть; я тоди назадъ шо духу. Не тямлю, якъ мене й ногы донеслы!

Тоди мы збудылы дядька Терешка, побрали кгырлыкы та до Панька: „веды, де вона?“ Идемо, дядько попереду, мы за нымъ и кгырлыкы на поготови. Прыйшли; лежыть вона, на цилу стальку простяглася. Мы якъ побачылы, такъ и обмерлы! Дядько якъ дремене навтикача, мы за нымъ, прыбиглы до тырла: дядько на мене: бижы шо духу е въ село, —нехай помочи дають! — та на коняку мене, такъ на охлябъ и пидмостыть ничего не давъ. Отъ я и прыбигъ. Швыдче, дядыно, помочи!

Думала я, гадала; ничего не прыгадала; кажу Онопрійкови: — буды стійчика, та вдвохъ и гвалтуйте людей:

— Може-бъ въ дзвона вдарыты! — каже Онопрійко. Я ёму на те:—тю-тю дурный! скаменыся! де се выдано!

Метнулыся воны по селу; человека може зъ двадцать видважылося йты на халеру. Хто пишки, а хто верхы; хто зъ косою, хто зъ сокырою; той зъ выламы, той зъ рогачемъ; налыгачивъ понабиралы; голоручъ никто не видважывся.

Згодя усе село высыпало на майданъ; цикаво, якто та гаспидська халера. Такъ, якъ о полудни, чуемо, —галасъ; дывымося, — ведуть іи. Батечку мій! зродувику такого не бачыла! Залыгалы іи за шыю двома

арканамы: ведуть зъ обохъ бокивъ по два человека. А вона клята на четырёхъ ногахъ, хвостомъ ажъ землю мете, голова овеча, ригъ не выдно, за тое-же на хребти, Господы! ажъ два горбы, таки, якъ копыци зав-бильшкы! А зъ себе,—гыдота, гыдота; руда, оберемковата, наче та ступа,—ледви переступае. Якъ ступыть, немовъ товкачемъ въ сукновальни гуне; волосся у неи пасмамы пообвысало, таке брудне, и вся вона така не охайна, брыдка,—гыдко й дывытыся на неи! Прывелы въ росправу, заразъ пидъ повитку іи, прыпьялы до сохи, ворота на каблучку, шисть человека вартовыхъ биля воритъ. Люде стоять, дывляться, хрystяться та клянуть іи, а я кажу до людей :

— Колы бъ же швидче верталыся Герасымъ та отецъ Ерофей, а то що намъ зъ нею діяты?

— За село та въ огонь! —каже одно.

— На огонь жывои не можна, утече; треба спершу на суху осыку; тры дни повысыть, тоди й на огонь, та й попилъ навпакы сонця розвіять, —радыть друге. А трете каже: жывцемъ закопаты на роспутти. Зновъ хто каже—въ воду іи, а хтось — щобъ въ округъ весты. Всяке по своему.

— Ни,—кажу я,—якъ соби хочте, а безъ Герасима я ни на що не згожуюсь.

Отакъ радымося, а вона—ота халера—якъ почне зъ пидъ повитки не то ревиты, не то стогнаты, та такъ сумно, що ажъ волосъ на голови дыбомъ стае. Отсе зитхне такъ, що ажъ луна на все село покотыться, а тоди якъ ревоне, якъ рыгоне, якъ застогне, мовъ той бугай въ очерети! Якъ скрыготне зубами — наче голе каминя въ млыни пидъ великий витеръ! Потимъ клята такъ разлютилася, що зъ пащи у неи ажъ пухырь выкынуло. Пухырь нө малый, такъ щобъ нө збре-

хаты, такъ зъ добрый пытунець завбильшкы. И ну вона зъ того пухыря пиною пускаты, та брызъкаты; такъ клубкамы и пре, и пре! то-бъ на то на людей хотила, та зась! не достане! Воня зъ тієи пини и не-сказаты яка пишла. Не дай Боже, на кого бъ зъ людэй та пина попала, тутъ бы тому и капутъ заразъ. Бачыть вона, що ніякъ на людей не добрызне, іи ще гиршъ за серце взяло! Давай вона брыкаться, землю быты пидъ собою; арканы рве, соху грызє, страхъ одынъ! Бачуть людє,—погано, треба якосъ спынты, а то вона й повитку рознесе, тоди усе село лоскомъ уколошкае. Якъ репнувъ у неи пухырь, пина вся выбигла, тоди мы послалы двохъ чоловика въ повитку; воны іи зъ двохъ бокивъ давайperiщты батогамы. Не берє! скильки не втюжылы, а вона байдуже; звисно шкура товста,—все одно, що по бубону. Годи батуваты пугамы, а нуте за ципы. Якъ прыпустылы,—бачыть вона, що неперелывкы, що се вже не муху проганяютъ, заразъ помякшала, втыхомырылась, замовкла и лягла,—шовковою стала. Люде порозходылыша, а вартовыхъ заставылы про всякъ случай.

Вже й свитъ Богъ давъ, вже й сонечко геть-геть пидбылося, часъ бы и обидаты, а Герасима нема зъ миста. Шкода, — думаю, — борщъ мій перепріє. Хиба обидаты самій? Ни, пиду спершу, вызирну, чи не иде винъ та за однимъ заходомъ заверну и на халеру кыну окомъ, що то зъ нею? Не встыгла зъ синей выйти, а стійчики сусиль мини на зустричъ, трохи зъ нигъ мене не збывъ.

— Дядыночко! идить раду давайтє, халера опряглasisя (здохла).

— Чи вже?

— Іи же Богу!

— Не брешешъ?

— Вбый мене хрестъ святый!

— Не божысь такъ дурно, бо все идно не пійму виры. Який чортывъ батько выдавъ, щобъ медвідь щебетавъ!

— Отъ же опряглася.

— Та вона прыкынулася, удає такъ, думає, що выпустымо. Де ты чувавъ, щобъ халера здыхала? на такыхъ смерты нема!

На симъ слови чую,— торохтять колеса.— Герасымъ! Отъ и добро, саме въ пору. Я ёму заразъ усе якъ на долони выложыла. — Нехай же — каже винъ, — нидѣ не динеться, а кѣ лышень спершу чого перекусыты, исты ажъ шкура болыть...

По обиди заразъ туды: людѣй усе село: и велыке и мале,—уси тамъ. Лежыть вона, справди нѣ дыше; попробувалы—холоднисенъка. Давай знову головы клопотаты, що зъ нею діяты? Якъ на тѣ, отець Ерофтей зистався ще на два дни у мисти. Колы-бъ винъ бувъ, давъ бы раду, на те жъ винъ и пипъ; може бъ заклявъ, чи ынше що, про те вже винъ знае,—колы жъ нема! Бидкуемося, а хтось зъ людѣй и каже:

— Чого вы ій виры ймете? Вона прыкынулася, а вы й справди; хиба не тямите, що чортяки на все здатни. Треба ось якъ: колы е въ кого нижъ, нехай пиде та черконе іи по череву—хрестъ на хрестъ. Отоди й буде видно, що и до чого.

Онопрійко пидпасачъ заразъ нижъ зъ пахвы; однимъ духомъ якъ ризне туды й сюды, такъ зъ неи уси тельбухы й выпустывъ. Батечку! яка вона пишла на все село! хочъ тикай. Тутъ наши и давай правыты.

— На що ризавъ?

— А на що радывъ?

— Я радывъ черкнуть тильки, а ты що?

— Я й черкнувъ,—бильшъ ничего.

— Добре черкнувъ и тельбухы выскочылы!

— То не я: я не хотивъ, нижъ склызнувъ.

Завелысь, сваряться; Онопрійко, хочъ мале хлопья, та хытре... Воня йде та йде, така густа, хочъ сокыру повись.

— Годи вамъ,—гукнувъ Герасымъ,—усе село запоганыте! ще не дай, Боже, — помешть пиде, тоди вамъ катнихъ рукъ не мынуть! Заразъ давайте застуны, копайте биля неи яму, глыбоку, въ чоловика!

Кынулысь, духомъ выкопалы; туды іи! засыпалы и осыковымъ килкомъ проткнулы... Не втече...

Гараздъ. Эге! гараздъ, та не зовсимъ ще. Думалы бъ вы — и квитъ? Якъ разъ, саме тильки зъ сёго и почынается напасть. У князя К. бувъ тоди за управытеля чи нимець, чи лышокъ; винъ и прысиався до насть за ту халеру.—То, —каже, — не халера, а нашъ вербллюдъ; мы ёго тильки що вывезлы зъ Тавріи, а вы нашо ёго занивчылы? теперь платить за ёго тысячу ассигнацій.—Тоди усе було на ассигнації.—Не заплатыте, —каже, — доброхитъ, я до енорала, до Кысиля, до самого царя дійду, сикуцю наведу на васъ, усе село спустошу...

Мы тоди объ полы рукамы: — отсе такъ ускочылы, ажъ въ халявахъ плющыть!—Старый дидъ Яківъ Гуня слухавъ того управытеля, слухавъ, та й каже до нёго:

— Вы, пане, такъ вельмы не стражайте насть, а то зъ переполоху уси розбижымося, та якъ побижымо, то щобъ часомъ не добиглы и мы до царя! Ще не вгадалы, за кого царь руку потягнє, — чи за насть, чи за васъ. Вы, паночку, липше не брызькайтесь, а такъ

скажить: колы та халера ваша була, такъ яка вона на масть.

— Не халера, а верблюдъ,—каже, той, — половой, ну!

— Не нукайте,—змагается Якивъ, — на мини не поидете,—старый я. Отъ же, щобъ вы тямылы, такъ мы полового буйвола и въ вичи не бачылы, побигъ винъ половою дорижкою, тамъ ёго и шукайте!

Управытель ажъ пиньтесь та до Якова:

— Не бачылы, не бачылы, а закопалы що? га!

— Халеру закопалы, такъ вамъ же яке до того дило? Що вона вамъ дядыною чи сестрою доводыться?

Управытель ажъ кыпты, а люды заразъ ёго на глузы: „халерынъ братъ, халерынъ небижъ!“ скаляться проты ёго. Винъ тоди на свою бидку, чкурнувъ,—ажъ земля загула.

Балакаемо мы, шуткуемо, а въ души щось у мене хмарыться; чую, що воно тутъ безъ чогось не обійтеться. Росповилы отцю Ерофтею; винъ покрутывъ сывою бородою, та й каже: Щось воно не ладаномъ пахне!

Журюся я за всихъ; вже жъ думаю кому—кому, а Герасимови перепаде на горихы; хочъ винъ тутъ и не прычастенъ,—въ сели тоди не бувъ,—та бачте, старшына; скажуть: ёго недоглядъ, не пыльнувавъ. Выненъ—не выненъ, а пишовъ зъ довгою рукою, прыймай и тистомъ...

За тыждень, чи що — прынесло окружного: лютый такий, наче вовкъ писля Водохрыща.

— Що вы сяки таки накоилы?—гукае на громаду.

— Щожъ мы накоилы?—обизвався Гуня.—Здаеться ничего такого. Усе тыхо у насъ, про бунтъ не чутно.—И стоить соби; свытка у ёго на опашку, шапку знявъ, та на цицокъ іи; шапка у ёго була добра, смушева,

сыва, така самисинька, якъ у отця Ерофтєя. Схылывся Гуня обома рукамы на ципокъ, ногы роскарячывъ; сыва чупрына у ёго мае по витру.

Окружный якъ затупотыть на рундуци проты Якова, та на ёго, наче въ маточыну:

- Ничого?
- Ничого, пане.
- Верблюда хто вбывъ?
- Верблюда, кажете?
- Эгэ!
- Не былы мы; може хто и вбывъ, а мы про те не видоми,—ничого й брехаты.
- Якъ не вбылы? а хто жъ?
- Про те не видоми.
- Не былы?
- И не думалы сёго; навить не тымымо про якого се вы верблюда?
- Про того, що въ жытахъ занялы.
- Хиба то верблюдъ бувъ?
- А то жъ хто?
- Бачъ! а управытель казавъ, що то буйволъ; не въ одно, значыть, брешуть.
- Я вамъ кажу, що то верблюдъ, — гукае Шагафонъ.
- Ни, пане, воля ваша, а то не верблюдъ...
- А що жъ?
- Хиба жъ верблюды таки? то не верблюдъ...
- Такъ кажы, що? — тупотыть окружный, а Гуня соби повагомъ:
- Не верблюдъ...
- Ты бачывъ верблюда?
- Де бъ я ёго бачывъ?

— Не бачывъ, такъ и не огрызайся. Убылы чужого вѣрблюда, та ѿ змагаються!

— Не вбывалы! халеру застукалы,—сё правда, а про вѣрблюда ѿ не чулы: сё напасть на насть, недовидоме щось...

Розгнивався окружный та на Гуню:

— Мовчы, стара собако!

— Колы бъ я, паночку, бувъ собакою, — мовывъ Гуня,—то бъ по собачи гавкавъ; а то отъ и викъ проживъ, а все по людськи балакаю, хочъ трохи и не такъ голосно, якъ вы,—поздоровъ Боже васъ!

Окружный плюхъ ёму межы очи. Гуня тоди до ёго:

— Чи сё одъ Кысиля, чи зъ власной вашои, пане, ласкы?

— Мовчы!—гугае окружный.

— Та воно ѿ тё сказаты: хто мовчыть, той двохъ навчыть,—мовывъ Гуня, шапку на очи и пишовъ до господы.

Тоди той Шагафонъ, якъ напався на Герасыма, якъ напався: отъ-отъ-бы заихавъ по мармызи, та дзускы! Не достане, старшыну быть не можна! За теч-жъ якъ почавъ пекты словамы и въ батька и въ матиръ:—Я тоби и те, я тоби и сё! я тебе скыну, я тебе въ холодну, я тебе пидъ ризкы, я тоби червону шапку, сё-бъ то въ салдаты, я тебе въ Сибирь на саме дно!

Господы мій, Боженъку! сёго-жъ-бы ѿ на десятёхъ стало, а винъ усе Герасымови насулывъ. Гукавъ, гукавъ, нарешти втомывся; печинки мабудь заболили, осився та ѿ каже:

— Отъ вамъ тыждень строку! тысячу ассигнацій знесить за верблюда, а не знесете—усе село пограбую

и поцинью. А ты, старшина, заразъ въ холодну на цилый тыжденъ!

Закынувъ Герасыма въ холодну; старшиною на той часъ зробивъ когось инчого. Горенько намъ тяжке, лышенько намъ важке! що намъ початы, що намъ чыныты? На все село сумъ найшовъ; ходымо наче въ хмари. Де намъ таку силу ассигнацій зибраты? Мы зроду-вику стильки ихъ и нѣ бачылы. Хочъ усе село зарижъ,— не зберешъ...

Бидкуемось, а я найгирше. Сами подумайте, чого винъ тильки Герасымови не насулывъ: и платы и въ холодній сыды, и хлосту, и червону шапку, и въ Сибирь... Тужу! Заступныце наша, свята Покривонько! За що отсё на насть така напасть? Пропали мы на вики!

Пишла до Гуни, взяла ёго та до отця Ерофтея:— давайте раду и пораду!

Гуня каже:— Воно точно, що не медъ, та ще нехай лышень попробує цинуваты, може и руки повсыхають ёму.

— Овва! — кажу я,— хиба ёму що; захоче— поцинью, и Герасыма запроторить. Дыковына хиба ёму!..

— Дурна ты, молодыце,— каже Гуня.— Звистно нѣ дыковына, що собака не кована, отъ нехай винъ пидкуе,— ото буде дыковына...

— Схоче и пидкуе,— кажу я.

— Наврядъ! цыганъ брався, такъ ухнали нѣ йдуть. А мы отъ якъ; завтра чуть свить на коней та прямо до самого енорала. Усе ёму и выложымо, нехай самъ разбере, чи Якивъ Гуня собака, чи чоловикъ! Се напускъ на насть! Халеру въ жыти занялы, а винъ верблюда якогось правыть! Отъ якъ!.. Чуешъ?

— Чую, дядьку! та якъ ёго въ свити! страшно и подумати: енораль!

— А хиба що! Вже колы винъ замисть Герасыма киньмы правывъ, то для тебе й поготивъ... Енораль! що жъ! и енораль той царський и шелыхвисть той царський, и мы нө ынчи... Не на те ихъ прыставлено, щобъ людей крываемы!... Бачъ! „собака“ каже! Трывай же! тысяча ассигнацій! який ласый на ковбасы... Отакъ, молодыце! вранци и гайдя! почуемо, що скаже енораль.

— Добре,—кажу,—якъ добре, а якъ ни?

— Тоди своимъ мозкомъ роскынемо; позычати не пидемо... Бачъ матери ёго стонадцять копанокъ чортывъ лысыхъ! въ стари очи плюется. Бога на души нема у ёго,—плювавъ-бы на ёго увесь мыръ! Мы колы що—и до Кысиля втрапымо, и до царя не заблудемо... Я бачывъ и царыцю и царя!... Таки-жъ, якъ и вси люде!.. А винъ плюется! Дывысь лышень, щобъ матня цила була!.. Сказано: нө тягны вельмы, супоня лусне!..

Завзятый бувъ дидъ Якивъ Гуня, земля ёму перомъ! Такъ було и дытыны малои не обидыть, а займы ёго, такъ и не одкараскаесся; доты пектыме, докы ёго на верси буде! Завзятый бувъ! нихто на ёму не поиде було, а зъ выду такый тыхый та рахманный!

Поихалы и отца Ерофтея взялы,—винъ на дорогу и молебень одправывъ. Ой, тай страшно мини було, якъ прыхалы мы до того енорала! Господы! якъ страшно! звистно николы я въ такихъ бувальцяхъ не бувала; не знаю якъ статы, що сказати! Довго нась не пускалы до енорала; усе або спыть, або истъ, або николы ёму. Мы ёго середъ улыци взялы та й перестрилы и все ёму якъ слизь; Якивъ повидае, отецъ Ерофтей пиддае, а я тильки плачу.

Благый такыи та ввичлывый той еноралъ, повивъ нась у ту свою палату, а тамъ у ёго тыхъ пысакъ повнисөнъка хата, ажъ кышты, наче мухы въ Спасивку... Усе воны пышуть, пышуть — такъ що тильки и чутно—дзз... Скоро мы ввійшли зъ енораломъ у ту палату,—уси пысакы въ струнку, кланяються и ёму и намъ. Поставывъ винъ нась — мене и Гуню побичъ себе, а отця Ерофтея посадовывъ.

— Ну,—каже—рассказуйте: яку вы тамъ халеру застукалы?

Якивъ ёму усе до чиста, якъ ножемъ по маслу, и все бильшъ на те верне, що той Шагафонъ за одно зъ управытелемъ, та ще й найгирше, що плонувъ ёму межы очи. Тутъ вже и отець Ерофей вступывся: — у нась, каже,—зроду-вику такого не выдано, не чувано! Тоди я за Герасима: за що,—кажу,—ёму усе оте?

— Трывайте-же,—каже на нась еноралъ,— колы винъ вамъ такъ, такъ я ёму ось якъ! та въ дзвоныка и задзвонывъ. Заразъ передъ нымъ сипачка, наче зъ воды вродывся. Еноралъ веливъ ёму спысуваты за намы. Мы говорымо, а той спысуе, усе спысавъ и вычытавъ намъ. Еноралъ тоди пытається у нась: — Чи такъ?

- Такъ,—кажемо,—усе вирно спысано.
- Колы такъ, то йдить зъ Богомъ до господы.
- Та й годи?—пытається Якивъ.
- Чого-жъ тоби ще?
- Значыть цинуватымуть?
- Ни.
- А якъ-же воно буде?
- Якосъ тамъ буде!
- Дай, Боже, щобъ добре було; мы вашому еноральскому слову виру ймемо.

— А зъ моимъ Герасымомъ, — пытаюся, — якъ воно буде? усе ёму такъ и одмиряют: и хлосту и червону шапку и Сибирь?..

— Ничого сёго не буде, — мовывъ еноралъ, — ёго заразъ выпустять зъ пидъ замка.

— Хто-жъ ёго выпустыть?

— Я своего гонца выряжу.

И справди вырядывъ, — спасыбигъ ёму; мы ще й не вернуlyсь, а гонецъ вже тамъ; Герасыма заразъ на волю, а громаду веливъ склыкаты.

— Ну, — каже той гонецъ, — прызновайтесь, хто дававъ прывидъ на ту халеру?

Гуня и выступывъ заразъ насампередъ и каже:

— Нихто нө дававъ.

— А хто прызводывъ, щобъ ципамы быты?

— Нихто.

— Хто першымъ почавъ?

— Нө було першого, уси разомъ.

— Хто-жъ зъ васъ вынуватый?

— Нема вынуватого, уси вынувати.

Перебравъ винъ отакъ трохы нө усе село, усе первого та выноватого стежывъ. Ну, звистно, уси за Гуню: якъ винъ, такъ и вси мы. Шукавъ, шукавъ тай каже до нась:

— Ну та й завзятый же народъ у вась!

— Таки мы вже зроду, — мовывъ Гуня.

— А скажить-же, хто зъ васъ бачывъ, щобъ Шагафонъ плонувъ Гуни межы очи?

— Уси, уси бачылы! — такъ и загула громада.

Уси якъ одынъ. Звистно за своего брата и Богъ веливъ заступатыся.

— Треба комусь зъ васъ до князя вдатыся, щобъ помылувавъ, — каже гонецъ.

— А въ чому нась мылуваты? — пытае Гуня.

— Верблюда занивечылы.

— Отъ вы, поздоровъ Боже васъ, тѣ-жъ такы на верблюда вернете, а мы ёго ни сномъ, ни духомъ. Якы́й-же то верблюдъ? то халера!

Всміхнувся той гонець и каже:

— Вже якъ знаете, а не заплатывши не можна, — чуже добро... и енораль вамъ радыть черезъ мене, щобъ вырядылы кого до князя та перепрохалы, — поихавъ соби.

Кого-жъ бы то намъ до князя? Вже-жъ треба енорала послухаты. Гуня и роскынувъ головою и каже:

— Вже-жъ никому другому, якъ отцю Ерофтею!

— Чому се такъ? — пытаеться отець Ерофтей.

— Отъ чому: колы-бъ знаты, що князь помылуе, то воно-бъ ничего, можна-бъ и эъ нась кому, отъ хочьбы мени, або Хоми, — каже Гуня. — А якъ-же ни? що якъ ёго управытель наустывъ? Тоди скаже: — сами воны прызналышя, що мого верблюда замордувалы, нехай-же платять. А отець Ерофтей, наче-бъ то зъ боку, за своихъ парахвіянъ тильки заступаеться, а не прызнаеться.

Уси мы до отца Ерофтея, щобъ ихавъ. Не змагався, — нову ряску на себе и поихавъ. Богъ ёму помогъ; усовистывъ винъ князя и прывизъ намъ помылування.

Зрадилы мы тоди; заразъ диждавшись недили, молебень на майдани, усимъ селомъ молылышя за енорала, щобъ Богъ ёму вику продовжывъ. А отець Ерофтей за людэй молывся.

Господь вчувъ нашихъ молытвъ. Отого Шагафона енораль запровадывъ десь за Десну. — Се, — каже ёму, —

тоби за тө, щобъ ты не плювався людямъ межы очи,
та ще такымъ старымъ. — Эге! вчувъ Господь людсь-
кихъ молытовъ, ослобонывъ нась одъ Шагафона и одъ
тієи клятои прыгоды зъ халерою, чи зъ верблюдомъ.
Суще я й доси нє тямлю, що воно було: чи халера, чи
верблюдъ! Та нехай вжേ вона сныться тому, що гребли
рве!..

1884.

ЗАВЕРТКА.

Прыятель мій Иванъ Хуторный — винъ такы и зъ ридни мини прыходыться, хочъ и далекои, — набувъ соби позаторикъ хутиръ, тай зазывае мене до себе въ гостыну.

„Прыезды та й прыезды! Хутиръ мій, — пыше винъ до мене, — варто побачыть. Не хутиръ, а просто рай: и садокъ, и млынокъ, и ставокъ, и гай, и степъ, и горы и долины... А до того ни пана, ни пидпанка... никого, никого нема кримъ мене, та самого чистого народу, все козакы!... навить ни жыда, ни шынку нема“.

Улитку сёго року выпало такъ, что и въ мене дила ніякого; порадывся спершу зъ жинкою, дали зъ Опанасомъ.

— Якъ ты, Опанасе! чи ихать, чи ни?

— А вже жъ ихать: чого тутъ смалыться. Роботы ніякои; а що треба, хиба я самъ не догляжу? идьте, провитрытесь, та ще й дитея малыхъ визьмить зъ собою...

Послухавъ, поихавъ.

Приихалы, — вже темно було; люде повечерялы. Дви доньки мои такъ потомыльсь за день въ дорози, що швыдче полягалы спаты, и исты ничего не схогили. На другый день мы соби зъ Иваномъ ще не вставалы,

а дитвора вже скризь оббигала; и въ саду, и на городи, и въ паствиныхыку, и биля ставка, та все до дядыны (Ивановои сестры):

- Що отсе таке, дядыночко? а се що?
  - Се гарбузы.
  - А се що?
  - Се кавуны ростуть.
  - Яки кавуны? оти велики, смашни та солодки?
- чомъ же вони таки малесеньки у васъ?
- Ще не вырослы.
  - А се що? а се що?

Набигалысь, ажъ поприлы, та тоди въ хату донась; одна тягне окрывало зъ Ивана, друга зъ мене.

— Тату! дядьку! годи спать! вставайте! мы вже зъ тётею усюды булы, все бачылы, а вы все рутытесь... Тётя казала пооблывать васъ холодною водою, -- та зъ сымъ словомъ справди за пытунецъ зъ водою. Мусилы мы повставаты.

— Десь у васъ ни стыду, ни сорому нема! людё отъ-отъ обидатымуть, а вони ще ѹ очей не попродыралы! — шуткує Настя, сестра Иванова, усажуючи нась за сидання.

Поснідалы, вийшли на рундукъ, силы, смокчено люльки.

- Пече! процидывъ до мене Иванъ.
- Допикае такы! дывысь, чи не на дощъ воно такъ жарыть.
- Может!... барометръ посунувся на „дощъ“.. а воно бъ дощу ѹ не треба.
- Якъ не треба! — каже Настя, — квасоля вся пожовкла.
- Що квасоля? квасоли твои лысый не визьме, а сино на покосахъ нехай бы давъ догребты, та въ ко-

пыци зложыть, тоди хочъ и спорсне трохы, такъ байдуже... Сёгодни гребуть?

— Гребуть.

— Толочане, чи за спаши?

— За спаши.

— А ты жъ ихъ почастувала, Насте?

— И ще бъ бакъ ни! думаешъ безъ тебе, такъ нихто й не знае вже, якъ зъ людьмы треба поводытыся. По дvi чарки вже пиднесла: въ обидъ по третій, на полудень по четвертій, та за вечерею по дvi— отъ и буде.

— Буде! буде! А догребуть сёгодни?

— Наврядъ...

— То се ты, Иване, за спашъ берешъ?—пытаю я.

— А ты жъ якъ думавъ? даруваты!? Ни, зроду не можна. Колысь и я гадавъ, що за спаши не треба братъ, а треба по сусидськи даруваты, а якъ торикъ отсюды, та якъ сивъ господарюваты, — побачывъ, що сёго не можна; се дурныця. Почалось зъ того; займутъ було телыцю въ жыти, або лошыцю въ вивси—прыйде хазяинъ; я ёго гарненъко высповидаю, що у нёго та-кий недоглядъ, поганоблю ёго, попрошу у друге не пускаты скотыну въ чужый хлибъ и оддамъ... Що жъ ты думаешъ выйшло зъ сёго? Якъ почалы—сёгодни дvi телыци въ гречци, завтра четыри въ проси, позавтрому десятеро въ сочевыци... Погано; а соромно якосъ браты за спашъ, не посусидськи, думаю, буде... та такы и выпасы у моихъ сусидивъ не вельмы велыки, хоча й не мали. Щожъ ёго діяты? Отъ я зазвавъ самого старійшого зъ громады діда, усадывъ ёго, почастувавъ и давай ёго благаты: и се ёму и те, и пьяте и десяте: васть, кажу ёму, диду, послухаютъ,— напутьте ихъ, щобъ не пускалы товару въ чужый хлибъ.—А винъ мини на

се: „даремна ричъ, пане! шкода й почынаты, не послухають. Сами вы, пане, вынувати“... Я ажъ на мисти не всыдивъ: „Яка така моя вына?“ — пытаю.

— Така вына, що свого добра не вміете берегти!... Де такы се выдано, щобъ за спашъ ничего не браты?! Сёго въ насъ зроду, зъ вику не було!... Мы жъ отъ-громадяне, свои люде, — а попадешь въ спаши, — выкупнись... Инакоже не можна! чуже треба шануваты... Воно и безъ спашу не можна: разъ-на-разъ не встережешъся; ынколы й радъ бы дogleядты, та не зуздриншъ, колы воно й смыкнє... А все жъ — чи умысне, чи не умысне нашкодывъ, а прощать не можна! ни во викъ не можна... Вы думалы, якъ лучче, по Божому, а воно выйшло не такъ: люде заразъ запрымитылы, що вы, не во гнивъ вамъ сказаты, хазяинъ такый соби... слабенький, не вміете свого берегти... Отъ воны уши й розвисылы... Сами, пане, выновати...

— Такъ выходыть, що треба браты за спашъ?

— А тожъ якъ? звишно, треба, тильки по Божому, по людськи, не грабуючи, не позываючи... особльво, не судячысь... цуръ имъ тымъ судамъ! У суди часъ тильки збавишъ, а такъ по сусидськи, нашкодывъ — платы!

— А якъ хто не схоче платыты, що тоди?

— Сёго не може буты; у насъ сёго зроду звику не було! Чоловикъ свою выну знае: нашкодывъ, нема що й казаты, — ублаготворы! Се вже и Богъ веливъ... не за насъ се стало, не за насъ и перестане... Бувае, що ничымъ заплатыть, ну — тоди — видробы... Тильки, по Божому, по людськи, щобъ не сутяжно було, не черезъ край, а такъ, щобъ прыпадало и до шкоды и до выны... Абы ступыла скотына въ хлибъ, абы смыкнула яку жменю — день видробитку, або коповыкъ (50 коп.), — се по Божому. А по тій чортовій такси, та

ще по суду.. щобъ ёго никто добрый не диждавъ судытысь та возытысь зъ отымы судамы!...

Послухавъ я дида и заразъ зъ весны й оповистывъ, что не прощатыму спашивъ. Заразъ вдесятеро поменшало... а попаду въ спаши, заразъ—одробы.

— Щожъ люде? не лаютъ тебе?

— Де тоби! дякують! и велыхъ спашивъ нема... воно колы хочъ правду сказаты, зъ отсихъ одробиткивъ за для мене тильки й корысты, что спашивъ меньшє; а шо до роботы, такъ нанять—дешевше стане: не почастуваты не можна, а начнешь частуваты, такъ и вычастуещъ горилки бильшє, нижъ заплатывъ бы за день. Ну, правда и те, что за гроши ни зроду такъ жаво и такъ чисто не робытумуть. Ось ходимъ лышень подывытысь.

— Ходимъ.

Идемо поузъ тютюнови плантації.

— Трывай, каже Иванъ: завернимъ на тютюнъ, я тоби покажу: отъ тютюнъ, такъ тютюнъ; чи ты й бачывъ колы такого. У ростъ человека, а лыстъ—шыроченный, хочъ стиль застылай: та тонесенький такый, —настоящий турецький. Насиння зъ Болгарщины добувъ... Степанъ Нисъ—ликарь, може знаешь ёго?..

— Добре знаю.

— Такъ отъ винъ, бачъ, забрався ликарюваты у Болгаривъ—дома, бачъ, тисно... ну и переславъ мини насиння! Та вже й насиння!.. Спасыбигъ ёму! Гляну на тютюнъ,—ажъ духъ радіе! Дывысь, дывысь! який! ажъ гуде! а листя, листя! отъ тильки не разберу, чи се Персичанъ, чи Пахунець... Ты тямышъ що въ тютюни?

-- Колы палю цыгарку або люльку, такъ тямлю, а такъ—байдуже...

— Ну, такъ тоби ничего ѿ показуваты, все одно, що слипому малюнки!.. Зъ сымъ словомъ мій Иванъ прысивъ и нагнувся до куща тютюну: ба, ба, ба! отсе такъ! Що-жъ отсе таке? дывысь, дывысь-бо сюды... глянь! отсе такъ!..—бачышъ?

Я глянувъ: на кущи тютюну лазыла велька сыла якыхъ зеленоватыхъ, пидъ барву тютюну, малесенькихъ казявокъ.

— Що воно таке? допытувався у мене Иванъ.— Ой, ой! онъ и на другому и на третёму! такъ и обсыпалы! А онъ, онъ! — Иванъ перебигавъ одъ куща до куща:—онъ поточылы листя, наче решето, а онъ цилу стальку попидъидалы. Отсе такъ! — Тро-хы-ме! Тро-хы-ме! — Гукнувъ Иванъ несподивано для мене и зъ такою сылою, що я ажъ здригнувъ.

— Кого ты гукаешь?

— Никого, якъ тютюнника... Тро-хы-ме!.. Тро-о-о-хы-ы-ме!.. Не чутно ѿ не выдно. Певно въ клуни лежыть десь въ засторонку.

Мои диты, почувши дядькивъ крыкъ, биглы зъ двору до нась.

— Верниться, диты, верниться, голубятка, въ дверъ, тамъ знайдить чи сами, чи хто вамъ знайде дида Трохыма: нехай однымъ духомъ иде сюды!

Диты побиглы. Иванъ ходывъ рядкамы тютюну; тильки ѿ чутно було, що: отсе такъ! отсе такъ! ось и тутъ и тутъ! отсе такый доглядъ! пропавъ! увесь пропавъ!—Показався и Трохымъ, справди заспаный.

— Обходывъ ты сёгодни тютюнъ? пытає Иванъ.

— А якже, обходывъ.

— И не брешешъ?

— Отъ святый хрестъ!

— И ничего не прымитывъ?

— Що-жъ тамъ прымичаты? тютюнъ, якъ тютюнъ.

— А се що? дывысь, дывысь! бачышъ? — Иванъ гаряче тыкавъ пальцемъ, вказуючи на гнездо казявокъ. Бачышъ, що воно? Трохымъ прыдывыся.

— Що-жъ? ничего... казявки...

— Якъ ничего? — ажъ скрыкнувъ Иванъ: — хиба не бачышъ якои шкоды накоилы! И звидкиль воны взялышь?

— Звистно, одъ Бога... всяка тварь одъ Бога... а шкода е... шкода, що й казаты, велыка... И колы воно, кляте, успило стильки нашкодыть? Уранци обходывъ, ничего не було...

— Та ну-бо, диду! — перебывъ ёго Иванъ, — хочъ не брешы; дывысь; онде лыстя посохло вже, — хиба се можна такъ швыдко! Лучче кажы, що робыть?

Дидъ засоромывся и, понуро дывлячись, одновивъ:

— Ничого не робыть...

— Нехай по твоёму увесь тютюнъ попидъидае.

— Усёго не попидъидае... А колы що, такъ кликнить попа...

— А пипъ, що поможе?

— Вычытае, помолыться...

— Ты жъ кажешъ, ся казявка одъ Бога?

— А вже-жъ не видъ чорта...

— Такъ колы видъ Бога, такъ и пипъ ничего не вдіє.

— Не попа, такъ ворожбыта позовить, — нехай заговорыть! Иванъ ажъ пырснувъ зо смиху.

— Отъ вы смієтесь, — сказавъ образлыво дидъ, — а позаторикъ у Шаповала отакъ саме було: напала казявка на тютюнъ, прывезлы ворожбыта, винъ положывъ у пытуньчыкъ жару, посыпавъ чогось на жаръ, обку-

рывъ по рядкамъ, заговорывъ — немовъ рукою зняло; уся казявка передохла.

Иванъ переставъ сміятыся и зъ цикавосты спытавъ у дида, чымъ курывъ ворожбыть.

— Про те не знаю, не пытавъ, та хочъ бы й спытавъ, такъ хиба винъ скаже? — видповивъ дидъ. — Та тэ куряво, — пуста ричъ, то винъ такъ, абы очи одвесты; уся сыла въ заговори.

— Де той ворожбыть жыве? — спытавъ Иванъ. Дидъ видповивъ. Иванъ глянувъ на мене; нибы пытаючи, шо я гадаю? Я всміхнуўся. — Отъ колы-бъ мы зъ тобою зналы зоологію та энтомологію, такъ бы й не посыпалы за ворожкамы, — промовывъ винъ до мене. А то, бачъ, вчылыша праву, а довелось господарство правыть... и не тямымо ничего... казявка видъ Бога... попа на неи треба, або ворожку... Иванъ докирлыво хытавъ головою...

— Може-бъ липше було, панычу, не займатъ казявки, сказавъ дидъ... Теперъ вона наиласъ, сыдышъ соби на одному мисти; а то якъ розворушымо іи та розлизеться по всій плантації, — бильшои шкоды-бъ колы-бъ не добуть...

— Та ты-жъ самъ радышъ до ворожки.

— Я не ражу, тильки такъ кажу. Добре, якъ заговорыть, а якъ часомъ ни? Може се й не така казявка, якъ була въ Шаповалы... По моёму нехай вже отси рядкы истъ...

— А поивши отси, дали нехай лизе?... Ахъ ты голово!...

— Воля вапша! про мене... а я такъ сужу: казявка, якъ и чоловикъ; колы винъ сидышъ на своёму мисти, нихто ёго не тревожыть, не голодный винъ, такъ який ёго врагъ понесе шкодыть...

— Нехай мабудь прывезе ворожбыта; нехай покурить; побачымо, чымъ винъ курытыме, то й соби зна-
тымемо,—обернувся до мене Иванъ.

— Безъ заговору, панычу, куряво не поможе!...
тутъ сыла нѣ въ куряви, молыту чоловикъ знае,—
говорывъ дидъ, идучы слидкомъ за намы до гребцивъ.
Пройшли гоней двоє мовчкы; по выду выдно було, шо
казявки и тютюнъ не дають Иванови покою.

— Тамъ и въ жытыхъ у насть нѣ все благополучно,
— промовывъ наче нехотя Трохымъ.

Иванъ зупнывся и спытавъ:

— Спашъ?

— Ни не спашъ!.. колы-бъ спашъ, — то ще-бъ бай-
дуже—видказавъ дидъ.

— Та що-жъ тамъ таке? може вылягло жыто?

— Ни, не вылягло! чого ёму вылягты? у людэй и
гостище бувае та не вылягае.

— Ну такъ що-жъ тамъ? кажы вже швыдче!

— Тамъ таке, шо хто ёго зна, якъ и казаты; може
нехай вже токовый скаже.

Иванъ ажъ розсердыvся, та до мене:

— Бачышъ, шо за народъ? отъ и живы зъ нымы
и хазийнуй! Ты, диду, не чоловикъ, а просто варывода.
Колы почавъ, такъ кинчай. Що тамъ неблагополучного
въ жытыхъ? Жукъ? муха? чи що?...

— Отъ жука Богъ мылувавъ, и мухы нѣ чутно.....
Та се, паныченъку,—нѣ мое дило, а токового.

— Тыфу! отъ чоловикъ! кажы, шо тамъ?—сердя-
чысь крыкнувъ Иванъ.

— Тамъ..... бодай ёго й не казаты! Тамъ завертку
якасъ зла душа завернула.

— И тилькы?—Иванъ розреготався.

— Мало хиба сёго!—одповивъ дидъ понуро.

— Хтось завернувъ, а я одверну.

— Не допусты васъ Господы до сёго, панычу! якъ се можна! — сказавъ дидъ жахаючысь... Не доведы Господы! щобъ у васъ, не до васъ кажучы, тьфу, тьфу, тьфу! руки вывернуло?.. Не доведы Маты Божа! Тутъ безъ ворожбыта не можна...

— И зновъ ворожбыта! — одповивъ Иванъ, махнувшы рукою, и пишовъ мовчки.

Гребци садовылъсь обидаты; було ихъ може душъ сорокъ; бильшъ жиночество; помижъ чоловикамы кыдальныкамы манячылы и сыви вусы, булы ѹ парубкы.

— Помагай Боже! день добрый... зъ суботою васъ! — поздоровалъсь мы до гребцівъ.

— Дякуемо, и власъ поздоровляемо.

— Хлибъ та силь.

— Просымо зъ намы.

— Що тамъ, Семене, у тебе въ жыти? спытавъ Иванъ, обернувшись до высокого, широкоплечего чоловика літъ за сорокъ, зъ довгымы чорнымы вусамы, що лизлы ёму за пазуху у розхристану сорочку. Семенъ пиднявъ трохы брыля и почухавъ потылыцю.

— А вы вже, диду, не втерпилы, разблаговистылы! промовывъ Семенъ, докирлыво дывлячись на Трохыма: — отъ языкъ, — и на прыпони ёго не вдержышъ! Чому я не мишаюсь до васъ и мовчу прютюнъ?

— Про мій тютюнъ ничего сказаты, — одповивъ дидъ токовому.

— Ничого! лучче-бъ вы мовчалы, а то якъ скажу пры людяхъ.

— Говоры, говоры! ну говоры! що ты скажешъ, ну? — прыстававъ дидъ.

— Годи вамъ,—озвався Иванъ,—та завертка, чи що?

— Завертка! завертка! отсё нехай Богъ мылуе!..
Маты Божа! Завертка! — загомонили разомъ гребци зъ
страхомъ...—Се такъ!

— Треба, панычу,—озвався гуменный до Ивана,—
за ворожбытомъ посылатъ, або жыто пропаде.

— Чого воно пропаде?—пытае Иванъ.

— Звистно чого: прыйдеться або одкосыть на цили-
гоны, та тоди запалить те, де завертка, або такъ по-
кынуть, бо зъ заверткою, докы вона нерозвернена, ни-
хто жать не пиде.

— А вже-жъ! а вже-жъ никто! — загомонили
гребци.

— Наврядъ, панычу, чи пиде хто жать,—загово-
рывъ поважно сывоусый чоловикъ.— Се ричъ не без-
печна! якъ можна! докы не розвернута завертка,—жать
не можна.

— Такъ я іи розверну,—каже Иванъ.

— Боронь васъ Боже! -- скрыкнулы гребци — якъ
се можна! И пишли росказуваты всяки прыгоды про
завертки: у тієи руку звело, у другои пучки вывер-
нуло; таке неслы, що ажъ брыдко слухаты.

— Кримъ ворожбыта, та ѿ й не всякого, а вми-
лого, що знає заговорыть завертки, никто не може роз-
вернуты,—говорывъ поважно сывоусый чоловикъ.

— Отъ-же я розверну, хочъ и не ворожбыть!—оз-
вався молодый парубокъ.

— Ось ну, ну! попробуй, чи не розвернє у тебе
очей або въязъ,—застрекотилы дивчата.

— Куды тоби плюгавому! смоктавъ-бы свою носо-
грійку, та не шывся не въ свое дило, — настановлявъ
дидъ Трохымъ.

— Отъ-же розверну.

— Мовчы, заволоко! сердыто озвався сывоусый,—
думае, блазень, що воно вже й тее... Думае, що колы
за Десну волочывся, такъ вже й розуму набрався...
Якъ разъ!.. чого не дала мама, не купышь и въ пана...
Розверну!.. Якъ розверне на бикъ тоби въязы, тоды
знатымешъ „розверну“.

— Чого вы, диду, сердытесь? хиба я васть займаю?

— Не сержусь, а правду кажу! не лизь по передъ
батька... Хиба мы вси дурнищи видъ тебе одного, чи
що? Мы викъ звикувалы, а въ ёго молоко на губахъ
необсохло, а винъ „розверну“... Ось то не я... Тыфу!
блазень!..

— Блазень и есть,—вмишалась одна пидстарковата
молодыця; а туды-жъ лизе!.. Яйца курку хочутъ вчыты...
Не тоби старыхъ людей учыть, не тоби перечувовать...

Трохы по троху уси грэбци накынулысь на сми-
лого парубка: хто лаявъ, хто докорявъ, а дивчата пид-
нялы ёго на глузы. И Господы, якъ воны ёго высмію-
валы, чого-чого не выгадувалы, до чого ёго не рив-
нялы? Парубокъ не вытерпивъ: взявъ брыль и пишовъ
геть соби...

— Тю! тю! тюкайте люде, тюкайте!

— Тю! тю!

— Бачъ який новыкъ объявыўся! Старе хоче ла-
матъ, а нове заводыты! Не диждешъ... руки коротки!—
торохтилы молодыци.

— Безъ ворожбыта, панычу, дило не обійтесь,
проводывъ сывоусый; ынакше никто не прыйде до насъ
жать... Се таке вже дило, такъ заведено зъ дидивъ и
прадидивъ.

— Я возьму жэнчивъ зъ другого села, — каже
Іванъ.

— Берить, воля ваша; покы не знатымуть, то й прыйдуть, а довидаются про завертку, такъ тюпкы назадъ побижлять... Згадаете мое слово.

Гребци роскотылысь спочываты на валкахъ свижого пажучого сина, а мы зъ Иваномъ и зъ гуменнымъ пишли подывытыся на завертку.

Такъ сказать, якъ добра жмени жыта була перекрученна. Гуменный показавъ скильки доведеться покынуть, або спалыть на корни жыта, колы не розвернуть заверткы.

— Тутъ на цилу копу жыта буде,—сказавъ Иванъ, обийшовши те мисто, що обвивъ гуменный.

— Може й бильше набереться: жыто густе,—видя повивъ Семенъ.

— Такъ шкода-жъ! Мало хиба? подумай самъ: десять пудивъ жыта пропаде...

— Велыка шкода! бодай ёму отакъ кышки та ковбыкъ перевернуло!.. щобъ ёго зъ круга-свита звернуло, хто отсе звернувъ!

— Мабуть треба за ворожбытомъ? сказавъ до мене Иванъ всмихаючись.

— Проты витру пискомъ не посыплемшъ. Очевидно —липше рады забобонивъ выкынуты одного карбованця, нижъ пятьдесятъ. Посылай за ворожбытомъ. Я зроду не бачывъ якъ роскручують заверткы,—цикава ричъ...

Иванъ мовчавъ: видно було, що ёму и жыта жаль и корытыся забобонамъ прыкро.

— Колы вже посылать, такъ треба на ничъ,—промовивъ Семенъ. Такъ по моему, якъ повечеріе, —нехай Кузьма бере безклубу та сурмачку, та парою и иде на ничъ.

— Отъ таке ловысь! Тыфу!.. Вдоволяй забобоны! Ой люде, люде!.. — бурчавъ соби Иванъ. — Нехай иде! —

видризавъ винъ Семенови не то зъ сердемъ, не то зъ огыдлывостью.

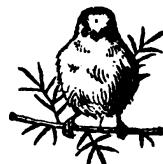
Мынувъ день. Мы ляглы спать, такъ сонъ нашъ не бувъ здоровый. Манячылысь зеленовати казявки та заверткы въ жыти, зворушувала тэмнота и забобоны народа.

— Пивни заспивалы разъ та другой. На рундуци чуты було тяжки ступни.

— Хто тамъ? — пытаюсь зъ просоння.

— Се я, — промовывъ Семень, — ворожбытъ видвернувъ завертку благополучно, треба-бъ на могорычъ. У ёго багато дила, нѣ ждатыме дня: теперъ и для ёго жныва Иванъ пиднявся. — Лучче, каже, рады забобонивъ выкынуты одного карбованця, ниже десять.

1884.

Народня педагогія.

Баче снигъ на голову, несподивано прыихавъ зъ
Петербурга до мене на хутиръ мій колышній
прыятель Олекса, зъ дида и батька Шумко, а теперь
Шумковъ.

— Якъ ты соби хочъ,—каже,—а поможы, порадъ,
напутъ мене, дѣ бъ я недалеко одъ твого хутора знай-
шовъ соби въ сели на лито димъ, та такъ щобъ и село
було не велыке, и димъ на кинци, и щобъ пры доми
бувъ лисъ, або садокъ, и щобъ було де купатыся.

— Мовлявъ, „щобъ и ставокъ, и млынокъ, и выш-
невый садокъ“,—перебывъ я всміхаючысь.

— Млынокъ байдуже, а садокъ и ставокъ, щобъ
бувъ; хочу перелитувать непреминно въ Полтавщыни,
надыхатысь риднымъ повитрямъ, напытаться и самому и
дитямъ ридного народнёго духу.

— Що-жъ се тоби такъ прыспычыло?

— Э! бодай-бы не казаты! Ликари мовъ затялнысь,
щобъ и самъ и диты перелитували на пивдни; а жинка
прыстала—„ніде инде не хочу, якъ въ Полтавщыни“.
И самъ я бачу, шо Полтавщына якъ разъ пидходыть;
пора дитямъ спизнаты народъ, свій ридный народъ;
пора имъ побачыты село и народъ, и ёго звычай, и

жыття. Одно слово: пора имъ вступыты до школы народнёи педагогіи.

— Отъ якъ! а велыки у тебе диты?

— Старшому сынови 9, а молодчому 6 літъ, та мижъ нымы дивчынка.

— То може-бъ чи не рано за для ныхъ буде ѹты „до школы народнёи педагогіи?“ може-бъ нехай пидрослы, побильпалы, порозумнишалы?

— Ни, ни, ни! чымъ ранищъ, тымъ липше! въ молоду душу попаде добре зерно, все одно, шо на свижу риллю; не засхнё, а зійде и выросте.

— Та добре-жъ, якъ добро, а якъ часомъ и зле попаде?

— На те мои очи и жинчыни. Що не кажы, а мій поглядъ на выховання такый, шо колы хочъ, щобъ диты выйшли народныкамы, такъ нехай-же ѹй ростуть помижъ народомъ. Мижъ дитыми народу воны не бачытумуть тіei деморализаціи, шо разъ по разъ въ городахъ пануе.

— Ты жывъ колы на сели?

— Зроду ни, але добре знаю чистоту народнёи моральности; знаю, шо диты селянъ — чисти, якъ сама прырода, знаю, шо...

— Зъ кныжокъ се все знаешъ? — нё втэрпивъ я.

— Зъ кныжокъ, зъ бесиды зъ людьмы... Та про се ще набалакаемось; теперь — головна ричъ, знайды таке мисце, якого хочу я.

Я справди бачывъ, шо спорыты про „народню педагогію“ и нема на що и не теперъ. Помигъ Шумкови знайты жытло, хочъ и не такое, якого винъ бажавъ, але блызъко того.

Першого мая Шумко зъ жинкою и дитьми вже вдыхавъ въ себе „чисте повитря и народный духъ благодатнои Полтавщины“.

Шумкивъ батько бувъ такы настоящий Украинецъ и родомъ и душою; доля закинула ёго спершу на Кавказъ, а далій въ Петербургъ; тутъ винъ одружывся зъ доњкою свого товарыша по служби, вельмы гарною зъ себе, але убогою дивчиною. Дитей у ныхъ було чи не семеро, але вырисъ зъ ныхъ одынъ Олекса. Батько и маты Олексыни повмиralы, ще якъ винъ бувъ перший рикъ въ университети; тымъ винъ и залышывъ науку, а прымостыvся десь урядныкомъ въ департаменти. Згодя винъ одружывся зъ дочкою якогось заможного крамаря и взявъ добре вино; жинка ёго вийшла ни се, ни тє! бильше, якасъ недопечена пампушка.

Не скажу вже, хто и якъ розбудывъ у Шумка украинський патріотизмъ; знаю тильки, що винъ выдававъ себе українцемъ и зъ книжокъ знавъ Україну, іи народъ и іи мову; колы и якъ я спизнався зъ Шумкомъ, про се не варто розказуваты.

Такъ ото й переихавъ Шумко літувати въ село Крыничку; а тижнивъ зо два писля переизду бижить до мене верховецъ зъ листомъ одъ Шумка: такъ и такъ пыше, чымъ швидче прыезды, та поможы вызволытыся „зъ каторги“.

Въезжаю въ дверь—очамъ не йму вири: на дровитни самъ Шумко рубае дрова!-- Э, — думаю соби,— справди така робота здастся каторгою тому, хто прывыкъ у Петербурзи тильки черныломъ папиръ мазаты та росчисуваты свои бакы!

— Здоровъ бувъ, Олексо! Поможы тоби, Боже! гукнувъ я.—Що се ты?

— Отакъ, якъ бачышъ, — одповивъ Шумко, кыдаючи на землю сокыру, — отсе спасыбигъ тоби. Се ты мини такъ утелюющывъ; се ты мини нараявъ оттаке село!

— Яке таке? чымъ-же воно не до ладу: и ставокъ и садокъ есть:

— Провалытыся имъ, отому и садку и ставку! Дровъ никому врубать! Бачышъ, — самъ рубаю. Народъ тутъ якийсь клятый; не заговорышъ зъ нымъ. И почавъ, и почавъ ублажаты народъ!

— Гаспыдъ тутъ, а не народъ! — говорывъ мини Шумко; — нема въ ёго ни щиросты, ни отвертосты! Ты до нёго зъ чистымъ серцемъ, а винъ на тебе звирюкою дывыться; та такъ тильки на тё й верне, якъ-бы тебе одурыты, якъ-бы зъ твоеми кышени вытягты бильше грошней! Ты тильки послухай, що воны зо мною вытворяють! Купывъ дровъ—та не дровъ, а чорзна чого—хмызу визъ; зову человека перерубать, — що визьмешъ? — пытаю.

— А якъ, каже,— чи поденно, чи оптомъ? Колы поденно, такъ по пивъ карбованця въ день, а колы оптомъ, трохи спущу; — за карбованця зъ четвертакомъ порубаю.

Попробувавъ я торгуваться; самъ бачу, що тутъ и на день ничего робыть... Не хоче, — не спускає... Позвавъ другого, ще гиршое. Ну,—кажу,— рубай оптомъ. Що-жъ ты думаешьъ? довго винъ рубавъ? цюкъ-цикъ! за два годыны перерубавъ! Хиба-жъ се не розыщацство? Присягався, що на два дни роботы; на два дни правывъ плату, а за два годыны зробывъ!

— Та, бачъ, мини здається...

— Цыть, цыть! се ще не все: выйшли оти дрова, купывъ я у друге: зву зновъ рубать. „Тоди, — каже,—

я трохы помылывся, продешевывъ, теперъ треба бильшъ взять!“ Та се-жъ вже очевидячки глумъ. Мене такъ розибрало, такъ закрутило коло серця, шо я выгнавъ ёго зъ двору, та отсё другой день самъ и рубаю...

— И рубай на здоровья! краще истымешъ.

— Тоби смишки, а въ мене печинки болять... та и се ще не все! Ни до чого не можна докупыться! деруть наче за батька! за качку, за курчя, за глечыкъ молока, за пытунчики сметаны беруть бильшъ, нижъ въ Петербурзи! бильшъ всёго прыкро те, шо жыдюзи за половыну цины oddаютъ. Хиба се не деморализаци?.. Де-жъ та хвалена моральнистъ въ народи, щыристъ, де та чеснистъ? де воны? въ книжкахъ?

— Есть и въ народи, алэ въ книжкахъ справд бильшое. Тильки-жъ скажу тоби, Олексо, шо ни розыщацства, ни оманы, ни деморализаци німа въ усёму тому, шо ты мини наговорывъ...

— Якъ нема? якъ нема? а шо-жъ се все по твоему?

— По моему — найпростійша ричъ: люде побачылы, шо прыхавъ на село литуваты чужый панъ, чоловикъ грошовытый...

— Хто имъ се сказавъ?

— Сами бачутъ! хиба не выдко, шо ты прыхавъ жыты зъ готовыка; значыть готовыкъ е у тебе. Бачутъ воны, шо у тебе німа ничего свого, все треба купыть; бачутъ, шо ты чоловикъ новый тутъ, цинъ не знаешъ, а купыть тоби треба, отъ воны и розуміютъ, шо зъ тебе можна пожывытыся и правлять высоки цины...

— Та се-жъ и есть деморализаци?

— Така, колы ще не вдесятеро менша, якъ и въ кожного крамаря. Ажъ якъ ты прыйдешъ до якои крамныци въ Петербурзи купыты яку цяцьку, крамарь заправыть зъ тебе вдесятеро, нижъ та цяцька ёму кош-

тує, а ты заплатиши не торгуючись, бо у ёго скризь написано „prix-fix“; а въ сели люде по просту, безъ прификса, сылкуються продать свои злыдни чымъ дорожче, тымъ липше. Бачъ! цилкомъ звычайна ричъ...

— Ну, ни! не звычайна,—се здырство! А то отъ ще тоби: договорывъ наймыта, за два дни прыходыть, каже: „прыбавте плату, я помылывся, дешево выпросивъ; а не прыбавыте—покыну“. Я не прыбавывъ, а винъ въявлъ и покынувъ... Яка-жъ отсе святисть договору?

— Бога бійся, человиче! звидкиль народу довидатись про святисть договору? хто ёго вчывъ сёму? Хиба ты не бачышъ, яка тутъ страшенна темнота?

— Школы есть!..

— Цыть-бо: зъ тыхъ школъ, якъ зъ цапа вовны; одна переводня громадського кошту...

— Зновъ-же таке недовирье до кожного, хто не въ свытци. Своему братови не йме виры...

— Кого знає, такъ тому вирыть.

— Алө жыду вирыть! жыду нехрысту вирыть!— горячывсь Шумко.

— Вирыть по неволи, бо немає биля себе такої хрыстяньскої души, котрій-бы вирывъ. Панъ сёртучныкъ одъ народа ще дальшъ, нижъ жыдъ: панъ одчахнувся одъ народа, одрикся одъ ёго, проминявъ свій народъ на жыда, а бо що... Де ты бачывъ, де знаєшъ у насъ українську національну інтеллигенцію? чи есть вона? а колы есть, такъ чи вона пиклуетися про народъ, чи веде ёго до освity и добра?.. Була-бъ національна інтеллигенція, народъ-бы и не цурався іи и вирывъ-бы ій. Пожывы ты зъ народомъ, пизнай ёго, та зъижъ зънимъ симъ мирокъ гороху, а тоди ынча ричъ...

— Такъ по твоему отци вси факты, що я вказую—байдуже?

— Сёго я не кажу; я проты фактывъ ни слова; я тильки показую тоби прычны, кориня фактывъ. Я самъ говорывъ тоби, що въ народи є багато брыдкого, ненормального, що та „народня педагогія“, яку ты...

. — Цс! цс! ось я тоби заразъ покажу „народню педагогію“. Онъ бачышъ иде табунець дитворы; ото воны идутъ сюды на игрыще... тутъ, бачъ, имъ справди добре гратыся: и холодокъ и мурижокъ... Якъ прыхалы мы, такъ воны день—другий боялъсь прыходыты, думалы, що я закажу; а третёго дня прыходять, стоять пидъ воритъмы.—Чого вы?—пытаю.—Гратыся,—кажуть,—попрходылы, тутъ наше игрыще, чи пустыте, чи можна?—Идить,—кажу. Отъ воны що дня теперъ тутъ...

— То й добре! твои диты признаютъ народныхъ дитей...

Шумко ажъ пидскочивъ.—Бога бійся! ты прыдывысь спершу на ихни играшки, та тоди й скажешъ, чи можна мини пустыты своихъ дитет...

— Хиба що? се-жъ настояща „народня педагогія?“

— Вона, вона сама... та тымъ то я й не пускаю своихъ дитет. Ось прыдывысь.

Мы силы соби зъ боку. Дитворы прыйшло чымало, —хлопци й дивчата.

— А въ що будемо граты сёгодни?—пытае одно.

— У пьяныцю!

— Ни! учора у пьяныцю гралы: сёгодни въ злодія будемо.

— Ну ёго того „злодія“ — краще въ „гусей“ пыщала дивчинка.

- У „пьяныцю!“
- У „злодія!“
- У „ката!“ у „ката!“

Довго ще йшла спирка, у що граты. Сталы на „злодію“.

— Прымичай! уважай! — торкавъ мене пидъ бикъ Шумко. Мини ничего було вважаты, бо я килька разивъ бачывъ отси дитськи играшки, бачывъ и „пьяныцю“ и „злодія“ и „ката“. Бачывъ играшки въ „судъ“ и мижъ дитъмы интеллигенціі. Одначе я послухавъ Шумка и ставъ „прымичаты“.

— А хто буде за злодія?
— Я!
— Я!
— Ни я! ты, Петре, не годышся.
— Ну, я!
— Ты ще гирше; ты не вмієшъ корытися, не вмієшъ просыться... Нехай Кузьма буде за злодія... Хочешъ, Кузьмо? — Кузьма охоче выйшовъ напередъ.

— А за судью хто?
— Судьею Харыта сёгодни.
— Вона не вміє ни сірдытися, ни кричатъ, ни лаятися... Отъ якъ-бы Игнатъ бувъ судьею.

— Нехай и Игнатъ буде.

Роли пороздавалы усимъ, началось игрыще.

„Злодій“ прысивъ биля дерева и давай стукаты по ёму, нибы то рубае, краде!.. Два сторожи — дивчата зъ дружкамы въ рукахъ, нибы то зъ рушныцамы пидкрались до ёго, та хапъ за плечи.

— Здоровъ, чоловиче! а що се ты робыши?
— Хиба не бачыте: рубаю...
— А на чыему-жъ ты рубаешь? не въ своему певно?

- У Божому.
- Хто-жъ тоби стежку сюды показавъ?
- Гетьте соби! — огрызнувся злодій, — не въ вашому рубаю... ну й не лизьте...
- Не въ нашому, а въ панському, а мы панська сторожа... Сёго не знаешь? такъ мы тоби роскажемо!.. Вяжы ёго!
- Простить, люде добри, пустить! Ій Богу, зроду вперше! и до вику и до суду не буду бильше... Пустить! — просыться „злодій“.
- Вяжы ёго, вяжы!
- Не рушъ, я й не вязаный пиду, куды треба! — скрыкнувъ „злодій“ и замахнувшись сокирою пустывся на втикача. Ёго догнали.
- Эге? такъ ты такый!.. ты душогубъ, сокирою замиряешься!.. чуже крадешъ, та ще й втикаешь... вязать ёго!
- Сторожа скрутила назадъ руки злодію и повела въ другий кинець лису „до двора“.
- Выйшла „пани“ — властытелька покраденого дерева. „Злодій“ стоявъ насупывшись.
- Такъ се ты мій лісъ крадешъ? — гукнула „пани“. — Ахъ ты злодюго, ахъ ты розорытелю! якъ ты смивъ красты? — И недиждавшись одповиди, „пани“ зацидила „злодія“ усією пятырнею по лыцю. „Злодій“ подався на бикъ и промовывъ: „А вона справди, каторжна, бьеться крипко! не вміє, діяволъ, гратыся, а береться; ты-бъ тильки для выду вдарыла, а то зацидила, ажъ искры зъ очей посыпалысь... дурна!“
- Дарма, Кузьма, дарма, — вговорювалы уси разомъ „злодія“; воно переболыть, и слизу не буде...

Ну, дальше, дальше граты! Не сердься на неи Кузьмо!..
Такъ гарно почалы гру...

— Ну, нехай-же! Я посли гры и іи утешаю, я
ій одячу по своёму!—одповивъ Кузьма и зновъ стоявъ
„злодіемъ“.

— До судьи ведить ёго!—командувала „пани“.

„Злодія“ повелы до судьи. „Злодій“ ишовъ зъ
звязанымы рукамы, ишовъ повагомъ; сторожа пидгана-
няла ёго, надаючи ззаду штовханыкивъ. Судъ роспо-
чався пидъ дубомъ. На пни сивъ „судья“, передъ
нымъ стоявъ „злодій“, а за нымъ сторожа и „свидки“.

— Такъ се ты, вражый сыну, крадешъ панський
лисъ?—закричавъ „судья“—Ты? Чого мовчышъ? кажы,
признавайся!

— Ни въ чому мини признаваться.

— Въ злодійстви! Ты кравъ?

— Ни, не кравъ.

— Люде бачылы, свидки есть!

— Нехай имъ повылазить,—тымъ, кто бачывъ.

— Такъ ты отъ якый!—„Судья“ почавъ лаяться
не друкованымы словами. — Я-жъ тебе провчу!... Я
тэби покажу, якъ красты панський лисъ, та ѿ й не
признаваться... Кажы: кравъ?

— Хотивъ украсты,—одповивъ „злодій“, показу-
ючи выдъ, шо винъ перелякався.

— На що ты кравъ?

— На вись! вись у вози зломылась.

— Такъ ты купыть не хочешь, а крадешъ?

— Купывъ-бы, такъ нема грошей...

— Выпросы,—пани такъ дастъ.

— Выпросыши у неи! така вона! торишиного снигу
нє дастъ...

— Вже якъ хочъ, а красты не можна. Ведить ёго до станового,—скажить, що я присудывъ ёму хлосту.

— Велыку?—пытае сторожа.

— Пивсотни.

„Злодій“ падає „судьи“ въ ногы, цилує ихъ, упрощує:— вмылосердиться, помылуйте!—прысягається, що бильшє зроду зъ вику не буде...

— Ведить, ведить!—одповивъ „судья“.

„Злодія“ повелы до станового.

— Десятныки! — гукнувъ „становый“ — прывелы голодного чоловика, треба нагодуваты ёго. Швыдче давайте каши. — Десятныки метнуłyсь и прынеслы ризокъ.

— Ну, чоловиче! лягай самъ, колы не хочешъ, щобъ положылы сылою, — сказавъ „становый“ до „злодія“.

— Лягай, Кузьмо! вговорювалы ёго диты.

— Не хочу, розвяжить руки мини, руки одеревенили...

— Ну бо, Кузьмо! який ты чудный! гралы, гралы, а винъ на самому кинци зупынывся и псує гру! Лягай тоди й розвяжемо...

— Не хочу, не хочу!—стоявъ на своему Кузьма.

— Та треба-жъ до кинця довесты!

— Сказавъ: не хочу! вы ще справди выбьете, якъ ляжу.

— Ни, ни! Ій Богу ни!.. Мы не по тоби, а по земли, а ты тильки крычи та просысь...

— Ну, глядить же; а колы збрешете, такъ я вамъ головы попроломлю.

Кузьма лигъ. Мыттю два хлопця кинуłyсь ёму на голову, два на ногы, а два стали зъ ризкамы по бокахъ и почалы быты по земли.—Кузьма реготавъ.

— Такъ не можна, Кузьмо! треба, щобъ ты пла-
кавъ, кричавъ, просывся... Крычи!..

— Кузьма наче не чувъ, реготавъ соби.

— Лучче ёго! лучче! крипче! щобъ памъятавъ,
колы кравъ панський лисъ,—прымовлявъ „становый“.

— Крычи-бо, Кузьмо! гаспыдъ, не хоче кричаты.

— Колы-жъ такъ,—озвався „судья“, не хоче граю-
чысь кричаты, такъ закрычыть справди.

— А ну, хлопци, годи вамъ по земли бытъ,—
валяй ёго!

— Ай, ай, ай!—шо сылы було закрычавъ „злодій“.

Шумко не выдержавъ, звиремъ кынувшись на дитей
и ослобонывъ „злодія“ розвязавши ёму руки. Налы-
гачъ залышывъ на рукахъ сини слиды. „Злодій“ пла-
кавъ и втыравъ слёзы, потимъ шуликою налетивъ на
„судью“, вчепывся обома рукамы ёму въ волосся и
повалывъ на землю... Уся дитвора кынулась въ рос-
тичъ, тильки „судья“ и „злодій“ тягалы по земли
одынъ одного за волосся.

Шумко розвивъ и ихъ.

— Бачывъ,—яка „народня педагогія“? — спытавъ
винъ у мене, дывлячись такимъ лютымъ поглядомъ,
наче въ тій „педагогії“ була якась моя вына. Чи
можна-жъ пускаты сюды моихъ дитей... Хиба се не
школа деморализаци!..

— Ни! се „играшки“, се діеться по за школою
вже; школа де инде; тутъ не видно було вчителивъ.

— А де-жъ по твоёму сама школа?

— Тамъ, де ота дитвора бачыла отаку паню,
отакого злодія, отакого судью, отакого станового...

— Бачыла десь, певне! бо не бачывши оригиналу,
ни зъ чого було-бъ и передражнюваты.

— Бачыла въ жыттю... значыть школа саме жыття!

Шумко довго нарикавъ на народъ.

— Якө тутъ самоповажання, яка шаноба може розвиватысь въ людяхъ, колы у дитей найлипша гра у „злодія“, та гра, де воны учаться сами зъ себ€ к€пкуваты, сами себе зневажаты, сами себе лаютъ, бываютъ!.. Тутъ и слицу нема ніякого морального почуття, почуття воли, шанобы чоловика!.. Тутъ повно почуття морального роспутства, неволи!

— Одначе зновъ пытаю у тебе: кому розвиватысь народи почуття воли, шанобы людей, почуття моральне? Интелигенці? А я вже казавъ тоби, що іи у насъ нема...

— Выправдыты можна всякий фактъ, але ты подумай, якъ тяжко жыты въ повитри, що згоры до нызу повне такихъ фактывъ! Тутъ свижому чоловикови можна або задушытыся або збожеволиты...

— Ба... свижому, кажышъ ты! то-то й горе, що мижъ намы й доси нема свижыхъ людей! а мы, бильш€ чи менше, покаличени морально инишою цивилизацію; уси мы, бильш€ чи менше, прогннылы духомъ лакейства, заздросты и всякои такои погани...

— Що хочъ говоры, а я бильш€ не здолаю тутъ жыты. Лучче вернусь назадъ въ Петербургъ.

— Швыдко-жъ тоби надопекло!.. а ты-жъ и десятои частки не бачывъ ще народнёго жыття такымъ, якимъ воно есть.

— Доволи зъ мене й того, що бачывъ, — доволи! бо не хочу! Поиду.

— Але літо тильки що починається: можна-бъ
прожыты на сели до половыны Вересня... Переизды до
мене въ хутиръ.

— У тебе тисно.

— Нема такого будынку, якъ тутъ, за те народъ
тебе не дратуватыме, не дурыйтиме и такои „педагогії“
не побачышъ; за се вже я ручуся...

Шумко переихавъ до мене...

1885.

НЕ ЛЮБЫ ДВОХЪ.

(Зъ усть послушныци чернычкы Ксени),

аихалы въ наше село землемиры. Давня се ричъ,
я ще тоди й не гадала йты въ монастырь, въ
голови ще рушныки та суженый стремилы.

Землю тымъ землемирамъ треба було обмиряты та
маякы посыпаты. На що те треба було, сёго нө докажу.
Людє гомонилы, що по маякахъ сторожу ставытымуть,
та вартуватымуть якогось Венгра. Ничого не ставылы
й не вартувалы, а що лису понивечылы на ти маякы—
Господы Твоя сыла! Тоди саме десь якыйсь Венгеръ
бунтувавъ. Де ти Венгры живуть, не тямлю... и що
то за народъ, не доводылося бачыты. Мабуть воны
десь далеко...

Заколотывся Венгеръ проты своего пры рожденного
короля чи царя, чи хто тамъ у ныхъ такый— не скажу.
А нашъ царь и ставъ ёму, у прыгоди: свое військо
пославъ на Венгра, щобъ значыть утерты Венгрови
носа. Таке и въ насъ траплялося: Полякъ брався до
бунту, та де ёму!

Такъ зъ отыхъ-бы то маяківъ мусилы вызыраты,
чи не йде Венгеръ по нашей земли. Колы помитять,
що йде, ну тоди вже звистно що! Не приходывъ; чи

не одважывся, чи тамъ ёму въязы скрутылы—хто ёго знае? Добре знаю, що въ наше село не заходывъ Венгеръ, и чутки нѣ було. Такъ ти маякы и пишли въ нивець. Довго щось манячили, докы вже люде не по розкрадалы на топлыво.

Наихалы, кажу, землемиры: цилыхъ тры ихъ прыхало. Одного до нась на кватыру постановылы, хата у нась велыка була зъ кимнатою, а семья не яка тамъ: я, братъ удовець та ёго дочка, моя небога, Домаха. Мы ёго й пустылы въ кимнату,—нехай соби! Въ літку се выпало: мы въ хати й нѣ сидилы, тилько що коло печи: попораемся, стравы зварымъ тай годи, а то все въ синяхъ,—не такъ душно. Спалы — я зъ Домахою въ хыжи, а Васыль, братъ мій, въ клуни, а то й въ комори. Комора у нась була добра, наче свитлыця. Той землемиръ у нась и харчувався; се вже нѣ по видводу, а за гроши, звистно. Мабуть винъ не зъ велыкыхъ панивъ бувъ, не вередувавъ; усе, що дасы було, исть такъ, що ажъ за ушыма ляшты, уплитає, що якъ!.. Такы ничего таитыся, вмила я й зварыты: хочъ на чый смакъ вгожу... Теперь де вже!.. Стара стала, а и то въ цилому монастыри никто проты мене борщу зъ товченыкамы та зъ грыбамы не вчистить... Наша казначея любыть повередуваты, а на кутю никого, якъ нѣ мене клыче зварыты борщу; зварю, исть та облызується,—такий смачный...

Сергіемъ Карповычемъ звалы того землемира, а на прозвыще чи й згадаю, — таке чуднє... Дай Боже памъяты... колы-бъ не збрехаты... якъ-же ёго? чи Стокизъ, чи Доброграй... отъ зъ головы вонъ! Та все одно: винъ уже на тимъ свити... Богъ зъ нымъ! може й кистки вже погнылы... Охъ, якъ-же ёго? Эге! чи не Крывонигъ? Такъ, такъ! згадала теперь — Крывонигъ!

Було ще сміємся, що ноги у ёго, якъ ногы, а Кривонигъ...

Зъ себе — не взявъ ёго врагъ! Такый моторный бувъ. Трохы вадыло ёму, що отутъ надъ самимъ окомъ, не въ мою миру, бородавка сидила—такъ сказать якъ зъ добру квасолыну була,—а то все доладу: чернобрывый, кучерявый, въ лыця билый... хочъ куды козырь. Трохы въ нисъ була въ ёго вымова; се за тымъ, що родомъ винъ бувъ десь зъ Погару. Тамъ у ихъ у всихъ, кажуть, така вже вдача,—вси у нисъ.

Вику молодого ще бувъ парубокъ, такъ сказати и вуса настоящого ще катъ-мало, почынавъ тилько пробыватыся... А може винъ голывъ ёго... такъ щось не запрымитыла сёго.

Ото-жъ цилисиньке лито мирялы воны земли та маякъ спыналы. Людямъ нашымъ сутяжно прыйшлося тоди: робочий часъ, жныва, а тутъ ота нахаба зъ землемирамы; одрываютъ людей видъ роботы: копци копаты, дерево вывозыты, сяка-така всячына, а ты свое дило кыдай... не послухать не можна... На осинъ обмирялы; взявся нашъ землемиръ спысуваты скильки винъ намирявъ. Сидыть дома та все черкае.

Выйшло таке, що наша черга мынула; постій значыть видбулы; на другу кватыру ёму перебиратыся. Видвелы ёму хату у Павла Чорнозуба... сусида нашъ недалекій и чоловикъ-бы добрый бувъ, та пьянычка соби вдався. Не подобалася землемирови Чорнозубова хата—винъ тоди до насъ, до мене та до Васыля:

— „Я“— каже, — „прывыкъ до васъ, не хочу до Чорнозуба, може-бъ вы передержалы мене черезъ зиму до весны за гроши?“

Порадылъсь мы зъ братомъ: чому не передержаты?
Чоловикъ сумырный, воды не скаламутыть, стравою не
вередує, а коційчына перепаде.

— „Нехай“, — кажу я. И Васыль каже, — „Нехай“. Нехай и нехай, а воно ѹ выйшло, шо „нехай“ — не добрый чоловикъ. Хтожъ-бы ёго гадавъ, шо въ ёго на языци медъ, а въ души чортяча думка.

Згодылъся. — „Жывить, — кажемо, — хаты не пересыдьте, хлиба не перенесте“.

Жыве и ничего, усе гараздъ.

На самого Дмытра у Прылуци ярмарокъ и Крывонигъ туды: чи ярмаркуваты, чи може такъ чого, — намъ шо до того? Нехай иде. А Домаха до ёго:

— Прывезить-же ярмаркового! — жартуе.

— Добре, — каже, — прывезу. Якого-жъ? — пытаецца.

Вона засоромылась, мовчыть, а я за неи:

— Батькови люльку, а мини, скажы небого, московську бурульку...

Поихавъ, зъиздывъ и вернувся. Гараздъ усе.

На Мыхайла у насъ храмъ. Снигъ вже лежавъ; рано-прерано зима тоди стала. На храмъ було у насъ не безъ людей: той та сей, то кумы, то побратымы, тай набереться. А вже воно такъ: на день того свята, а на тры дни заходу.

Досвита я встала, щей не розвыднялося гараздъ, а я вже ѹ пичъ заслоныла: всёго напекла, наварыла... Знаю, шо зъ церквы будуть до насъ люде, не плюнуты-жъ имъ въ очи — треба чымсь прыняты. Любила и я и Васыль людей. До писень зъ людьмы охоча я була: мини було спиваты, шо кашу зъ масломъ исты. И землемиръ нашъ любывъ зъ намы спиваты, тилько

голосомъ винъ не выйшовъ: якъ ревне було, наче въ маточыну, а я було якъ заспиваю, такъ ажъ душа росте въ небо... Эге, спивала, бувало, а теперь скыглю...

Наготовыла усёго. Збираюся до церкви — Кривонигъ пійшовъ ще до благовисту, такого винъ тоди побожного удававъ...

Отожъ я въ кимнату: тамъ у насть дзеркальце було въ стини вмазане. Я такы любыла, щобъ хустка на голови козыремъ дывылася.

Зыркъ! — ажъ Домаха передъ дзеркальцемъ новою хусткою вывъязується. Що за прехороша-жъ и хустка була, картаста, а крайка жовтогаряча зъ розводамы... и такъ-же Домаси до лыця, наче для неи й выткана.

— Колы се ты, небого, прыдбала таку хустку? — пытаюся. Щось мини не въ тямки... се батько спрашивъ?

Засоромылась дивка тай каже: — якъ разъ, такивский батько, — скрепыши у ёго!..

Мини стало ніяково таке чуты. Я до неи:

— Эй, небого, небого, не гнивы Бога! Якъ у тебе батько, — той на свити нема.

А вона губу видкопылыла. Я ій зновъ:

— Небого, небого! Не тямышъ ты того, що якъ старе въ хати, то вбывъ-бы, а нема, то купывъ-бы, та нигде... Эге! Нема тыхъ ятокъ, де продають батькивъ та матокъ...

А хустка та кортыть мене... Я зновъ до Домахы:

— Такъ за свои справыла?

— Яки тамъ у мине свои: одынъ п'ятажъ, тай той не такъ... Се мени подаровано...

— Хто се подарувавъ? зъумылася я.

— Мовчыть. А я до неи:

— Прызнайся!

- Той, — каже.
- Хто: той?
- Хиба не вгадаєт... Се ярмаркового...
- Сергій?
- Эгэ-жъ.
- Зъ якои речи?

Дывлюсь на неи докирлыво. Яжъ такы не чужа ій була, ридна дядына..., матиръ ій заступала.. Кажу до неи:

- Позырай, дивко, на задни колеса.
- Хиба що?
- За що винъ тоби подарувавъ?
- Такъ! — и забожылась, що „такъ“.
- Отъ, — каже, — нехай я сёгодня Херувымськои не вчую, колы не „такъ“... Та чого вы, дядыно? — дурный дае, розумный бере.
- Дурный — кажешъ? — покрутила я головою.— Ой, Домахо! Добрे, якъ дурный, ащо, колы въ ёго ангольський голосокъ, та чортова думка?
- Ни, — перебыла вона, — винъ добрый чоловикъ.

— Нехай буде соби й добрый, абы не бувъ лысомъ пидбытый, а собакамы пидшитый. Стережысь, дивко! Теперъ такий свитъ... Вже ти повмиралы, що дарма дарували...

Божыться вона зновъ. Я nibы й поняла виры, та соби на уми: не проведешъ мене, въ шоры не вберешъ, пидъ пень не пиду кашляты.

Ото наче я й забула про ту хустку, не нагадую про неи, а зъ землемира очей не спускаю. День, другій, заразъ прыдывалися и спостерегла: що винъ за людина. Бачу... эгэ!... у нёго душа въ чоботи, друга въ животи, а третя по свиту литает... Трывай-же,—

гадаю соби,— я тебə прысочу! Я тобi, панычу, жупанъ пидтычу.

Пыльную.

Ото саме пидъ Мyколая не було старого,— себъ то брата, въ господи: стiйку видбувавъ, а я пишла, Богу нe вымовно, до вечерни. Вeртаюсь до дому — наче що шепнуло мини: „а ну лышень позырны!“ Я тыхесенечко пидъ викно, зыркъ! — сидять воны обнявши... Бачъ, гадаю соби, якъ разъ на мое выйшло! та тоди: „кахы, кахы“. Воны якъ почулы — наче опечени скочылы, наче ихъ импетомъ рознесло: вона на пиль, а винъ на по-куть та за книжку, нибы то чытае... Сидять наче й нe воны: святи та Божи... Думаю соби: батька своего лы-сого проведить, а не мене! Одначе я выду того нe по-дала. Та вже на другой день, якъ нe було никого въ хати, я й пристала до Домахы:

— Такъ ты така! — кажу до неи. А вона змагается ще, буцимъ ничего нe розумie.

— Яка: така? — пытається.

— Нибы сама не тямышъ?

— Хто васть знае, про що вы?

— Вже жъ нe про лозы, а про занозы... Невирна ты, отъ яка!

— Чымъ се я такъ вамъ зневирылась?

— Щей пытаєшся? Хоть-бы закрылася!

— Отсе ще! Нe ила душа часныку, не буде й смердиты...

Глянула я до неи въ вичи, такъ и проняла іи, серце взяло мене, чогобъ вже таитысь ій?... такъ ни жъ: крутыться, наче лытовський ципъ... Я тоди вже прямо:

А вчора що? га? що? забула? Якъ я кашлянула, а ты прожогомъ на пиль! Що? Може неправда?

Мовчыть вона, — ни въ сихъ, ни въ тыхъ. А я до неи:

Прыкусыла языка?

— Вамъ до всёго дило!

— А якъ же мини не дило? яжъ тоби за матирь! Насміється,—тоди що?

— Не насміється,—мы любымося.

— Охъ небого, не до масти ты ёму, не нашого винъ пиряя птыця... Не туды винъ губу верне... Насміється...

— Нехай попробуе! — перебыла вона мене.

— То що ты?

— Знайду куму, абы було къ кому!

Оттака! Вона такы языката була... Нехай вже царствуе!... говорыть було, якъ шовкомъ гаптуе. Я до неи свое:

— Стережысь, Домахо! Дивовання не полювання, двичи не буває...

— Сама знаю: одынъ тому часъ.

Бачу: не зговорышъ зъ нею! Нехай вже,—думаю соби,—нехай и такъ... нехай кохаются, абы тильки... Вжежъ кохатыся не закажешъ. Сказано: на мыловання нема сыловання. Та тильки, що зъ того выйде? Винъ хочъ и абыякий, валомъ пидперезанный, а все-жъ то панычъ, а вона проста людина; не до пары воны... Отакъ думаю, тай кажу небози:

— Пыльний, дивко, свого дивування!

— Байдуже, титко, и въ мене зубы е...

— Вважай на людей! Ты дивка чесногого роду... для дивки поговорь—ой, ой, яка школа...

— Про мене—каже—нехай, що хочуть, сокочуть, а я знаю, що кохаю.. .

- Та що зъ того?
— Поберемся! Винъ мини запрысягався... Побачыте...
— Почуемо, якъ ракъ свысне.
— Не ймете виры?
— Якъ ёго няты? Винъ панычъ, судовыкъ,—а ты хиба ривня ёму: докы свитъ свитомъ, не буде баба дидомъ и докы свита буде, баба дивкою не буде...
— Отъ-же побачыте, поберемось! Умясныци и весилля справымо...

— Дай Боже! А докы що, вартуй, щобъ муха не залетила въ ухо! Вылетыть птычка, не поможе ни пшениця, ни мазныця, ни воскова свичка...

Отакъ соби побалакалы и гараздъ. Думка була: чи не сказаты Васылеви? — А дали розкинула разумомъ: ни не треба, на що? Дивци сторожа не поможете. Сказано: замуруй ворота — вона й черезъ загату проведе тата... Лучше мовчатыму, та сама окомъ накыдатыму...

Мовчу, та дышу. Перегнала, —думаю,—дивку чрезъ росу,—буде зъ неи. Вона-жъ у насть не маленька; хоть шпарка та жвава, за те й кусюча: колы що — й безъ мыла выголыть. Добре.

Давъ Богъ кутю.

Посидалы вечеряты и землемиръ зъ намы,—вжежъ не якъ.

Поилы, що Богъ пославъ: взяла я кутю зъ покутя та на стиль, положыла въ мыску, сыты нальяла. — „Прызволяйтесь“, —кажу.

Васыль перехрыстывся: „Дай-же Богъ, каже, того году диждаты!“ Ложку въ мыску та: „морозъ, морозъ, иди кути исты!“

Взялы чи не взялы по ложци, по другій, щось синешнимы двермы—рыпъ! Прыслушаясь — шкработыть щось у синяхъ, дверей хатнихъ шукае. Я швыдче прочынила. Входыть:

— Добрый вечиръ! зъ кутёю!

Дывымся — жинка. Чи воно дивка, чи молодыця,— не вгадаешь. Не по нашому прыбрана, такъ наче панночкою вызырае... Закутана, тильки очи, та нись,— на рукахъ дытына. „Що воно таке?—гадаемо и ложкы поклалы.

— Чи тутъ, пытаешься—землемиръ Крывонигъ?

Землемиръ тоди зъ-за столу до неи:

— Сестрыченъко! се ты! Я не пизнавъ тебе — багата будешъ!...

А вона:

— На сылу допыталася до тебе.

Сестра й сестра!

Прывitalы мы іи, просымо до столу.

Вона така не смильва... Я до неи:

— Сидайтэ зъ намы въ рядъ, Господь буде радъ!

Сидайтэ, та прызволяйтесь, чымъ Богъ пославъ.

Сила и дытына биля неи,—такъ хлопчыкъ, дыбкы вже спынався. Вечеряemo, Крывонигъ—то бувъ говиркій такій, а то наче ёму хто губы зашывъ; мовчыть а насупывся, наче хмара; надувся, немовъ та квочка на дошъ.

— „Що се зъ нымъ?“—думаю соби. Сестра прыиxала въ гости до ёго, а винъ такій нерадый.

— Отъ, — кажу до ёго,— выдно, що сестра васъ любыть: ни на холоднечу, ни на негоду не вважае...
Прыиxала до васъ.

Мовчыть винъ, а та сестра до мене:

— Для любои вроды—нема негоды...

— Тай хытри-жъ вы,— се я до Крывонога такъ,— николы й не похвалилысь, шо у васъ сестра е...

— Не прыйшлось до слова,— процидывъ винъ.

— Такъ хочъ було сказаты, шо сподиваетесь гостей... треба-бъ було прыладнаты прымостку до лавы, а то глянь! несподивано такъ! и дѣ мы іи положымо?

Ни слова винъ, наче не до ёго.

Дывлюся: такой винъ сумный. Глянула на Домаху—вона зъ лыця миныться: разъ наче крейда, въ друге — короливъ цвить. Що воно й до чого? — сама соби рады не дамъ.

Повечерялы, полягалы спаты.. Сестри тій виддалы Васылеву постиль у кимнати, а Васыль прымостывся на печи. Мы зъ Домахою—зычайно, нигде вже, якъ на полу: вона поузъ стину, а я зъ краю.

Потушылы свитло и мы й воны. Чую, щось воны шепочуть у двохъ та невыразно такъ, ничего не чутно мини, а Васыль якъ на тежъ на печи такъ хропе, шо ажъ луна по хати котыться,—не дае мини чуты. Розмовляютъ воны, а мене такъ кортыть послухаты, шо ажъ-ажъ!.. Такъ и тягнє мене, щобъ до щилыны

Такъ-же боязно, щобъ Домахы не збудыты.

Шепчуться воны, тай шепчуться, наче умысне на тє, щобъ мене кортило... Згодя голоснійше та голоснійше, такъ шо вже любенъко мини стало чутно. Слухаю, а вона до ёго:

— Якъ соби хочешъ; а бёры дытыну! Ты ёго батько, ты й годуй ёго...

Я такъ и похолола! Заразъ догадалася, шо то „сестра зъ Остра“... Эге! думаю, — хиба не на мое выйшло! Ну, щожъ дали будё?—чую винъ каже:

— Де я зъ нымъ—себъ-то зъ тымъ хлопчыкомъ, шо вона прывезла,—подинуся?

— А мини що до того! Було про тє думаты тоди, якъ прысягався... землю ивъ, що писля Спасивки поберемось... Дви Спасивки мынуло, третя не за горамы, а ты — наче въ воду канувъ... Ни сорому до людей, ни жалю до мене не маешъ! Безстыдныку!..

Такъ ёго мылыть, такъ мылыть... А винъ змагаеться.— Ну думаю соби, отакый ты! и такъ-бы прымila—щобъ ёму зробыла, колыбъ моя воля та сыла!.. Просто-бъ зацурковала!.. И такый мене жаль взявъ за Домаху!.. Добр€, думаю, що вона хочъ спыть та н€ чує сёго..... Тай почала соби миркуваты, якъ-бы то іи, голубоньку мою, вызволыты зъ такои халепы та журбы. Отъ вже, н€ було, мовлявъ, лыха, такъ чортяка посіяла зтыха... Бачъ, який кабанюга! Тривай-же! Ниде твоє руло—собакамъ на мыло... Лежу, миркую та журиюся; серце на ёго ажъ кыпить. Чую вона до ёго:

— Прывнайся мини, якъ на духу, кохаешь мене, чи ни? Колы ни, — беры сына, а я знайду свою ополонку!..

Винъ катюга — якъ почне божытыся, запрысягатыся, що любить іи, якъ и любывъ!..

— Ахъ тыжъ, иродивъ сыну! — думаю соби, — та зъ злости ажъ дрижу...

Колыбъ завтра н€ таке свято, щобъ я тоби за се! Я-бъ тоби, лыхый яропуде, по однїй волосынци вси косы высмыкала...

Чую, Домаха до мене тыхенъко:

— Титочко, вы не спыте?

— Не сплю.

— Чуете?

— Господы!

— А що, на чые выйшло? Хиба я не казала?..

Було слухаты дядыны, було н€ нестыся поверхъ дерева...

— Цытьте вже, цытьте! —та якъ зарыдае! Господы!
Я до неи: „Годи, годи!“

— Такъ де тамъ! А тіи соби грызутсья за стиною.
Гараздъ, що не чують нась.

Згодя вгамувалась и моя Домаха.

— Спышъ? — пытаюся.

Мовчить, тильки зубами скречоче, наче гвоздкомъ
по шыбци.

Къ свиту и я знемоглася, заснула, та черезъ того
погарського комлюка и утреню божу проспаля... Якъ
такы такъ: годове свято, а я проспала... Тильки-жъ
не мій грихъ, не на мини винъ и окошывся...

Глянула на Домаху — на ній и лыця нема: чисто
сполотнила! На що вже Васыль не прымитловый бувъ,
— и винъ спостеригъ:

— Мабуть, каже, наша Домаха на себе не похожа...
Чи не зурочывъ іи хто?..

— Хтожъ-бы тамъ? — кажу ёму, наче ничего й нє
видаю. Страшно правду сказать... А винъ до мене:

— Хиба никому? Может ота прыизжа?.. У ихъ, зна-
ешъ, яки люде: лоба нє вміє перехрестыти, а зурочыты
людыну якъ разъ...

Воно то се правда, думаю соби, задесенськи людци
на все лыхо метци,—та не кажу ёму сёго.

— Байдуже! — кажу, — уроки на сорокы, а пры-
стриты на ихъ диты...

Сили обидаты. Землемиръ и та ёго ота „сестра“—
уплитають на вси заставки, а Домаха ни до чого и нє
доторкнеться: сидыть, наче хмарою повыта.

Васыль зновъ за свое:

— Не здужае дивка, ничего не исть...

Я ёму на тө, абы зубы замовыты:

— Выновата дижка, що нє йде на десну ижа.

По обиди Васыль пишовъ до людей, и той, землѣмиръ, потягъ кудысь сновыкгаты, а мы сыдымо втрѣхъ. Въ хати такъ сумно, наче хмара надъ намы. Выпровожаю Домаху зъ дивчатамы колядуваты—де тамъ! не до колядокъ ій! сидыть мовчкы. Бачу я, який нудъ іи взявъ, бачу, що туга іи переймає, та рука не пидложу... Бачу, що на души у неї ключемъ кыпить, та не вгадаю на кого бильше, чи на того люципера, чи на ёго мылованку .. а може й на обохъ...

Щобъ не такъ сумно, почну,—думаю,—балакаты, и почала. Се та тое, слово по слови --розговорылысь. Я іи заразъ и ну на свою стежку правыты, та „на догадъ бурякивъ, а капусты дайте“ помаленьку—помаленьку и вывела іи зъ воды на суходайлъ. Схаменулась вона по тимъ, тыць сюды-туды, та никуды.

Ничого,—кажу ій — вьюна вдаваты... Я все вночи чула,— и выложыла ій.

Вона тоди ни въ сихъ, ни въ тыхъ, тай призналася. Чисто все намъ розказала.

— Вчора,—каже,—поклявся, що отцымы мясны-цямы поберемося.

Домаху наче хто шыломъ въ жыжку: скочила зъ лавки :

— Не поберетесь!—та до дверей.

А та подывылась ій у слидъ, всмикнулась та:

— Побачымо!—каже.

Побачымо! Бодай-бы булы не диждалы такого бачты!.. Добре весилля справылы! Колы-бъ було ёго правцемъ выправило деинде, щобъ винъ и не вертався до нашои хаты...

Домаха зъ хаты, я за нею.

— Куды ты, небого?— пытаюся.

— Никуды,—каже,—душно мини, трошки за воритъмы постою.

— Постій та не барыся! Каженгъ: душно, щобъ часомъ не добула остуды, нехай Богъ бороныть!

Сила я въ хати пидъ викномъ та позыраю на Домаху. На двори мисяшно було, хочъ голки збираї.

Згодя и Домаха въ хату; сила биля дверей, пидъ самымъ водныкомъ, сидыть и наче губамы щось шепче, а очи ажъ мыгтять у неи...

Давно отсё було, а наче вчора діялося: якъ теперъ бачу іи биля водныка на лавци... Такою вона мини здалася чудною тоди,—и вмру, не забуду; буцимъ не наша Домаха, а чыясь чужа людьна...

— Може-бъ —кажу—каганецъ засвityты?

— На що, дядыно? Мисяцъ свityть... тильки свitло переводыты...

— Гараздъ,—кажу.

Посыдили ще трохи: сумно тай сумно.

— Хочъ-бы—кажу — Васыль швидче йшовъ, вecherяты-бъ та спаты.

Чую: снигъ рыпты... Отсежъ, думаю, Васыль и

е. Нехай-же йде, буду свityты, та вечерю лаштуваты.

Хатни двери—рыпъ! Домаха прожогомъ зъ лавки до порога.

— „Охъ, охъ!“ — якъ застогне щось. По голосу догадалася—землемиръ! Я до ёго—колы-жъ бачу--матинко моя ридна! И теперъ страшно згадаты! Охъ, Господы, помылуй нась и не приведы никому такого бачыты!..

Домаха пидъ саме сэрце загнала землемирови колодачъ!.. по саму колодку такъ и всадыла... прыперла ёго мижъ кочергы! Винъ одыхаеться та не своимъ гласомъ: „Охъ, охъ!“ А вона, просты ій Маты Божа:

— Отсе тоби — не любы двохъ!

Повернула ёму колодачъ, — отеперъ бериться! — тай сила на лавку.

Господы, що тоди скоилося, и не сказаты! А вже що того плачу — голосиння було, що того гомону-гомону и въ хати, и на двори, и по селу!.. Що страху!.. Матинко моя ридна, тай годи!

Землемиръ и до свиту не дожывъ, кровью зійшовъ... Другого дня Домаху забралы въ острогъ... заковану повелы...

Отаке выпало намъ Риздво святе!

Про себѣ я вже й не тямлю, що діялося зо мною. А Васыль! — голова ёму за одну ничъ молокомъ взялася... И ще пакъ! — мале то лыхо скоилося? Однимъ одна дочка була, тай та отакъ звелася... Божа воля! — сказано: безъ Ёго святои воли и волосъ зъ головы не спаде... А вже-жъ не якъ!

На весни люде прynesлы таку звистку, що катомъ катуватымуть Домаху. И „кобылу“ бѣ то вже велено було споружаты...

Не допустывъ Господь до того: змылосердыvся надъ намы, не давъ катнымъ рукамъ ноганыты дивочого тила... взявъ іи до Себе... въ острози вона и переставлася. Вична ій память, царство небесне! Молюся за неи и встаючи и лягаючи... Охъ!

1886.

Конокрадъ Иванъ Дранка.

Ъ кимнати у мене сыдило чоловика симъ людей,
що прыйшли порадытысь, якъ подилытыся спад-
шыноу.

Сыдымо соби, балакаемо—ажъ ось прожогомъ вби-
гає сюды зовсімъ невидомый мини чоловикъ — штыр-
хыць мини въ ногы та якъ заскыглыть:

— Паночку! батечку! Мылуйте, жалуйте та ра-
туйте! Не дайте занапастыты неповынну душу! До вику,
до суду вашои ласки не забуду!

Я казаяъ ёму встать.

Передо мною стоявъ чоловикъ лить 22, а може й
меншо, зъ темно-оливковымъ выдомъ, чорна густа ку-
черява голова, зубы мовъ перлы, а очи невелычки,
кругли, палки, такъ ыскрамы и сыплють, такъ и би-
гають и бигаютъ, наче выскочыты зъ лоба хочуть.

— Хто ты такий?—спытався я.

— Охъ, Господы, Господы! Хто же я такий?—
я цыганъ, ковалъ, Иванъ Дранка. Безневынно въились
въ мене... отъ Богъ бачыть, що безневынно... Батеньку
мылый! Мылуйте и жалуйте! вступиться за мене, съ-
роту безталанного! Поратуйте, вызвольте видъ тюрмы!...

— Хто же тёбе въ тюрму засудывъ?

— Вже-жъ нихто, якъ мыровый судья!

— За что?

— Святый ёго знае! Я ни въ чому! не прычастенъ.

Стоимо мы отутъ биля мосту шатромъ. Не сёгодня ѿ не вчора стали, зъ самой весны стоимо! Я никомуничого ѿ на маковѣ зернятко. Хлибъ заробляю, дитокъ годую,—у мене-жъ ихъ сыла.....

Я всмихнувшись и спытавъ.

— Скильки въ тебе дитеї?

-- Скильки? Господы скильки! у сихъ наразъ и не згадаешъ! Давыдъ та Демыдъ,—буде двое; Петро, Дмитро, Иванъ, Степанъ, Омельянъ, Марко, Одарка... скильки се буде? Отъ же ѿ збывся! А ще не вси, ще е Тетяна, Оксана, Марьяна...

Вси, хто бувъ, не втерпилы, зареготалыся.

— Не смійтесь, люде добри, ей же Богу, не брешу. Нехай мене сыра земля пожре, колы не правда! — торохтивъ Дранка.

— Слухай, чоловиче! —озвався я,—бачу, що тоби брехаты — не ципомъ махаты. Та мини шкода часу слухаты твоихъ теревенивъ... Скильки тоби лить?

— Колы-бъ то я знаявъ!... Убый мене Богъ, не знаю... Маты знае... я збижу до шатра, спытаюсь у неи... Я мытю, въ одынъ духъ... не забарюся... Бигты?

— Не треба! Выдьма ричъ, що ты чоловикъ молодый: лить нехай 22, нехай 25. Дежъ се выдано, щобъ такого вику чоловикъ та бувъ батькомъ дванадцяты дитеї?

— Такъ не вси-жъ воны мои! Есть тамъ и диты й небожата, и внуки...

— Твои?

— А вже-жъ не чыи!

Мы покотылышся зъ реготу.

— Отъ вы зновъ сміетесь зъ мене, люде добри, а мини не до смишокъ... Въ острогъ! Паночку, батечку! Не погубить мене!

— Ну, чоловиче, годи справди жартуваты. Говоры дило. За що тебе осудылы въ тюрму?

— Щобъ я онимивъ! щобъ я свита божого не бачывъ, колы знаю, за що!... Такъ!... Напасть одна... Сами знаете: напасть не по дереву — а по людяхъ ходить... Сыдивъ я въ шатри та кувавъ соби, хлиба зароблявъ .. Чи багато-же намъ треба того хлиба? Мы людє прости: хлиба скыбку, сяку-таку рыбку, сала шматочокъ, соли дрибочокъ, та ще чарочку горилочки — на вики сытый!... До ласошивъ не звыкли; тямымо, що ласа ида—жывоту бида... Еге! о такъ батеньку! А позавчора кувавъ я коней одному панку. Пишовъ до нёго за грошыма, — а винъ жыве у мисти, — взявъ гроши, вертаюся,—шынокъ на дорози... Такъ мене закортило, такъ мене потягло, що я самъ не тямлю, якъ я не своею силою опынився въ шынку... Зъ людьмы выпывъ и може й перехавкнувъ въ шынку... Прокынувшись... самъ не разберу, дє я и що я?.. Та вже добри люде повидалы, що я въ полыці... За що й про що — не тямлю... Повелы мене до судьи, а судья взявъ та й осудывъ въ тюрму... Батечку, паночку, заступыся! Ось у мене й бумага е...

Я прочытавъ ту бумагу. То бувъ спысокъ зъ судьиного прысаду. Я бачывъ, що судья осудывъ Дранку справедлыво. Дранка укравъ изъ стайни коня и вже выйиздывъ на нёму верхы зъ двору, якъ ёго злапалы, та такъ верхы на кони и прывелы до полыці.

Мини не першына чуты, якъ выбрихуються злодії, одначе Дранчыно выбрихування и мене здывувало. Злапалы ёго верхы на краденому кони, а винъ прыся-

гается, что не тямыть, за что ёго прысужено въ тюрму...

— Слухай, человиче! — мовывъ я до нёго, перечышавши прысудъ, — тебе взялы вөрхы на кони?

— Может ѿ такъ... ничогисенько не памъятаю... пьяный бувъ такый, якъ хлюща...

— А свидки вызналы въ суди, что ты бувъ тверезый и горилкою видъ тебе не воняло.

Дранка зложывъ долони, наче чернецъ передъ образомъ, шидвивъ на стелю очи и, зигнувшы трохы колина, одповивъ:

— Шаночку, батеньку! Чого свидки не наговорять! У свидка очи, якъ у дидька... Вси воны брешуть на мене, воны зли на мене, то ѿ брешуть...

— Хиба воны тебе знаютъ?

— Ей-же Богу, ни! Зъ роду — вику вперше бачылы.

— Такъ за що-жъ воны „зли“ на тебе?

— Га, за що! За те, что я цыганъ! .. На похыле дерево уси козы скачутъ... Я чоловикъ убогый... уси на мене... Я казавъ имъ: нападить на кого богатшого... а воны кынулись до мене наче до батьковой чупрыны...

— Нехай и такъ. Та якимъ-же чыномъ и чого опынився ты въ тому двори, де тебе зъ конемъ взялы?

— И самъ того не тямлю! Отъ нехай мини языкъ всохне, колы брешу хочъ отилечко! — Дранка показавъ кинчикъ своего нигтя. — Охъ, охъ! Богъ вже такъ попустывъ, абы нечыста сыла насміялася зъ мене... На мене, не вамъ кажучы, таке находыть, что самъ не тямлю, що чыню, якъ мисяшни ночи та мысяцъ въ повни...

Я всмихнувся и сказавъ, что теперь якъ-разъ саме ночи темни. Дранка поправывся:

— Я такъ хотивъ сказаты, що въ темни ночи, same на молодыку, та помылывся — зъ переляку, батеньку! Сами бачыте: я тры дни ничего не ивъ, рисочки въ роти не було... охлявъ... Отъ и теперъ люде вже обидають, а я й доси на —ще серця.. Зъ голоду та зъ переполоху ажъ шкура трусыться...

Дранка почавъ трусыться и цокотиты зубамы. Я зновъ помитывъ ёму, що теперъ не молодыка, а схидни дни.

— Еге, еге! Такъ, такъ! На схидняхъ дня, а плету на молодыку! отъ бачте сами, що діеться зо мною... Се все такъ нечыстый, бодай бы ёму ковбыкъ грудьмы выперло!—Дранка плюнувъ, потимъ перехрестысь и зновъ мовывъ:—Отъ вамъ святый хрестъ, що я безвынныий! Нечыстый все діє. Колы правда, що я сыдивъ верхы, то вже-жъ никто, якъ винъ, гаспудський сынъ, посадывъ мене... А самъ я зъ роду—вику ни, ни! Якъ то можна! Чуже добро красты!... Та нехай надъ тымъ воронье каркае!...

— Гараздъ, цыгане! Я оборонятыму, абы ты повидавъ и мини и въ суди саму чисту правду.

— Я іи всю и повидавъ.

— Не йму я тоби виры.

— Готовъ запрысягтыся! отъ хочъ и заразъ! Здіймайте образъ!—Дранка впавъ на вколишкы.—Готовъ земли зъисты! Чорна земля — нехай я такъ почорнію, колы потаивъ хочъ пивъ словечка...

— Колы такъ, — годи й балакаты. Шукай кого иначого.

— Батечку, таточку! — заскыглывъ Дранка, хапаючи мене за руки,—не вже-жъ мини въ тюрми погыбаты?... Дядечку, таточку! А якъ признаюсь, вызволять мене зовсімъ?

— Наврядъ! А кару вмѣньшать на половыну. Се
певно.

— И все-таки въ тюрму? На высыдку?

— Въ тюрму!

— Ой, ой! за що-жъ? А може сенатъ зглянеться
на мои злыдни, на мое сыритьство, та помылую мене?

— И сенатъ не помылую.

Дранка звисывъ голову и загадався.

— Такъ якъ же? Прознаешься? спытавъ я.

— Ни въ чому прознаватыся. Колы-бъ я хочъ га-
давъ красты, а то й думки не було!.. Ще колы-бъ я
бувъ певный, що помылую вышый судъ, то вже, чи
сякъ, чи такъ, прынявъ-бы на себѣ чужу выну... А
такъ, якъ ёго...

— Чью-жъ выну? Ты-жъ ихавъ на чужому кони,
а не хто ынчый?

— Може... Не памъятаю... Може и ихавъ, а коня
не кравъ и вына не моя...

— Чая-жъ вона?

— Вже жъ не чая, якъ нечыстого. Нехай його й
судять! Нехай ёго, гаспада, хочъ на кобылу пидъ-
ката осудять, щобъ винъ бэзвынныхъ сырить, якъ отъ
мене, не пидводывъ!...

Даремно я усовищувавъ Дранку — повынтыся.
Винъ якъ затявся:

— Безвынны! Не я, а нечысты выновать!

Те саме твердывъ винъ и въ суди, а судъ затвер-
дывъ прысудъ мырового судьи.

Мынуло чымало літъ. Давно залышывъ я адво-
катство, жыву соби „ченцемъ“ въ мыри та мовчкы
спасаю душу... Про Дранку й памъяты не було. Хочъ

я ѿ запысавъ соби ще тогди-жъ такы сей выпадокъ, але ѿ про запыски ти забувъ: валялъсь воны соби на горищи, въ комори... валялъся-бъ може ѿ доси, докы-бъ ихъ мыши не поснидалы, колы-бъ торишино зими нѣ нагадалы мини про Дранку чужи люде.

Саме на Риздвяныхъ святахъ прыйихалы до мене зъ того села, де я рисъ, два старенъки диды: Игнать Шабельныкъ та Клымъ Лупало; вельмы стари воны обыдва: я ще хлопцемъ бигавъ, а воны вже ынеемъ, мовлявъ, прыпалы... А зъ того часу мынуло — гай, гай! — трохы нѣ сорокъ лить! И въ мене борода — наче гречка цвите...

— Такъ и такъ — кажуть воны, — поратуй, сынку, нашыхъ хлопцовъ! До вѣлыкои шкоды дійшли!...

— Кажить, яка тамъ шкода?...

— Разъ така шкода, шо теперь коваля въ нашему сели Бигъ ма?... Безъ коваля, въ литку, якъ безъ рукъ: чи косу ввирвешъ, чи лемишъ насталыты, чи вирванть на обидъ, — все безъ коваля нѣ втнешъ! Вже який тамъ нѣ бувъ ковалъ, та бувъ, а теперь такъ посадылы якъ на лѣду: абы ѿдо коваля — бижы за симъ мыль кисилю добуваты... Шкода!...

— Шкода, — додавъ и Клымъ, — шкода и коваля и чоловика.

— Та чоловика ще не такъ: люде є, слава Тоби Господы, повнѣ село... та признаться, який тамъ и чоловикъ зъ того цыгана бувъ? — тильки свитъ поганывъ... Злодюга такой, ѿто ѿ не сказать... коней кравъ

— Еге! — перебывъ Игната Клымъ, — говоры-жъ ты! Правдывой злодюга, та теперь отъ чого накоивъ! Скильки то людей за нёго стражде! Га! колы-бъ за ѿ путне, а то за злодюгу... за цыганъский вышварокъ...

— Що-жъ у васъ сталося? — спытавсь я, не розуміочы, про що йде ричъ. — Та бачъ, сынку, сталося таке, що нудно й казаты: ажъ шистёхъ нашихъ хлопцівъ въ тюрму закынулы: и мого внука и ёго внука... Такъ мы отсє до тебе, сынку, поздоровъ Боже тебе, поратуй, якъ знаешь! А такъ не можна: не пропадать-же хлопцямъ, мовлявъ, ни за понюхъ табакы...

— Та вы, дидусю, гарненько все по порядку розкажить: за що хлопцівъ въ тюрму запроторылы?

— Вже-жъ не якъ, по порядку треба одповивъ Клымъ,—такъ чи ты, Игнате, повидатыменшъ, чи нехай я?

— Нехай ты, Клыме! Ты почавъ — ты и кинчай!
А я, колы що, поправлятыму...

— Нехай и такъ!

Клымъ вытягъ зъ-за халявы рижокъ, вдарывъ ёго разивъ зо трь объ закаблукъ, вытягъ зъ рога затычку, пидставывъ ниготь великого пальця зъ ливои руки, натрусывъ на ниготь табакы, нюхнувъ на повенъ нисъ — и мовывъ:

— Та ѹ табака-жъ! Добра!... такъ и пре! Шкода, на сходи вже... мабуть чи ѹ стане, покы до дому...

— Було насыпаты повенъ ригъ! Знаешъ: идешъ на день — беры на два. Ану, ке лышень и мини!

— Говоры-жъ! Захватався та ѹ забувся про табаку, — одповивъ Клымъ, подаючи Игнатови рижокъ.

— А ты, сынку, не вжываешъ сёго добра? — спытавсь у мене Игнать.

— Ни, не навчывся.

— И добре робышъ.. Цуръ ій! Смаку зъ неи нє абы-то, тильки що прывыкъ... понюхаешъ — нibly веселійше стане...

— Такъ кажить: що тамъ у васъ за прыгода сталася? — пытаўся я.

— Не добра прыгода, брыдка... що й казаты! И коваля позбулыся и сами въ биду вскочылы. Нехай вже Савка Грыценко, такъ того и не жаль: голинный зъ роду, а наши—таки-жъ воны сумырни, таки обачни... и на тоби!.. въ отаке вскочылы!.. Яково то намъ старымъ!.. и стыдовыще на все село, и шкода, и журба... Otto, бачъ, сынку, лить зъ десять тому назадъ осився въ нашему сели коваль, цыганъ Иванъ Дранка. И гараздъ! Намъ коваля треба: нехай живе, нехай хлебъ заробляе... треба-жъ и ёму исты... винъ хочъ и цыганъ, а исты хоче. Жыве рикъ—ничого, живе и другый—ничого, и третій—ничого, а на четвертый—те-жъ бы ничего, та почалося щось воно не гараздъ на коней. То въ того, то въ сёго тай выведуть коняку; тамъ зъ хлива, тамъ зъ паши... и по всёму знаты, що злодій—не чужий чоловикъ, а тутешній: не бере, яку довелося, а выбирае, песъкій сынъ, що липшого.

— Не гараздъ,—кажемо мы стари люде,—вже якъ соби знаете, хлопци, а щобъ вы прысочылы злодія! Хтось та есть изъ своихъ... Стэрежить!

Сталы гадаты: хто-бъ такой злодій? И на сёго, и на того думаемо, а про Ивана Дранку и байдуже! Такежъ бо воно тыхе та ввичлыве було... Ажъ воно й правда, що въ тыхому болоти сами чорты кубляться...

Взялышя хлопци сочты.

Марна праця! Воны сочать, а кони зъ паши, зъ ночлигивъ—такъ и таютъ одно по одному... И шкода, и морока! Саме на Тройцю въ Галчыни велыкій ярмарокъ стае, а вже-жъ то николы такъ, якъ пидъ ярмарковый часъ и крадуть. Наважылысь наши ночлижныкы хочъ-бы що, а встерегты коней. Повелы на ночлигъ, попуталы, пустылы, а саму найлучшу кобылу на прыколень били самисенького жыта. Пустылы, а сами геть

одійшли соби пидъ вербы... далеко, такъ що злодію ихъ и не видко. Про всякъ выпадокъ въ жыти засивъ Бандыкивъ сынъ Дмытро, и Ратуя взявъ зъ собою— сторожка собака була отой Ратуй! такыхъ собакъ чи й е де бильше.

Чуе Дмытро: щось шелестыть въ жыти... Прыдывляється: чоловикъ лизе червомъ по земли... Ну, Дмытро догадливый паробійка: Ратуя до себе— цыть! каже ёму, прыдержуе ёго, а самъ вартуе, що воно лизе. Було вже за пивничъ, темно, хочъ око выколы. Дмытро вартуе, а воно лизе. Вылизло зъ жыта та до кобылы... хватъ іи та верхы на ній... „нью!“—а кобыла на прыколни!.. Дмытро тогди зъ жыта... Ратуй за нымъ... До злодія... а винъ, якъ вкопаний на кобыли... Дмытро за нёго, та на хлопцивъ: „Сюды! сюды!“ Попрыбигалы... Хтожъ-бы вы думали, той злодій бувъ? Еге! Нихто, якъ Иванъ Дранка.

— А що се ты вражый сыну!—на нёго.

Мовчыть винъ, ни пары зъ усть. Воны ёго, звистно, въ ухо,—мовчыть; воны ёго въ друге,—мовчыть.

— Ануте, хлюпци, въ кого швайка, ке сюды!

Се-бъ то пидъ нигти ёго швайкою... Побачывъ Дранка швайку: „Е!—гадае соби—тутъ не перелывки!“ Заговорывъ. Божыться діяволъ, прысягається, землю исть, що винъ не злодій, що въ нёго й на думци не було красты, а се чортякы зъ нымъ таке скоилы... такъ-бы то ёму пороблено... Винъ, мовлявъ, и не тямыть, якъ ёго чортякы взялы зъ кузни, прывёлы отсюды на пашу та й посадылы на кобылу... Оттакый пройдышвить! Та ще й дякуе, що начлижныки піймалы ёго та вызволылы зъ чортячыхъ рукъ, а то, каже, й самъ не знаю, що воны — чортякы-бъ то — зо мною й заподіялъ...

Хлопци хочъ и не понялы ёму до кинця виры, одначе думка въ ныхъ така: не слиздъ губыты чоловика, не треба ёго быты и въ судъ даваты, — а чортівъ зъ нёго выгнаты треба, провчыть значыть ихъ... Такъ ото трошки и пожартувалы зъ Дранкою: роздяглы ёго, вымазалы усёго зъ нигъ до головы дёгтемъ, обкачалы ёго землею, звязалы руки, спуталы ногы, та диждавшы ранку, якъ сонечко було на первому упрузи, и пустылы ёго, въ чому маты породыла.

Смиху було на все село. Швыдко не можна ёму йты: переступає, наче курка... а люде дывуються, сміються та плюють на нёго, прыкыдаючи всячыну.

Отже й помогло! . чортякы злякалыся... Лить ма- буть пять и чуткы въ сели у нась не було, щобъ у кого коняку выведено... А позаторикъ зновъ почалося...

Саме передъ Варварою зновъ злапалы Дранку. Ну вже на сей разъ не понялы ёму виры!.. залывъ винъ намъ усимъ за шкуру лою! Май-же на все село чи е такый господарь, щобъ Дранка не позычывъ у нёго коняки!.. багато видъ нёго натерпилыся... Ото-жъ якъ злапалы ёго хлонци--заразъ: что зъ нымъ вчыныты?

По доброму розуму — звистно, что: въ судъ! Та озвирылысь же вси такъ на того Дранку, что й себе не тямылы... Воно хочъ на кого — досада визьме: ты пра- цюешъ, мозолышся, а воно въ тебе краде... на всихъ злодіивъ не настачышся... Тымъ-то й розлютувалысь на нёго... та зъ лютосты й розумъ загубылы и заихалы не въ ти ворота...

Що зъ нымъ діяты?.. Той каже: на сковороду! — той: на суху осыку! — а хто: прямо пидъ лицъ въ ополонку! — всякий по своёму. Звистно, сама молодижъ... старого мижъ нымы никогисенько не було, щобъ напу- тыты... Мій Корній и каже:

— Тривайте! Не чынить ёму ничогисенько, докы я вернуся!

Метнувсь до дому, прынисъ налыгача и цурку.

— Оттеперъ, — каже до Дранки, — кануть тоби, цыгане! Молысь Богу! Бильшъ уже не крастымешъ!

Обвязалы цыганови налыгачемъ округъ головы, заложылы цурку тай ну -- крутты, нибы перевесло на снопи!

Крутять соби! Цыганъ то гукавъ, просывся, а то вже й замовкъ... а воны крутять!.. Кисткы вже на голови трищать... а воны цуркують — тай зацуркувалы...

Пересталы — а Дранко вже й похоловъ...

Отъ якого накоилы!.. А теперъ въ острози гніютъ!..

Дай, сынку, помичъ и раду, якъ-бы ихъ вызволыты...

Не вельмы помогла моя рада. Два человека не втѣкло видъ каторги, а два просто въ Сибиръ...

Музыка Павло Дрантусъ.

оскажу вамъ про Дрантуса!

— Се хто такый Дрантусъ? спытае у мене чытатель: певно нимець, або шведъ.

„Трывай, чытателю! не ловы попередъ невода рыбы! Дрантусъ такий самий нимець, якъ и мы зъ тобою: родомъ винъ зъ славного мыргородського повиту, тамъ зпоконъ вику жылы ёго диды и прадиды. Дицъ ёго бувъ простый козакъ: батько тэръ ликти у якомусь суди; а самого Павла взяла на 12 роци одна багата, бездитна пани, удова: oddala ёго до гимназіи въ Полтаву, дали до университету у Кыиви и выховала зъ ёго — разъ учытеля, вдруге артыста музыку, а втрейте „ненавистныка“ панивъ, особлыво пидстарковатыхъ паніекъ. Якъ воно такъ сталося и видъ чого въ ёму выросла оця „ненавыжа“ — про те не скажу: одъ самого Дрантуса я про се николы ничего нечувъ, а додавать свого, выгадуваты ніяково! Знаю я, что у птастви буває такъ, що пидсыплешъ пидъ квочку индычыхъ яець, и выведе вона не курчатъ, а индычатъ, а чого воно сталося такъ, що пани не выховала Дрантуса панычемъ — не знаю!.. Цикава-бъ ричъ довидатыся про той психологичный станъ, якымъ Дрантусъ прыйшовъ до свога

погляду; але-жъ кажу: про се я не знаю. Чувъ, що Дрантусивъ батько бувъ чоловикъ вельмы убогий; чувъ, що й самъ Павло, жывучы ще у батька, зазнавъ доволи бидовання, чувъ я се видъ людей, а зъ самымъ Дрантусомъ про ёго мынувшыну, а особливо про ёго убожество николы ни слова не говорывъ. Я знаявъ, що винъ не любить про се говорыти; може затымъ, що самъ пereйшовъ школу убожества, и перебувавъ „часомъ зъ квасомъ, а порою зъ водою“. Зновъ-же на мою думку и жадный чоловикъ, що пereйшовъ школу бидноты не повиненъ-бы вступати зъ розмовою про свое лыхо: про се краще мовчаты. Чувство властной шанобы не дає носытыся передъ людьми зъ своимъ лыхомъ, немовъ на показъ. Люде люблять дывытыся на те, що ясне, прыятнѣ, гарне, люблять слухати весели речи, а лыхо липше ховаты одъ людей; лыха у всякого и свого повна торба; одному воно зворушить свою властну болячку, а другий — знайдеться й такий пройдисвить, запроданецъ, що насміється зъ чужого лыха!.. Зъ Дрантусомъ я спизнався вже тоди, якъ винъ дослужувавъ до пенсії, и от-отъ мусывъ кынуты свое вчительство. Ёму тоди вже геть-геть перескочило за сорокъ; але зъ выду винъ бувъ молодшій своихъ літъ: высокий, чорнявый, билолицый, коротко пидстриженый; ни вусивъ, ни бороды; худощавый, зъ сирими, наче олывянямы, очима, зъ довгимъ носомъ, невелычкимъ ротомъ; билыми, мовъ крэйда, вузенькими зубами; трохи нибы суворый, неговорикый. Отъ и увесь Дрантусъ. Характеръ ёго не подобався мини: замкнутый въ самому соби; понурость въ погляди, докы я не розпизнавъ добре сёго чоловика, ажъ вражала мене. Отъ же заходылы мы одынъ до другого, трохи не що-дня; винъ любывъ, щобъ я читавъ ёму „Кобзаря“, а я такъ просто впышався ёго грою

на скрыпци; я раювавъ, слухаючи, якъ на Дрантусовій скрыпци розмовлялы струны зъ смыкомъ.

Гарно гравъ Дрантусъ и на рояли, але на скрыпци ёго гра була чудовна: струны у ёго не гралы, а говорылы; коженъ гукъ — слово и летивъ прямо въ серце, на саме дно до того, что слухавъ. Тамъ на дни мого серця оти Дрантусови слова — гуки будылы, ворушылы те, что хотивъ збудыты Дрантусъ. Винъ прычаровавъ мене до своеи музыки, прыковувавъ мене до гукивъ своихъ струнъ, и часомъ я чувъ, мини здавалося, что слиздомъ за гукомъ струнъ Дрантусова душа выходить зъ тила и невыздымою цивкою перелывается въ струны, духотворить ихъ! От-отъ, — здавалося, уся Дрантусова душа перельяться въ струны, тило ёго впаде, умре, а струны вымовлять людськими словами усе те, что ховавъ одъ людей самъ Дрантусъ... Отъ въ таки годыны я по гукамъ струнъ чытавъ Дрантусову душу: я бачывъ іи, мовъ въ зеркали, я бачывъ, что іи прыгничуе самотність. Жывъ Дрантусъ не безъ людей: знаёмыхъ у ёго було доволи; здавалося, наче ото и прыятели, люде блызьки до ёго думкамы, ридни зъ нымъ поглядамы, блызьки до ёго своими прямованьямы; але — здавалося! а винъ справди чувъ себе одынокымъ, самотнымъ; чувъ, что биля ёго души нема другои души, блызькои до неи, такои, якъ ёго душа; чувъ, что биля ёго серця нема другого серця, котре-бъ грило ёго огнемъ чистого кохання... Въ Дрантусовыхъ музычныхъ творахъ-элегіяхъ я чытавъ, якъ винъ нудыться, мучыться, вызнаючи себе одынокымъ; але ще бильшъ вызнаючи, что пры сій самотности, винъ прыкованый до людей, до громады, до громадського жыття; прыкованый хочъ порожнимы, але мицными ланцюгами. Порожни воны о стилько, что не вдержать, не стануть пидпорою чоловикови, который

потрибує підпори въ своїй жвавости, въ своєму пря-
мованью, въ своїй вири и надії. Безъ такої підпоры
чоловикъ въ великий громади чує себе самотнимъ ще
бильшъ, нижъ на самоти. И отутъ-то, помижъ людей,
самотнистъ гнить чоловика, душить, тисне, ще
бильше, ще гирше, нижъ на самоти мижъ чотирехъ
стинъ... Розмова такихъ душъ вилывається у кого въ
малярство, у кого въ музыку, а въ кого просто въ глы-
боки, ними муки, одгукомъ которыхъ бувають тилько
тяжки зитхання... Ланцюги, що прыковувалы Дрантуса,
булы о стильно мицни, що въ ёго не було сили по-
рвать ихъ, ослобоныться видъ ихъ... винъ сечувъ и
мучився...

Отакымъ чоловикомъ показувався мини Дрантусъ
въ своїй музыци: чоловикомъ-мученыкомъ самотности
середъ великої громады людей!

Окримъ своеї професії — вчительської Дрантусъ
дававъ лекції музыки на рояли: чудна ричь — на скрипци
винъ ни за що, никого не хотивъ вчити; нигде на-
скрипци винъ не хотивъ грати, кримъ у себе дома.

Не що давно, передъ початкомъ моого оповидання
Дрантусъ поселився на кватери въ доми свого това-
риша вчителя Ивана Куща. У Куща була сестра Зоя:
вчилася вона въ гимназії, де Дрантусъ читавъ исторію.
Зою прырода щедрою рукою надила и духовыми и
фізичными дарами и не даремне-жъ Кущъ прозвавъ
її „богатыркою“.

— „Не треба за нею ніякого вина, вона сама соби
золоте вино“, говоривъ Кущъ своїй жинці; „вона у нась
не засыдається, не задивує“.

— „Хто знає! одповідала жинка; лучче-бъ, колы-бъ
люде знали, що за нею єсть тисяча-друга; теперъ бачъ-

всякий билыпъ на гроши... отъ-отъ скинчыть Зоя гимназію; треба буде промышляты про женыхахъ».

— „Байдуже! Зоя сама промыслыть“.

— „Все такы липшe, колы швыдче... Самъ знаешъ, яки наши достаткы: выйде зъ гимназіи, треба-жъ іи зодягты не такъ, якъ теперъ... а зъ чого визъмемо? все бъ то зъ твого жаловання?..

— „На те у Зои есть руки и голова: сама заробыть: даватыме урокы; на скрыпци вчытыме; вона добрае грае!.. Отъ теперъ Дрантусъ у насъ живе, попрошу ёго, щобъ пидучывъ ще Зою на скрыпци.

— „Не выпросыши ты ёго, не такой винъ, хто вже ёго не просывъ, чого ёму не сullyлы, ни за що не хоче.

— „А мене може и послухае, по товарыству. Попробую.

— „Наврядъ...

Справди Дрантусъ послухавъ Куша. Зою винъ помитывъ ще въ гимназіи, помитывъ у неи добрый талантъ... разъ почувъ винъ дома, якъ Зоя грала на скрыпци и самъ соби погадавъ: „у неи есть искра божого огню“, вона розуміє музыку и може добрае граты“. Тымъ то винъ и згодывся вчыты Зою на скрыпци.

Выпало такъ, що того самого року, колы Зоя скинчыла гимназію, Дрантусъ залышивъ службу и выйшовъ на пенсію.

Се було літомъ 1879 року. Зъ осени Дрантусъ ставъ вчыты Зою. Самъ винъ у ту пору увесь оддався самій музыци: зъ дому выходывъ инколы тилько до мене, та на прыватни лекції, котрыхъ винъ взявъ тилько абы платою зъ ныхъ можна було додать те, чого не ставало пенсію на прожытокъ одному... Увесь свiй

вильный чашъ винъ размовлявъ зъ своею скрыпкою: и мини здалося, що Дрантусъ ще выразній ставъ говорыты на струнахъ; що, граючи, винъ цилкомъ забувъ свитъ, людэй и переносывся въ инчый свитъ, въ свитъ идеальныи, въ свитъ поэзіи и красы.

Разъ зимою зайшовъ я у вечери до Дрантуса: вечеръ тилько що почынався; повновыїдый мисяцъ оглядавъ землю и зазыравъ у викна до Дрантуса, свитла у Дрантусовыхъ викнахъ не выдко було; горило воно тилько въ прыхожій; якъ тилько ступывъ я въ прыхожу, такъ и облыло мене зъ Дрантусовои хаты якимысь неземнымы гукамы двохъ скрыпокъ. Я зупынывся; боявся дальшє ступыты и ставъ слухаты; я увесь ставъ увагою... ячувъ якъ ти гуки перелывалыся до мене въ душу и наливалы іи до верху... Дрантусъ стоявъ до дверей спиною и не прымитывъ мене, я тыхесенько перейшовъ до дверей ёго кімнаты и прытулывся до одвирка, Зоя глянула, прымитыла мене, кывнула мини головою и грала дали. Дрантусъ, запримитывши рухъ Зоиной головы, оглянувшись на двери.

— „Ба! се ты! промовывъ винъ до мене: ну слухай, колы прыйшовъ“... И чудовни гуки двохъ скрыпокъ полылышся зновъ своею чудовною, чаруючою цивкою... То була незвычайна, неземна годына въ моему житьи! николы не забуду про неи!... Сами обставины додавалы поэзіи: вечеръ, на двори при мисяци выльискуется срибный снигъ; зъ блакитного неба дывыться въ хату блидный мисяцъ... Середъ хаты два людныы; лыць ихъ не выдко; ихъ покрывае тинь; не выдко ихъ очей и выразивъ ихъ; тилько выдко, якъ правши ходять то вгору, то внизъ; якъ пучки ливыхъ рукъ бигають биля киличкивъ скрыпокъ по струнахъ, якъ два смычки прыневолюють струны говорыты...

чуешъ ту розмову и ушмы, и серцемъ и душею; чуешъ и ниміешъ видъ неи!...

Дуэтъ скинчывся; Дрантусъ бережно положывъ на стилъ скрипку и самъ, не сивъ, а прямо вшавъ на канапу, и швидче закрывъ свое лыце обома рукамы. Зоя опустыла руки и не рушала зъ миста: вона походыла у ту годыну на якогось небесного херувыма. Я не ворухнувся; боявся дыхнуты. У кимнати стало такъ тыхо-тыхо, наче не было тутъ жывои души. Такъ мынуло килько хвылынъ.

— „Може я свитла прынесу? озвалася Зоя.

— „Не треба, не треба, одповивъ швидче Дрантусъ. Я зрозумивъ чому ёму не треба свитла: винъ бажавъ, щобъ ни я, ни Зоя не бачылы ёго лыця, не прочыталы на ёму тыхъ выявъ, якихъ наробывъ дуэтъ... Зоя тыха выйшла въ другу кимнату. Мы мовчали.

— „Чувъ? спытавъ згодя у мене Павло.

— „Чувъ, одповивъ я, самъ не знаю чого, боязно и стыха.

— „Що-жъ скажешъ?

— „Тутъ ничего не можна сказать, тутъ можно тилько чувствовать, що ты въ годыну гры перенисся и живешъ десь инде; въ мыри поэзіи и красы.

— „Правда твоя, правда! тутъ ничего не можна сказать, тилько чувствуешъ, и не вымовышъ того чувства словами.

За сымъ словомъ Дрантусъ пидійшовъ до мене, обнявъ и поциловавъ.

Ночалася розмова про музыку, поэзію, штуку, вичню красу; перейшла на исторію, на сучасне жыття и тяжкий вплывъ деморализациі...

— „Трываі, трываі! сказавъ Павло: трываі, треба свитла; винъ йервово вхопывъ сирнычки и засвітывъ

свичку. При мисяци не можна говорыты про наше сучасне жыття; треба свитла, а то и такъ темнота, темнота и темнота.

— „Темнійшо тэмнои ночи; душно, тяжко; ни свиту, ни воздуху; дыхать ничымъ.

— „Самый найкращый часъ за для банковыхъ и всякихъ инчихъ деморализаторивъ.

— „Задохнемося!... кажу: ничымъ дыхать.

— „Дышы вирою въ краще, надію на лучче, сподиваннямъ на нашу молодижъ, котру мы выховалы...

— „Тилько не я, перебывъ я Дрантуса: самъ, знаешъ, что я не...

— „И ты, и я, и вси мы: не скажешъ, что и що поодыноко робывъ и зробывъ; уси робылы; уси працювалы; уси щось зробылы гуртомъ!.. За 15 лить маемо освичену матиръ... О! не дай Боже, колы-бъ я не бачывъ рижныци мижъ нашымъ поколиньемъ, и тымъ, что мы выховалы! не дай Боже, колы-бъ я втерявъ надію на нашу молодижъ, на іи безкорыстну любовъ и працу за для народа!.. я зразу пустывъ-бы соби кулю оцюды (Дрантусъ прыставывъ пучку до чола), або петлю на шию.

Дрантусъ почавъ нарикаты на своихъ ровесныківъ; разповидавъ, якъ ёму тяжко зъ нымы; якъ винъ любує въ размови зъ молодижью, яки надія мріютъ у ёго на молодижъ,—котра „путемъ тыхого, спокійного прогрессу выновыть наше соціальне жыття и дастъ Россіи Мессію свита, спокою и добра“...

Николы Дрантусъ не говорывъ зо мною такъ жваво, щыро и одкрыто... мини ажъ чудно стало. День за день ставъ я прымичаты, что Дрантусъ якосъ переминаяеться, меншъ у ёго понурости, меншее замкнутости, бильшъ веселости и жвавости.

Сумно и тяжко роспочалася скризь у нась весна 1879 року! тилько що мынувъ переполохъ оть „Ветлянськои чумы“, а тутъ зновъ скоився другий, бильшъ ще небезпечный... тяжко єго й спомынаты. Въ первыхъ дняхъ мая зайшовъ я у вечери до Дрантуса: винъ сидивъ съ Зоею на ганкахъ; розмова йшла у ныхъ про музыку. Я й соби прыставъ.

— „Добрый вечиръ вамъ! озвався, стоячи на порози одынъ зъ нашихъ знаїмыхъ!

— „Добрый вечиръ, Васылю! сидай до гурту зъ намы.

— „Я на годыночку до тебе, одповивъ Васыль: ходимо до твоєи хаты, у мене дило до тебе е“. Мы втрёхъ пишли въ хату; Зоя лышылася на ганкахъ, куды выходило викно зъ Дрантусової хаты.

— „Сидай Васылю! промовывъ Дрантусъ, яке тамъ у тебе „дило“?

— „Я похожу, та постою; не всыдишъ, теперъ не до сыдни... Небезпечни выразы Васылевого лыця и безъ словъ говорылы, що ёму „тепръ не до сыдни“.

— „Не добра чутка, сказавъ Васыль! вельмы для тебе не добра; чуешъ, Павло?

— „А що тамъ таке, кажы.

Васыль росказавъ.

— „Се одна брехня, сказавъ Павло, выслушавши Васылеву „чутку“. Тепръ таке несуть, таке плещуть. що колыбъ усе тө було правда...

— „Одначе подумай.

— „Що-жъ тутъ думать! Видъ смерти не сховашся; що громади, тө и баби.

— „Якъ соби знаешъ, я щочувъ, тө и кажу, за що купывъ, за те й продавъ; прощавайте! мини николы;

треба ще де куды забигты... Завтра вранци навидаюсь".
Васыль пишовъ.

Мы зъ Дрантусомъ мовчалы: „чутка“ зробыла на ёго небезпечный вплывъ. Попробувавъ я зняты ричъ; розмова не йшла; слова прылыпалы до языка. Я взявъ шапку, стысъ Павлови руку и попрощаўся мовчкы. Выходжу на ганокъ зъ своимъ ципкомъ—Зоя й доси сыдѣть тутъ сама.

— Добраничъ! промовывъ я, подаючи Зои руку.

— „Добраничъ! одповила Зоя, беручы мою руку. Рука Зои була гаряча, наче огонь. Я глянувъ на Зоине лыце: воно зблидло, ажъ пополотнило; а въ куточкахъ очей блышталы проты мисяця буйни самоцвити. Мынула пивничъ, а Дрантусъ и не думавъ ще спаты, та й не до сну ёму було: зачынывши за мною двери, Дрантусъ потушывъ свитло, лигъ на канапи, пидложывъ руки пидъ голову и лежавъ нерухомо. Думки одна слизомъ другой такъ и роиłyся у ёго въ голови, такъ швидко одна прыбигала замисто другомъ, шо можна сказать: винъ багато думавъ и ничего не думавъ... винъ лежавъ наче деревына; винъ навить не прымитывъ, якъ Зоя тыхенъко видчыныла двери, пидійшла до канапы и стала проты Дрантуса.

Зоя злегка кашлянула.

— „Се вы, Зоя? чого вы? спытавъ Павло, дывуючысь, шо Зоя прыйшла до ёго въ кимнату сөредъ ночи. Павло, наче недужый, пидвився и сивъ.

— „Се я, я, одповила якось боязно Зоя. Я маю васъ просыты... Скажить: зробите те, про шо просытыму? голось у неи трэмтивъ.

— „Зоя... що-жъ таке?.. за для васть, Зоя, я все, все зроблю, шо въ сыли...“

И справди въ ту годыну Дрантусъ зробывъ-бы все на свити, що-бъ тильки залежало одъ ёго.

— „Вы поидыте? спытала соромлючысь Зоя; въ голоси у неи почулыся слёзы; вы поидете... визьмить и мене зъ собою... я... я“... Зоя зарыдала.

— „Куды, Зоя! куды взяты васъ? я никуды не иду!

— Годи! годи!.. Дрантусъ, я знаю... Павло! не обманюйте мене!.. я знаю... я прошу тилько одного: не сердьтесь на мене, не ремствуйте, колы я поиду слимъ за вами...

Дрантусъ почувъ, що винъ увесь въ огни, наче хто прыскомъ обсыпавъ ёго всёго... въ очахъ потемнило...

— Зоя! Моя Зоя!.. ты...

Зоя упала до ёго на груды и прыпала своимъ лыцемъ до Дрантусовои щокы... одъ щокы ажъ пекло... Дрантусъ обвивъ Зою своимы рукамы...

— Зою! серце мое!..

Мисяць и зори дывылъся у викно и слухалы палки поцилунки... Ни Павло, ни Зоя ничего не сказали одынъ другому про кохання: биля Дрантусовои души була та душа, котрои ёму не ставало, те серце, котрого винъ шукавъ... Винъ почувъ, що теперъ винъ не одынокий...

Вранци другого дня, я тилько що вставъ, якъ прыйшла до мене Зоя.

— Поихавъ? спытавъ я.

Зоя махнула рукою, впала на крисло и плакала... Я мовчавъ... я знатъ, що словами тутъ не втишыши „Вси мы пидъ Богомъ!“ тилько й промовывъ я.

Заспокоившись трохи, Зоя сказала мини, що й вона хотила ихаты разомъ зъ Дрантусомъ; але винъ не зго-

дывся на те; сказавъ, що колы вона схоче, такъ нехай прыиѣдти тоди, колы винъ устроиться на новому мисти“.

Цілыхъ пивтора року не прыходыло ніякои звисткы ни про Дрантуса, ни одъ Дрантуса...

Спёршу я двичи, чи трычи заходыў до Куша: для мене стало ясно, що винъ гадае про Дрантуса и куды самъ верне... одъ Куша пахло банкомъ и нажывою. Мене се не здывовало и не вразыло: я бачывъ людей; я знаю ихъ; знаю ихъ звычаи... Я покынуў ходыты до Куша. Одержавшы лыстъ отъ Дрантуса, я пославъ ёго адресу Зои; думавъ соби: зайде сама, роспытае бильшъ; може й поиде... Не заходыла... Не поихала...

Мынуло четыри рокы. Пидъ осинъ 1883 р. Дрантусъ вернувся до старого кубла. Поиздъ прыходыў тоди въ вечери о 6-й годыни. Дрантусъ зложывшы на заиздному двори свои злыденни пакунки, швыдче побигъ до Куша.

Будынокъ Кущивъ не перемињився зъ окола, та въ середыни ёго сталыся велыки перемины: замість першихъ звычайныхъ обставынъ была въ вичи роскишъ. Правда: Дрантусъ зъ первого разу сієи перемини не прымитывъ; у ёго одно було на думци: швидче побачыть свою любу Зою; швидче подывытыся на неи; швидче спытаты: чому вона навить не пысала до ёго... Образъ Зои одынъ винъ стоявъ въ очахъ у Дрантуса.

— Дрантусъ, Дрантусъ! скрыкнула Зоя, побачывши Навла, и кынулась на зустричъ ёму; але, зробившы два три ступни, якосъ, наче инстынктывно, подалася назадъ... За хвылыну Зоя справилася зъ собою; спокійно пидійшла до Дрантуса и простягаючи до ёго разомъ обидви руки, мовила:

— Звидкиль вы взялышся?.. такъ несподивано!..
хочъ-бы булы напысалы... Ой якъ-же вы переминялышся!
Боже мій! голова — наче хто сметаною облывъ... а борода? дѣ вона взялася?.. така била...

— Зовсимъ наче въ пасичныка, одповивъ Павло:
вони й добре; бо вже мини бильшъничого робыти, якъ
у пасици сидити, та роивъ доглядати.

— А рои за вами скучылы, порозлиталышся... звычайно безъ матки.

— „Не мини-жъ ихъ теперъ и позбрати, мовывъ
сумно Дрантусъ и разомъ такъ низко, такъ любляче
дывывся въ Зоини очи. А Зоя пидвела свій поглядъ,
выще Павловой головы, майже до самои стели.

— Дуже вельмы, переминялышся вы, промовыла Зоя
вдруге, не знаючи, що бильшъ сказати.

— Не дыво!.. голова побилила, а серце ще не постарило, не захололо, одповивъ Дрантусъ, ловлячи Зоинъ
поглядъ... А вы ни въ чому, бачу, не переминялышся?

— Де вамъ!.. за четыри роки щобъ не переминялышся!..
переминялышся и я ще бильшъ, низъ вы...
уси переминялышся...

— А братъ вашъ?.. дѣ винъ?

— Спочыває посли обиду; за того вже проснетесь,
встане... У ёго теперъ що дня дила по сами уши.

-- Звистно — гимназія,—дило не переводиться.

— Не одна гимназія!.. винъ, та певно вы про се
знаете — винъ теперъ головою тутешнёго банку!..

Дрантуса наче що вкололо: лыце ёго вытяглося, очи
шыроко роскрылышся...

— Кущъ... головою банка?.. спытавъ Павло; а вчительство — по боку?

… Ни! одно другому не вадыть: зъ учытельства ёму не прожыты; а банкъ дае ёму рично симъ тысячвъ… Кому не охота жыты зъ бильшымы достаткамы…

— Диты е у Куща?

— Ни, воны бездитни и не було…

Дрантусъ замовкъ.

— Що оце мы сыдымо мовчкы, наче въ ротъ воды набравши! стилько лить не бачылыся, зустри-тыся,— словъ нема въ нась на размову… сказала Зоя и спустила свій поглядъ на доливку, наче вона чого засоромлялася; або наче въ чому провыноватылася передъ Дрантусомъ.

— И справди, одповивъ Дрантусъ; и пождавши хвилиночку, промовывъ: „Такъ и Куща спокусыла нажыва!…

— А кого вона не спокусыть?

— Хиба и варь спокусыла?

Зоя ничего не одповидала. Хотилося іи призна-
тыся, высповидатыся передъ Дрантусомъ, выложыты
ёму усю свою душу; рассказать якъ іи спокусылы бра-
тави достаткы, якъ обхватыла іи атмосфера замижности,
нажывы, роскошивъ. Але вона чула, что у неи не стане
на тэ сылы, что языкъ ниміе. А Дрантусове серце тоди
чуло, очи ёго бачылы, что у Зой щось та не такъ! что
у неи есть щось таке, зъ чымъ вона ховаеться видъ
ёго, хочъ знає, что не сховаеться, что не можна схова-
тыся.

Видчынылыся зъ кабинету двери; вішовъ Кущъ.

— „Ба, ба! кого се я бачу! промовывъ винъ, по-
даючи Дрантусу руку; и не подаючи жадной ознакы
бильшъ сердечного, щырого прывиту.

— „Одначе, на вашій голови вы доволи вывезлы
до насъ снигу! промовывъ шуткома Кущъ. Дрантуса

обняло холодомъ одъ розмовы Куща, особльво видъ того „васъ“.

— „Шо се ты (Дрантусъ умысне промовывъ: „ты“ зъ прытыскомъ), Иване, прывыкъ до писля обиднёго сну? Павло чувъ, шо невидъ про шо пытае; але винъ сылковався, щобъ ни однымъ словомъ, ни поглядомъ не показаты, яка завирюха росходылася у ёго въ души и въ серци.

Кущъ и соби мъявся, вертивъ плечыма, червонивъ и говорывъ, якось ковтаючи свои слова.

Дрантусъ глянувъ на Зою: вона перебирала свои пучки и дывылася на ныхъ.

— „Ты въ банку головою? спытавъ Дрантусъ у Куща.

— „Гм!... эге! та бачъ такый теперъ часъ... знаешъ... колы сыдыши за диломъ, такъ и языкъ мовчыть... а то часомъ... Не даромъ же сказано: „помовчы язычку, папки дамъ“...

— „Т-э-э-ксь! протягъ Дрантусъ: а колы „папка“ обгорнута въ золото або въ банкови билеты... такъ тоди й зовсимъ добрѣ!...

Кущъ мовчы проковтнувъ пылюлю; Дрантусъ вставъ, пидійшовъ до рояля, на которому лежала ёго шапка. Рояль бувъ видчыненый и на ёму лежалы ноты. Дрантусъ глянувъ на ихъ и промовывъ до Зои:

— „Музыкы значыть не залышалы и на скрыпци граете?

Кущъ наче не чувъ сёго пытання и обернувшись до Дрантуса:

— „Чого се вы за шапку беретесь? наче прыходылы тилько, якъ кажуть, щобъ наплювать у хагу... посыдьте, чаю напъемося, колышне згадаемо...“

Ось заразъ прыйде Зоинъ мужъ“...

Дрантусу здалося, наче хто полиномъ вдарывъ ёго по жыжкахъ, винъ не встоявъ и швыдче сивъ, боячысь, щобъ не впасты.

Кущъ се прымитывъ, одначе и выду того не подавъ и спокійно говорывъ до Дрантуса:

— „Певно вы знаете, що позавчора Зоя звинчалася... Хиба ты, Зою! несказала сёго Павлу Семеновычу? Я гадавъ, що се було першымъ твоимъ словомъ, тай мовчу.

Зоя щось промовила; але нихто не вчувъ іи одповиди, а Дрантусъ на силу промовывъ:

— Поздоровляю васъ! и подавъ руку Зои. Рука Зоина була така холодна, що Дрантусъ швидче однявъ свою руку; въ души свої винъ почувъ нове чувство; таке, яке дражливий чоловикъ чує, взявши въ руку жабу... Якъ втыхомырlyся перши выяви оцієи „новини“, и якъ тилько почувъ Дрантусъ, що „ноги можуть служити єму“, винъ вставъ прощається.

— Зистаньтесь до чаю! прымовила Зоя и глянула прямо на Дрантуса своими вожкими очима.

— Втомився зъ дороги, одповивъ Павло: я зъ вокзала прямо до васъ... пора!... треба спочиты... втомувся.

— Не дыво, сказавъ Кущъ: зробивши таку дорогу, и молодий чоловикъ втомився-бъ, а то въ ваши лита... вирю, що треба вамъ спочиты и не вдержаню... а проситому завтра до насъ на обидъ. Наші молоди завтра ідуть въ Италію... побажаемо имъ щастливої дороги, та прямо зъ застолу проведемо ихъ на залізницю... Добре? прыйдете? Дрантусъ мовчавъ и щось думавъ.

— Прыходьте Дрантусъ... я пропу васъ, не смилыво, тыхо промовила Зоя.

— Прыйду! простогнавъ Дрантусъ и выскочывъ въ прыхожу: Зоя выйшла провожаты ёго и впивголоса сказала до ёго:

— „Дрантусъ! не сердьтесь на мене!... прыходьте завтра зранку, я вамъ все роскажу... вы простыте мене; я вамъ“... Слёзы пидстулы у неи пидъ горло и не далы говорыты до кинця. Зоя боялася, соромылася заплакаты; вона швыдче обернулася и прудко—перейшла залу, вбигла въ свою кимнату, и впала на лижко лыцемъ въ подушку.

Къ пивдню другого дня Зоя выпроводыла своего мужа до миста купыты на дорогу и тө, и друге, и пьяте и десяте, а сама не видходыла видъ викна, вызыраючы Дрантуса. Отъ-отъ, думала вона, прыйде Павло, я ёму выложу свою душу, признаюся, якъ я не встояла проты бажання пожыть на своїй воли, пороскошуваты зъ своихъ достаткивъ, пораюваты въ самостайному жытьи безъ догляду брата, безъ докирлывого погляду братовои... Усе, усё скажу ёму, винъ зрозуміе мене и любытыме мене такъ, якъ любывъ тоди, якъ люблю я ёго и любытыму ..

Зоя не одривала очей видъ викна, а Дрантусъ не йшовъ. Вже й мужъ Зоинъ вернувся, зъ повными рукамы пакункивъ; вже й Кущъ прыйшовъ зъ банку, а Дрантуса нема...

— Мабуть и не буде, подумала соби Зоя и почула, что слёзы, якъ и вчора почынаютъ душыть іи, а треба ихъ зупынить, не показать ихъ никому, треба перемогти саму себё; заховать свое горе одъ людей...

— Пора за стилъ, озвався Кущъ: мабуть Дрантуса не буде; сидаймо.

— Семеро одного не ждуть, промовыла Кущыха и велила подавать страву. Сеи хвылыны війшовъ въ хату

Дрантусь, пидъ рукою у ёго була скрыпка. Зоя глянула на Дрантуса и злякалася; лыце ёго стало ажъ сыне, таке страшне, сердыте. Серце Зои почуло щось не доброе.

Кущъ ажъ вывся, витаючи Дрантуса и дякуючи, що прыйшовъ.

— Выпьемо, говорывъ винъ: за здоровье тыхъ, що идуть одъ нась, и того, хто прыхавъ до нась. Ба! та се ты й скрыпку прынисъ! (сёгодни у Куща зновъ воскресло старе — „ты“) отъ золото чоловикъ!.. догадлыва душа: знае, що ничымъ въ свити такъ не порадуешъ—невтишыши такъ Зою, якъ твою грою.

Дрантусь ничего не одповивъ: погано якосъ стало одъ Кущевои речи. Зои здалося, що й справди за для неи Дрантусь прынисъ скрыпку: „винъ не сердиться на мене; винъ любить мене“ мыгнула у неи думка и повеселійшало на серци.

За обидомъ Дрантусь бильшъ мовчавъ, але Кущъ ни на годыночку не перестававъ выхваловаты то Дрантусову гру, то Зоиного мужа пидстарковатого, сывоватого, жовтовыдого чоловика,—вельмы багатого акціонера килькохъ банкивъ, зализныць и цукровыхъ заводивъ.

Сталы пыть шампанського; Кущъ побажавъ молодымъ щасливовои дорогы. Дрантусь не пидвився и не доторкнувся до вына.

— Щожъ вы не пьете? одъ гурту не прыходиться одставать!—промовывъ до ёго Кущъ.

— Не бажаете намъ щасливовои дорогы? додала Зоя.

— Всимъ серцемъ бажаю; але—може знаете — що кримъ воды, чаю и молока ничего въ ротъ не беру... А отъ докы вы пытымые „за здоровье“, я заграю вамъ „туша“.

— „Добре, добре! отъ славно вы прыдумали“... оввались уси разомъ.

— Выно, музыка и молода, красыва женщына! яка гармонія... мовывъ Кушъ.

Дрантусъ ставъ граты: струны говорылы! говорылы воны „поэму“ людського жыття. Ни Кущи, ни Зоя, ни іи мужъ зроду не чулы такои поэмы. Тыхою, срибною, солодкою мелодію роспочавъ Дрантусъ элегію и звивъ іи на стогинъ недужного чоловіка .. Іще гукъ, два, тры— и почувся крыкъ, ниби крычала тилько що нарожденна дытына!.. а дали чулося тыхе-тыхе, святе раюванье матери. Гуки пиднималыся вгору смиливій, шыршалы, рослы, и, ниби яка пышна квитка, роспустылысь, раз-лылыся пышною несказанною красою... Краса, любовъ, сыла и жвависть молодости; сыла чувства, страсти, раюванье первого кохання, щастя, все те чулося въ словахъ-гукахъ, що летилы зъ пидъ Дрантусового смычка... все те злывалося въ щось едыне, таке чудовнѣ, не земнѣ, чому и назвы не прыберешъ!.. злывалыся и лылыся ти гуки чаривнычуо цивкою въ души слуха-чивъ... Коженъ зъ ныхъ почувавъ соби, якъ бъется въ ёму сыла жыття,чувъ любовъ до жыття, розумивъ велику красу и святощи жыття!.. Гуки стали переми-нятися: тыхшѣ, мякшѣ, легчѣ... иныхымъ голосомъ, иныхымы словамы и иныхымъ духомъ заговорылы стру-ны и почулася печаль, журба, тыхый жаль розлукы, поцилунокъ, и... стукотня колисъ по шынахъ зализ-ныци!.. Таємни зитхання людського серця, а за нымы тупотня коней, скрыпъ по снигу саней... дзвоныкъ— то голосывъ, то розсыпався дрибнымы гукамы... сли-домъ ёго почувся шелестъ густого гаю; повіяло тыхою, дыкою, мертвюю пустынею.. Здавалося—кинецъ „поэми“, кинецъ жыття; здавалося, що въ отсій дыкій, темній темряви, въ непроходымыхъ мочарахъ стыхнѣ, скин-чыться, замре музыка! Ни! описля довгои паузы струны

заговорылы невымовно и безконечно журлываю ридною украинською мелодією: зъ глыбыны души чувся тяжкий плачъ, гирки рыдання, стогинъ то поодынокыхъ душъ, то чымалого гурту, то ниби цилого народу. Плачъ убогихъ, стогинъ голодныхъ, рыдання пидневильныхъ... Стогинъ ишовъ вгору, та нѣ мигъ высоко пидниматыся: чорна, темна, густа хмара не пропускала дали гукивъ; вони падалы на землю, роззываючись по широкихъ степахъ, по глыбокихъ ярахъ, мижъ високыми зеленными горами... Гирська луна одгукувалася на ихъ... Пауза!.. По пидгирью, немовъ сопилка чабана, почулися гуки, похожи на надію!.. Надія росте, росте, шыршає, шыршає; зновъ чується чувство; чується тиха, спокійна, нижна и глыбока любовъ серця... Ще гукъ роздається, за нымъ видчыняться двери въ самий рай! Ни! почулося зновъ щось сумне, тяжке, безнадійне: наче хто оплакувавъ, хоронячи свою кращу надію, свою будущину, свое життя, наче щось одирвалося одъ серця и розбылось... Музика повіяла чымсь безсмертнымъ и замовкла...

Уси мовчали. Дрантусъ глянувъ на всіхъ: ни въ кого ни слова: уси сидили, затаивши духъ... Дрантусъ пиднявъ вгору выше головы скрипку и зъ усієи сили вдаривъ іи объ помистъ! Изъ скрипки полетили скіпки на всі боки.

— Ой! здригнулы уси разомъ: що се, що се?

Зоя и Кущъ скочылы зъ своихъ мистъ. Дрантуса не було вже въ хати.

— Винъ божевильный, промовывъ Зоинъ мужъ.

— Добре ще, що нѣ пустывъ скрипкою кому въ голову, сказавъ Кущъ.

— А бо въ зеркало, додала Кущыха: то-тобъ наробывъ велыкои шкоды... И що се зъ нымъ стало?

— Кажу вамъ, що винъ божевильный; я ще за обидомъ помитывъ ёго хыжый поглядъ и увесь обидъ трэмтивъ... наче що шептало мини... душа моя чула, що винъ скoить щось недоброго... и на що вы ёго звалы? говорывъ Зоинъ мужъ.

— Се нө я, я не завъ, одповивъ Кущъ, Зоя позвала ёго...

— Божевильного звать...

— Ни, винъ не божевильный, промовила Зоя: винъ чоловикъ зъ велыкою душою; зъ гарячымъ, люблячымъ серцемъ... винъ...

— Годи про ёго! часъ ихаты, перебывъ сестру Кущъ...

Зоя зъ мужемъ сидилы вже въ вагони и размовляллы зъ Кущамы, котри стояллы protы викна вагону на платформи. Зоя высунула голову зъ викна и мымоволи якось глянула на паровыкъ... ій здалося, нибы туды пробигъ чоловикъ, похожий на Дрантуса; але пры свити лихтаривъ вона не разпизнала: чи справди то Дрантусъ и подумала соби:

— Чого-бъ винъ тутъ бувъ? ни, то не винъ.

Одначе серце у неи забылося не звычайно.

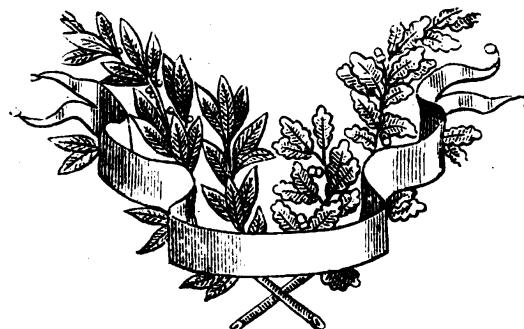
Подзвонылы въ трейте... Паровыкъ надувся, свыснувъ, запыхтивъ... поиздъ рушывъ...

Трохы згода зъ платформы незвычайно швидко биглы по полотну зализныци у слідъ поизда жандармы, поліціянты и инчи люде. Гоней за двое одъ того миста, зъ которого рушывъ поиздъ, стояла чимала купка людей, коженъ сялковався протыснутясь до того миста, де стояло два зализно-дорожныхъ вартовыхъ зъ лихтарями въ рукахъ. Протыснувшись туды и Кущъ зъ жинкою.

На шынахъ въ калюжи крови лежавъ безголовый
трупъ мужчыны: трохи дали зъ боку лежала голова,
одризана колесомъ локомотыва. Кущъ глянувъ на го-
лову и перелякався!..

— „Ой! се Дрантусъ!.. ходимо видсиля швыдче“,
промовывъ винъ до жинки. Кущи мовчкы пишли до
дому...

Грудень 1883 р.

НАДИ.

рай села на высокому згири, надъ самисенъкою
дорогою стоить била хата. Чыста вона въ сере-
дыни, прывитна, якъ виночекъ зъ свижыхъ квитокъ;
зъ окола чепурна, обсажена зеленымы кучерявымы вер-
бамы...

На двори весна-красна.

У видчынене вікно кризь вербови віты вызыграе
мoldа дивчына: на голови у неи пышаецца винокъ
зъ зеленого барвінку и весняныхъ запашныхъ квитокъ;
шырока чорна коса спустылась по билій шыи и падае
на высоки дивочи груды. Биле лыченько паше густымъ
румянцемъ, молодымъ, гарнымъ, веселымъ; свижоу сы-
лою молодого жыття колышуться груды пидъ билою,
якъ снigъ, гаптованою сорочкою...

Шиснадцятылитня Катруся втопыла свiй поглядъ
у шыроку Десну, що тече проты віконъ: тыхо, неру-
хомо, наче скло, стоить на Десни вода. Катруся спо-
стерегае, якъ тыхый, весняный вечиръ спускаеться на
землю: самъ винъ спочыне и людей праспыть... Кат-
руся дывыться, якъ чыясь невидома рука разстылае по
небу величезныі сыній кылымъ вечеровои блакыти. Не
зразу, повагомъ, стелыться блакыть; повагомъ вона

густішае, стае сынійшоу; повагомъ увесь край неба зaimаеться темно-сынимъ сяевомъ, мягкымъ, прынадлывымъ, чаривнымъ, вымережанымъ зиронькамы...

Катруся дывыться, якъ за Десною по зеленому лузи стелыться тоненькою намиткою, вытканою нибы зъ павутыння, шырока смуга сывои пары: встае вона зъ вохкого лугу, пиднимаеться вгору, йде выще й зныкае десь у блакыти...

Катруся дывыться, якъ молодыкъ купаеться въ блакытній води Десны. Молодыкъ соромлывый, якъ и Катруся; и винъ и вона свижи, якъ весняный ранокъ.

Молодыкъ глянувъ на Катрусю, всміхнувся, засоромыўся. И Катруся засоромылась: на одну хвылыночку заплющыла свои вельки, сыни, ажъ тэмни очи, облямовани зверху двома чорными брилонькамы, шырокыми, густыми, якъ щитка, м'ягкими, якъ кужиль.

Катруся глянула на небо: тамъ покотылася зиронька, наче по голубій запасци, покотылася малесенька банька жывого срибла. Райова усмишка невыннои молодосты повыла Катрусыны вуста: розкрылыся коралови губонькы и у малюсенькому ротыку молодыкъ помітывъ два рядкы билыхъ, нибы зъ кистокъ слоневыхъ, выточеныхъ перлынъ.

Весняни паходи обдалы землю, обдалы Катрусю и полылыся цивкою по грудяхъ у неи; груды заколыхалыся ще частійше, ще бильшою хвылею...

На двори въ садку зашебетавъ соловейко; голосна писня ёго звінкою луною покотылася по Десни...

Катруся зачыныла вікно; якась чудова сыла потягла іи въ садокъ... Соловейко залывався....

Катруся стоить пидъ густою, зеленою, розлогою лыпою, дывыться на молодыка и выводыть: „Свity, зоре, на все поле”...

Отъ зблыжаетсѧ до лыпы молодый нарубокъ; постать ёго тонка и гнутика, якъ у молодого кленика: самъ винъ свижый, якъ вранци барвинокъ, скропленый росою... Брыль знявъ. Вечирній витрець мое ёму шовкови русяви кучери.

Се-Даныло Сокиль.

- Даныло, ты?
- Вже-жъ никто!
- Якъ забарывся!
- Затужыла?
- Ще-бъ ни; два дни не прыходывъ.
- Зиронько моя!

И взявъ іи за обидви руки: стоить винъ мовчки, та дывыться, якъ по Катрусыныхъ оченятахъ мыгають ясни искры.

И вона мовчыть. Мисяць и зори дывляться на ныхъ... Соловейко замовкъ, не щебече...

Ризностайни вражиння струмкомъ бижать у розчынени навстижъ двери двохъ молодыхъ душъ, двохъ чистыхъ истотъ, бижать та не зупыняться, бо нема имъ тамъ мисця, тамъ и безъ ныхъ повно до вержу вражиння першого кохання; ніякому иншому вражинню, иншому чуттю ниде тамъ захистытысь. Тамъ повно молодого кохання—якъ рожевый пупянокъ чистого, якъ въ гаю на весни повитря, ясного—якъ зори, палкого—якъ проминня сонця.

Дви души занялъ зъ однои искры, горять одnymъ бажаннямъ: одна душа жадає перелытыся въ другу.

Даныло стысь Катрусыни рученята.

- Любышъ?
- До вику...
- Моя, Катрусю?
- Твоя, Даныло!

Невидомою сылою потягло ихъ одного до одного.
Чисти непорочни уста Катруси лысточкомъ прылыплы
до Даныловыхъ усть. Душа перелывалася въ душу...
Соловейко прокынувся, почувши первый звинкій по-
цилунокъ, вызырнувъ зъ гниздечка, глянувъ на непо-
рочне кохання и затѣхкавъ, защебетавъ хвалу весни,
хвалу вичній краси, хвалу першому чистому коханню...

Зирки и мисяць весело всмихалыся.

Звинкою луною котывся поцилунокъ за поцилун-
комъ; по трави, по квиткахъ, по листяхъ, по верхахъ
деревъ и десь далеко, въ неби зныкала та луна, ма-
буть на лони Божои ласки, на лони любови прыроды,
на лони прывиту весны—красы...

Катруся й Даныло цилувалыся впершє. Воны
окримъ самихъ себе ничего не бачылы; земля, люде,
небо, мисяць, зори, все зныкло для ныхъ; воны не
тяммылы, де воны; не розумилы, що зъ нымы; воны
тильки чулы, що въ ныхъ одна душа, одно серце, одно
чутте, одно бажаннє... По жылахъ, по нервахъ, по
всїй истоти воны чулы нову, доси невидому имъ си-
лу... Воны раювали не земнымъ раюваннемъ...

Воны цилувалысь... Воны булы щасlyвымы... А
соловейко щебетавъ:

— Раюйте, впывайтесь чарамы весны, щастямъ
свого весняного вику. Оддайте своїй весни усе, що мо-
жете оддаты; берить одъ нei усе, що посылаете взяты;
вдруге вашои весны не буде. Прыйде друга весна пры-
роды и буде такый самый вечиръ, и той самый мисяць,
и ти сами зори, и блакыть, и соловей, и пахощи, и
весняни чары, та не для васъ!... Другои такои святои
годыны на вашому вику не буде... Кохайтесь-жъ тымъ
коханнямъ, якe чуете, якe сыплє на васъ ваша перша
й остання весна...

И соловейко ще голоснійше зашебетавъ...
А воны цилувалыся...
— Моя?
— Твоя!
И бильшъ ничего. Слова замиралы, уста нимилы...

II.

Мынуло два рокы.

Надъ тымъ самымъ садкомъ спускався тыхый, літній вечиръ. Срибный, оксамитовый свитъ блідого півновыдого місяця сыпляться зъ высокого блакытнёго перекиту на кущи, на дэрева, на свіже сино міжъ деревамы.

И покосы, и кущи, и дерева витають м'ягкий свитъ, ласковый, сумырный; всміхаються ёму прывитною усмишкою. Квітки и листя, писля цілоденної спекы, підвель головки, оглядають вичну красу неба, наче бажають поцилуватыся зъ вечирнимъ новітрямъ, зъ проміннямъ срибного свиту. Дывляться воны веселійше, наче перемінілы и поглядъ и барву... Соловейка нечутно... Ячминъ поколосыўся, соловьи одспівали...

Підъ розлогою, знаёмою намъ лыпою, розислано кылымъ. На кылыми міжъ рожамы и інчымы квіткамы сыдыть жыва квіточка: сынокъ Катруси и Даныла, маленький Павлусь. Воно забавляеться квіткамы и лєпече:

— Ма... ма, ма-ма!...

Катруся не всыдила и обсыпала Павлуся поцилункамы и въ голову, и въ рожеви уста и въ пухляви рученята.

— Воно наше... наше... наше!

— Наше! — видповивъ Даныло, цилуючи жинку.

— Ми ёго зростымо, выпестымо; виддамо до школы, до гимназіи, до университету, вывчиться, буде учитеlemъ!... Ни, не учитеlemъ, ликаремъ... Ни, ни, нехочу ликаремъ—винъ буде професоромъ... Тоди одружымо ёго; буде у насъ невисточка молода, гарна, добра, ласкова, любитиме насъ. Дождемо внукивъ, я тишитыму ихъ, доглядатыму, и буду песттыи ихъ... Такъ, Даныло?

Даныло замисть видповиди обнявъ Катрусынъ станъ: прыгорнувъ іи до грудей.

— Яка ты гарна, Катрусь!

— Бо щасlyva.

— Ты мое кохання...

— Ты мое щасте!...

Катруся впилася въ Данылови вуста...

— Ма... ма, ма-ма! — щебетавъ Павлусь.

— Дывись, Даныло! дывись на Павлуся, увесь въ тебе, якъ вылый батенько: и очи твои соколыни, и чоло твоє широке, и кучери твои; увесь, увесь ты...

— А губоньки твои...

— Ни твои; ни, одна твоя, друга моя. Люба моя дытыно, сонечко мое, надія моя!

Неня прытысла до грудей дытыну такъ, що воно ажъ скривилося.

— Помалу бо, Катрусь, ще задушышъ!

— Колы-жъ я ёго люблю такъ, такъ, такъ... Не вмію и вымовыти якъ...

— И мене любышъ?

— И тебе, и тебе, и ёго и всихъ — усихъ на свити люблю! Такъ мини усе мыло, такъ усе любо, така я щасlyva, що й не сказать...

И зновъ руки округъ шыи, груды до грудей, уста
до усть...

— Часть, Катруси, до хаты, Павлусь спатонькы
хоче.

— Охъ, якъ не хочеться мини! Тутъ-бы биля тебе,
на отому мисци все сидила, та сидила, та на тебе, на
Павлыка дывылася, та цилувала-бъ вась, мыловала...
Вы мои люби, вы мои мыли, дороги мои...

Сяево мисяця впало на Катрусыне лыце и зустри-
лося зъ сяевомъ іи щастя. Катруся й Даныло пишли
до господы.

Воны булы щасливымы...

Биля Катруси було іи кохання; на рукахъ у неи
іи надія...

А на души въ обохъ ясно, тыхо, тепло...

III.

Прыйшла зима. Мынулы Водохрыща. Чыстый,
жвавый, зимовыі вечиръ залигъ надъ селомъ.

Вся земля округъ села, уси дахы убрались у
срибно-билу бlyскучу одежду; дереві замисть зеленыхъ
шапокъ, оздоблені пышнымы, срибнымы шатамы: на
шыбкахъ у викнахъ старый дидъ—морозъ повыводывъ
чудови лысычки—везерунки.

На двори тыхо, наче въ уси; морозъ крепыть, шпа-
рыть, голосно лунае — рыпты, наче просыться, щобъ
меншъ давылы ёго; снигъ пидъ полоззямы и пидъ
чобитъмы людэй скрыпивъ, наче плакавъ.

Велычаво дывыться на село сyne небо, дыше воно
не веснянымъ прывитомъ ласкы и жыття, а холодомъ
смерты.

Катруся бавыться зъ Павлусемъ: дытына розкыну-
лась на лижку, жде, щобъ неня полескотала.

— „Тутъ пень, тутъ крыныця, хутъ холодна во-
дыця, дай мини напыться!“

И зъ сымъ словомъ Катруся посыпала дрибни
одынъ за однымъ поцилунки сынови на груды. А ды-
тына регочеться; срибнымъ гукомъ бренить той регитъ.

Ущербленый мисяць радъ-бы зазырнуты у викно,
полюбоваты раюваннемъ молодои нени, але морозъ за-
тульвъ шыбкы такымы густымы лысыцямы, що черезъ
ныхъ зъ надвору не видно, що діється въ хати.

— Тато, тато! — въ одынъ голосъ промовыла маты
зъ сынкомъ.

— Павлуню! — озвавсь Даныло и поманывъ ёго
до себе. Дытына простягла до батөнька рученята.

— Геть, геть, ты зъ холоду, нагрійся спершу!
Змерзъ?

— Не дуже.

— Пидпалы скипки въ комини, я прыготовыла
для тебе.

Скипки розгориłyся, затришалы; полумья гадю-
кою въеться въ бовдуръ; искры летять въ гору; огонь
зъ червоной сутини перелываеться въ сзызу, въ сыню,
въ блакитну, въ блиду; то полохлыво вызырне по-
лумья на хату, нибы витае Даныла та Катрусю, ю-
сیدять проты вогню,—Павлусь на рукахъ у нени—то
зновъ неначе засоромыться, сковаеться, швыдче вти-
кає зъ дымомъ въ бовдуръ. Даныло схылыў голову
до Катруси на плече и не зводить очей зъ вогню;
скипки тришать, искры въуться одна за одною, наче
закохани метелыкы. Даныло гадае про сына, про свою
долю, видъ тыхъ думокъ ёму такъ мыло!.. Винъ по-
рынае въ мріяхъ, въ сподиваню, въ надії!.. Передъ
нимъ стають прегарни малюнки будущыны ёго сына-
професора .. Даныло дримае...

— Втомыся? — пытає Катруся.

— Не вельмы.

— Уважно слухалы тебе?

И Господы, якъ! повнисенъка хата людей. Ниде було яблоку упасты.

— И що-жъ?

— Добре... буде робота... будуть жныва, буде й заробитокъ.

— Бай, бай, бай!.. а! а! а!.. — заспивавъ Павлусъ.

— Заразъ, сыночку, заразъ спатонъки.

Павлусъ спыть.

Ясно и весело горыть свитло въ Даныловій хати; Даныло сидыть за столомъ, на очахъ у ёго жвависть и надія. Катря схылыла голову ёму на плече и такъ пыльно дывыться на ёго, буцимъ хоче очи выдывыты. Надія ихъ ростуть, шыршаютъ, лышаються... золоти надіи. И здається имъ, що недалеки ти надіи... Нехай тильки Павлусъ пидросте...

Поглядъ Катри упавъ на лижко, дє спочыває іи дытына, іи думки, надія, щастя... Гости, чорни віи закрылы Павлусеви оченята; рожеве, пухляве лыченько пашыть здоровьямъ; каралеви устонъка дышутъ спокоемъ невынної дытыны...

— Даныло, глянь на Павлуся, який винъ гарный. Якъ рожевый пупъяночокъ!

— А цыть! що воно?

Пидъ воритъмы скрыпили сани. На прысьби пидъ викномъ загавкавъ собака и прожогомъ кынувшись до воритъ. Що силы гавкае винъ, ажъ вые, наче на сироманця. По голосу знаты, якъ винъ лютые, кынеться, и назадъ... Даныло до викна: за лысыцамы ничего не видно, чутно тильки, якъ снигъ пидъ ногамы рипыть... Килька человека йде до дверей.

Въ хату вступыло килька чоловика, несподиваныхъ гостей.

Катруся кынулася до лижка дытыны. Дарма, ненечко! Воны не зачеплять твои дытыны: воны не злодіи, не розышакы: не красты, не грабовать воны прыбулы. Воны ничего зъ твои худобы не займуть. О, воны батькы, у ныхъ есть свои диты, воны добре тямлять, шо значыть скуёвдыты середъ ночи дытыну; можна перелякаты...

То прыхалы люде забраты Даныла кудысь далеко предалеко... може... на яки заробиткы... Маты злякалася и заголосыла.

Дытына прокынулась, заплакала.

Не гости, а маты збудыла Павлуся...

Катруся вхопыла ёго, прытысла до лоня.

Не бійся, нене, твои несподивани гости не займуть твого сына; винъ ще малый... Онъ, бачъ, якъ прывитно дывыться на Павлуся отой старшый, билявый, зызоокый. Винъ простягає до Павлуся свою руку, хоче погладыты ёго по лыченъку, а Павлусь такий неввичлывый, видхыляеться, крычыть проби: „геть, геть, вова!“ И тулыться до теплыхъ грудей матери... Павлусь не разуміе, чого у нени такъ не звычайно гарячи груды; чого воны такъ хвылюються, чого въ ныхъ такъ вельмы бьеться, ажъ трипочеться серце.....

— Рушаймо!

Рыпнулы дваи; завывѣ собака, застогнавъ пидъ ногамы снигъ, заголосывъ витеръ; сумъ хмарою заславъ Данылову хату: у жинкы вырвалы дружыну — у сына однялы батька...

Павлусь заснувъ, Катруся прыпала до подушки; вона мучыться думкамы, серцемъ, усимъ чуттямъ, усею

истотою и усима силамы пыльнуе не зарыдаты, що-бъ
не розбудыты сына...

Сумно, тыхо, журлыво въ хати...

На неби мисяця не выдно...

IV.

Мынула зима. Пташечкою пролетила людямъ весна
и лито, а для Катруси и кинца имъ небуло... Довги
воны, довги безъ Даныла.

Прыйшла осинъ... Вечиръ на двори...

Сыви, каламутни, сувори, непривитни хмари за-
слалы олывъянымъ кылымомъ усе небо. Нигде жадной
щилынки не знаты, щобъ кризь неи пробылася блакыть,
вызырнувъ мисяць, оглянувъ гришну землю. Ничъ...
Буйный дошъ горохомъ торохтыть по шыбкахъ, пив-
ничный, хыжый, сердытый витеръ лютуе, вые, неначе
голодный вовкъ квылыть — голосыть, наче маты надъ
сыномъ одынчыкомъ... Сумъ и тугу наганяе на душу...
На двори темно, мокро, холодно, сумно...

Ще холоднійше, ще темнійше, ще сумнійше въ
Катрусыній души...

Блида, худа, невымовно журлыва сидыть Катруся
и дывыться то на сынове лижко—тамъ жывою квиточ-
кою спыть Павлусь,—то на Данылове лижко—тамъ ле-
жыть, вмирае іи кохання, іи щастя...

Позавчора Даныло вернувся зъ далекихъ заробит-
кivъ. Довго зароблявъ—цилыхъ девять мисяцivъ.

На тыхъ заробиткахъ Даныло занедужавъ и не
здолавъ уже самъ прыхаты, — ёго прывезлы... Яка
добристъ хазяина!

Не здужавъ зъ воза злисты — ёго бережно знялы и
легесенько внеслы у хату, положылы на лижко...

Ликаря-бъ!

На що? Ликаръ тры мисяци гоивъ вже ёго, дарма!
Пошматованого серця, розбытои души не выгойти
ликарь...

Дывлячысь на Даныла — сказавъ-бы: се мрецъ,
мерця прывезлы; ни, винъ ще дыхавъ, кашлявъ, ды-
вывся ще тоди, якъ внеслы ёго въ хату... Дыхавъ,
хочь ничего не тымывъ... Жинкы, сына, господы не
познавъ...

Въ головахъ у Даныла горыть воскова свича, два
бабуси доглядають смерты. Катруся нимо прыпала до
тыхъ грудей, дѣ жыло іи кохання, іи щастя. Вона не
плачо. Ничымъ: уси слёзы выплакала.

Витеръ сумно завывъ, заголосывъ; зирвавъ зъ про
гоныча виконыцю...

Павлусь проқынуўся безталаннымъ сыротою...

Простягъ рученята до нени, клыче іи, а маты
вдова не чуе... Ни, вона чуе, та не одирве своихъ
устъ видъ теплого ще трупа...

Де-жъ ти надій?

1897.

Марта Перепичка.

Марту Мыхайловну Перепичку я спизнавъ давно:
литъ тому двадцать буде; я тоди бувъ молодымъ
парубкомъ, а вона дивчыною литъ шистънадцаты. Гарна
була зъ себе тоди Марта Мыхайловна, або якъ звалы
іи Мартуня! просто-козырь-дивка; краса-на всю губу!
Зростомъ высока, станъ стримкий, тонесенькый; плечи
шыроки, закруглени, били,—наче снигъ, рученята маню-
сенъки, кожа на ихъ такъ и одлывала блидорожевымъ
колиромъ! коса—товста, довга, чорна ажъ темна, наче
ничъ! якъ вплете було стрички, та спустыть, такъ трохы
не до самой земли... чоло шыроке, пряме, не мовъ вы-
точене, а пидъ нымъ гнулыся бровы, наче два чорни
пъявки, обываючи велыки очи зъ 'довгымы віямы.
Ой! що то за очи булы!.. згадаешъ ихъ, такъ и теперъ
помолодіешъ! темно сыни, наче крыло у ворона, а пог-
лядъ!.. погляду ихъ зъ роду—зъ вику я не забуду! Ма-
буть, колыбъ вмерши, я вставъ зъ гробу, тебъ першымъ
диломъ згадавъ Мартунины очи! такого погляду я нигде
и ни въ кого не бачывъ... Гляне було Мартуня—такъ
зъ очей у неи ажъ искры летять; а на самого тебе наче
хто прыскомъ сыпне!.. Дывышся, мовчышъ, ничего не
промовышъ докы, не зведе вона зъ тебе свого палкого и

палючого погляду... такъ наче хто въ тебе ричъ одбере, немовъ заниміешъ! Якась чудна небесна сила була у Мартуниному погляди?..

Що-жъ дывного, що я закохався въ Мартуню? дивно було-бъ, колы-бъ не закохався въ таку красу. То було перше мое кохання: не вернеться воно! Ни!.. перше кохання и перши муки не вертаються. Тай добрѣ! цуръ ёму? що колы-бъ у сорокъ лить, та такымъ клекотомъ заклекотила кровъ, якымъ вона клекоче у двадцять лить! гай, гай! хто ёго зна, щобъ тоди и робывъ чоловикъ!.. Двадцять лить мынуло, а й доси, наче сёгодни, памъятую, якъ трэмтило, якъ булося у мене сердце до Мартуни.—А якъ стысне було вона у мене руку, такъ завжды було вхоплюсь другою за ливый бикъ... такъ якось не хотя, мымоволи, нибы треба було прыдергать сердце, щобъ не выскочыло...

Отъ же й не побралися мы, а чому? Такъ соби!

„Не вси-жъ тіі винчаються, що вирненъко кохаються“...

Разъ пры мини Мартуня стусонула межы плечи дивчину, за те, що не швидко подала ій рукавычки. Се було ще за крепацтва, такъ тоди зъ слугамы не панькалися такъ, якъ теперечки. Ни, тоди було малесеньке паненя, ще матерыне молоко не обсохло у нёго на губахъ, а вже й воно бъетъця...

И хто ёго знає, чого я за той духопелыкъ не злобывъ Мартуню? служанкы мини не жаль було: я зневъ, що у неї плечи прывыкли до духопелыківъ и сама побыта ничего не промовыла, навить не скрывалася, навить и выду не показала, що одъ Мартуниного духопелыка—стало ій—або боляче, або соромно. Отъ же не злобывъ я Мартуню, тай годи; швидче попрощаюсь зъ нею, вернувшись до дому, та, ни зъ сёго, ни зъ того—

въ слёзы. Молоди слёзы не дороги; тымъ-то мабуть и румсавъ я довго, наче мала дытына; румсавъ! ажъ докы не стомывся и не заснувъ. И неня й сестры пытали: чого плачу? а я мовчавъ, та плакавъ; такы й самъ добрѣ не знавъ — чому плачу? Выплакався, выспався добрѣ, а другого дня подався геть-геть далеко видъ Мартуни. Та ото такъ и не стричався зъ нею, навить и не чувъ про неи ничего цили двадцять лить, ажъ докы зновъ не вернувшись до ридного хутора.

Хутиръ мій не далеко того села, де жыла й доси жыве Мартуня; земли наши межа въ межу.

Вернувшись на хутиръ, якось пусткою несе видъ ёго!.. матуся померла, сестры пишли мижъ люде; будынокъ похылылся; на клуни солома попровалювалася, кроквы свитяться; у колодязи дубова соха зтрухла, а й товста-жъ була... въ омшаныку порожни улыкы, а колысь булы зъ медомъ и зъ бжоламы, теперечки чмели та шершни жывують... Горожу кругомъ обнесено на топлыво, хочъ на вкругы шумлять гаи... И вербы на гребли повсыхалы. Недыво! двадцать лить мынуло, а двадцать лить у насть викъ цилого поколиння! Все старіе; одынъ тилько часть, хочъ и швидко мынае, а не старіе; винъ зате людэй старыть. И мене винъ зистаривъ, а може й не одынъ винъ, не безъ того, що й людэ докладалы рукъ...

Зистарився и пасичныкъ мій Васыль Чмиль: покынувъ ёго чоловикомъ не старымъ, въ сыли, пры здоровью, а теперъ, онъ який згорбленный; голова якъ лунь; борода въ сметани; самъ насылу переступае зъ ногы на ногу; пидтоптався, охлявъ. Каже: и въ ёго було свое лыхо; и винъ выпывъ дvi неповныхъ: жинку поховавъ, сына взято въ некруты, дочку выдавъ замижъ, здавалося и добре выдавъ, а вона взяла, та й повисылася...

Лышывся Васыль самотою: и бжолы перемерлы и любыма ёго собака Ратуй—взяла та й здохла...

— А я ще вештаюсь, говорывъ до мене Васыль, та вже не довго; бачу, що вже на Божій дорози стою, хуры своеи чекаю... Та й вы, добродію! подалыся: онъ—голова лыса; хто-сь на чоли—раломъ пройшовъ, лыце—наче клынове листя пидь Покрову!.. а чи такымъ вы булы, якъ... памъятаете?.. ходылы до Марты Михайловны...

— Лита, Васылю!..

— Еге! лита... хиба ваши лита яки? Лита... гм!.. знаю я лита... А Марта Михайловна часто нагадує про васъ, де тилько стринемося—перше слово—про васъ.

— Щожъ вона? жыва-здорова?

— Дивує й доси... воно-бъ сказать не то пора, а й пора перейшла, такъ наче замовлено: и женыхивъ багацько було; траплялыся и не абы-яки люде! прысватувався и вашъ шурякъ; не пишла и за ёго: удовецъ, бачте... Усе перебирала, вөредувала, отъ и довередувалась; теперъ рада-бъ обиручъ, хочъ-бы й за старого, та ба!.. Васыль хытро подывывся на мене и додавъ: усе на васъ сподивалася, а якъ почула, що й вы одружылышя, та й остання надія пропала.

— А маты іи? батько? жыви? пытаю.

— Де тамъ! давно перемерлы... сама соби живе; зъ-убожила вельмы... Та вы-бъ може поихалы, провидали іи.

— А що ты думаешьъ? справди, чи не поихать.

— То-то-бъ зрадила — панночка!..... Поихавъ.

Колысь биленький, чепурненький будынокъ Перелички—стоявъ теперъ сумно, трохи похыльшившись; та такий карявый, рудый, не побиленый... На широкому двори, дѣ красовалася шовкова трава, рута, рожи и море

всякихъ квитокъ, тамъ навалено теперь цили ожереды тоненькихъ гилокъ, начухранныхъ зъ березового хворосту. Передъ рундукомъ розистлани рядна, на ихъ проты сонця сохнѣ квасоля; биля ряденъ сидѣть стара баба и пряде куделю, заткнувшы за поясъ гребинъ. Ворота въ дверь замкнуты; въихать въ дверь не можна. Я одчынывъ хвиртку. Велычезна чорна-чорна собака, що лежала биля ряденъ, почувшы, що ляпнула у хвиртци клямка, прожогомъ кынулась до мене. Я мершій хвиртку на клямку, та й гукаю:

— Проведить, бабусю!

— „Идить, идить; нѣ бійтесь; вона нѣ порве: цу-цу! цу-цу! Чухрай“... А Чухрай и вухомъ не веде, та гавкає, съчетьця до мене черезъ хвиртку, ажъ скиглыть.

— „Чухрай!... Чухрай“! гукала баба: нѣ слухає; „бодай винъ опрягся! Щожъ оце мини робыты? вража собака нѣ слухає, а мини не можна одъ квасоли одійти, з'разъ свыня такъ и накынетьця. . Чухрай“!!

— „Пиды, Вивде! проведы; озвався хто-сь изъ за перелазу, я й сама подывлюся за квасолею, иди швидче“.

Баба взяла лозину и почала проганяты Чухрая.

— Чи дома, Марта Михайловна? пытаю я.

— „А тожъ де! онъ воны биля перелазу. Идить идить... Чухрай не займе“.

На первому ступни рундука, на которому инде протрухлы дошки, стояла моя Перепичка, въ билій хусточци поверхъ головы. Глянувъ я на неи-и здывався: самъ своимъ очамъ не вирывъ. Боже мій! не вже-жъ оце справди я бачу прежню Мартуню! Де дилося іи свиже рожеве лыце? де взялося у неи таке худе, жовтозелене? Хиба у Мартуни булы таки сыни дуги пидъ очыма? Хиба у неи булы отаки кистляви, засма-

лени, ажъ червони руки? Та чи Мартуня се? Придывляюся, глянувъ въ вичи... вона, вона! моя прежня Мартуня! іи очи, іи поглядъ; я пизнавъ ти очи, я почувъ той прежній поглядъ...

— „Здорови булы, Марто Мыхайловоно“! кажу до неи.

Дывыться вона на мене, прыдывляеться, пизнае...

— Що? пытаю: не пизнаете?

— „Колыбъ не вклепаться... пизнала! пизнала! по голосу пизнала“... Зъ Мартуниныхъ грудей вырвалося тыхе глыбоке зитхання. „Боже! якъ же вы переминилься! просымо-жъ до хаты... хата знаёма вамъ“, и зновъ зитхнула.

Вступылы въ хату: шпалеры полынялы; на помости скризь лысыны; на стели руди плямы, выдко, що дошъ пробывався въ хату... двери перекосылься на бикъ; у викни—двохъ шыбокъ нема; замисто ихъ сыній цукровый папиръ... цвилью отдае...

Силы... канапъ знаэмый... Марта Мыхайлова вставыла въ мене свои очи, жалибно, хытала головою... мини здалося, що очи у неи вохки.

— „Не такымъ я вясь знала, не такымъ! говорыла Мартуня, и зновъ здалося мини, що голось у неи тримтыть, чуеться якась сумна, жалибна нота...“ Та й постарилы-жъ вы якъ! .. и лысина... на всю голову лысина!... а дежъ ваши кучери? чи въ снигахъ, чи въ степахъ? ой, ой! онъ и на вусахъ иней!... И я вже не та стала, ни!... ой, лита, лита“!... Перепичка зитхнула и спытала: „чи давно-жъ вы прыихалы въ наши лиса? чи на довго?“

— „Не знаю ще... може и зовсимъ“.

— Господь зъ вами! ажъ скрыкнула Марта Михайловна, хрыстячы мене, кто іи знае на що. Де такы вамъ жыть отутъ у нашихъ вертепахъ!

— Чомъ же мини тутъ не жыть? вы-жъ живете.

— „Я!... я що инче! та й яке вже мое жытте!... абы день до вечора!“ — Мартуня зитхнула и вытерла очи.

— Що-жъ у васъ нового? спытавъ я и спытавъ рады тилько того, щобъ що сказаты, щобъ мовчки не сыдиты.

— Хиба за двадцать лить мало нового? всёго й не згадаешъ... Коверзуна Ёсыпа зналы? спытала Перепичка.

— Знававъ; ашо?

— Пропавъ... лить десять бувъ опекуномъ надъ Торбынымы дитъмы и худобою... ну, звистно... кравъ, переводывъ, шахрувавъ сырятське добро, покы сыроты рослы, а вырослы — кажуть: давай одчитъ... А який тамъ одчитъ, колы винъ все „опикъ“!! не давъ; отъ ёго пидъ судъ, та въ тюрму засадылы; посыдивъ винъ мабуть билъшъ пивроку, та выдко не смашно пидъ замкомъ; не дождався докы судъ выйшовъ; отруты прынявъ; мышъяку чи що... Отъ же затерлы, замъялы: прычинна, кажуть, вдарыла... яка тамъ прычинна! нехотивъ чоловикъ на Сибирь иты — отъ и прычинна... А Лисоваго Семена не забулы?

— Ни, а що?

— Спывся зъ кругу... въ старцяхъ теперь... И Телычка пропавъ: зазнався бувъ, дали зъ жыдовокъ знююхався; цукровый заводъ завивъ, вынныци, ставъ горилку гнаты, та всю худобу черезъ барабанъ и перегнавъ... продалы усе! самъ теперь-же на Лытви акзызыкомъ, жинка вмерла... На що вже добрый хазяинъ

бувъ Чайка и той звився, жебракомъ жыве... усимъ теперь якось тяжко... усимъ не зъ медомъ!!.

— Чому се такъ?

— Порядкы нови пишли, отъ-чому! крестьянъ одибрали; якесь земство завели; мырови суды; школы и все таке нове... найгиршешъ безъ крестьянъ... Ну, вже колы на те йшло, колы така вже царська воля---некай, некай-бы людѣй одбирали, та земли не зaimалы... Земля наша, а то ще й землю пообразували, шо на надили, а шо на межованье. Межовыкы заризали насть безъ ножа... хто смиливый, та зъ-тovстою кышенею, тому по одмежовували и гаи и синожати, и черноземъ... зныщилы насть... А тутъ ще оте земство додає свого-- нови налоги выдумує: усе платы, та платы; а зъ чого ёго взять? Крый Боже, якъ тяжко стало жыть! Не прыведы Маты Божа!...

— И вамъ тяжко?

— Мини?! та мини ще вдесятёро гирш... Я наче муха въ окропи. Хиба не знаете? сырота, одынока, зъубожила, доходивъ нема, було земли 200 десятынъ; сто на надили одибрали; 30 продала на прожитокъ... Ажъ вы памъятуете — за покійного батька у насть карета була, на конюшни два шестерыкы стояло, у простижъ іїздылы, а теперъ драбынчастый визъ, безклуба кобыла, та й тіei никому запрягты... Воливъ було тры плугы, теперъ и поганого назымка нема... коривъ було десять--усихъ чума позабирала. Тяжко... Оце збираюся продать останню землю и дворыще, та пиду въ чernыци...

— Що вы, Марта Михайловна! чого вамъ въ чernыци?!

— Душу спасать... нe можна тутъ жыты; ни зъ чого жыты...

— У васъ-же гаи таки добри...

— Що гаи! теперь гаи гныют; онъ гляньте сколько на двори хмызу гыне! Колысь то все гроши булы,—теперь гные. Прывезутъ березыну зъ гаю, почухраютъ, цивка на дрова йде, а хмызъ гные, а колысь за ёго добри гроши платылы...

— Хиба хто куповавъ березови ризки? Спытаў я.

— А якъ-же! ще якъ куповалы: и станови куповалы, и въ земський судъ и въ полыцю, особливо инвалидныі начальныкъ багато забираў.

— На що?

— Трэба було, хиба не знаете?... Сиклы... чи солдативъ, чи злодіивъ, чи просто людэй... ризки треба; отъ було—у нась и купують... А теперь—на що,—колы никого сикты? теперь, бачте, уси панамы сталы, быты не можна... Охъ-охъ! до чого воно все оце доведе—одынъ Богъ про тё знае.

Замовклы. Здавалось ни про що вже й размовляты.

— Чи не купылы-бъ вы у мене сёго добра? Спытала Перепичка, вказуючи пучкою на дверь.

— Якога добра? дворыще?

— Ни, хворосту.

Я здвыгнуў плечыма тай кажу: на що-жъ минити ризки?

— Не все ризки, минь нымы е й хворость.

— Та на що-жъ винъ мини?

— Въ хазяйстві всяка ричъ згодытьца; въ доброго хазяина ни що не пропаде: на топлыво, або на що инче повернете... купить! дешево продамъ, по четвертаку-бъ за визъ отдала... купить.

— Та на що-жъ винъ мини, одмагався я, у мене свого лису доволи.

— Знаю, знаю, але свій ще треба рубати, а се вже готовый, сухий... Може на греблю треба.

— У мене гребли нема.

— Знайдете де прыткнуть, абы охота была купыть.

— Колы-жъ не треба.

— Шкода, велыка шкода! а я думала... сподивалася, що хочъ вы поможете мини беззаштній сыроти... ажъ бачу... пропаде хмызъ, шкода! Може зна-те кому порадыть, щобъ купывъ? На зализну дорогу чи не күпилы-бъ?

Тамъ ризокъ не треба.

— Теперъ, кажуть, хворость въ цини... вы свій почимъ продаете?

— Якъ до хворосту: и 4 и 5 карб. за сажень, такъ у мене-жъ настоящій хворость: — дубовыі та лисковыі.

Поговорылы ще трохы: я вже збираўся до дому, ажъ ось пришла якасъ молодыця: очипокъ на бикъ, лыце въ сажи.

— Чи не пора пырогы выйматы зъ печі? Спышала вона Нерепичку.

— Охъ мини лыхо! скрыкнула Марта Мыхайловна: заговорылася, та й забула! пропалы пырогы, певно— перепеклыся! а ты соби, Гашко, й байдуже! у!... чого очыма блымаешъ? иды, иды, та швыдче выймай, вынявши зъ печі — прямо въ решето, та заразъ-же и прыкрый подушкою... чуептъ? швидче бо, швидче.

— „Поспіемо“, одповила молодыця и повагомъ выйшла.

— „Бачу, що вона занивечыть мини пырогы, треба самій. Выбачте! я на одну годыночку“. Зъ сымъ словомъ Марта Мыхайловна потюпала въ кухню.

А я глянувъ въ садъ: скризь пустка — кропыва, бурьянъ ажъ гудутъ! груши, яблуны, чёрешни на половыну повсыхалы... нө весною жыття, а зимою смөрти віе одъ саду!...

— Чого сө вы взялыся за шапку? Сказала Перепичка, вёрнувшись зъ кухни.

— Пора до двора.

— И нө думайтө сёго! двадцать лить нө бачылыша, та такъ-бы то на годыночку. Ни, нө пущу одъ пырогивъ. Заразъ прынесуть.

Тажъ сама молодыця внесла повну мыску гарячихъ пырогивъ.

— Прошу покорно! прызволяйтесь... «сама мисыла», говорыла Марта Мыхайловна, всажуючи мене за стилъ. Нө зъисты пырога—значыть въ саме сердце вразыть Марту Мыхайловну. Я прысунувся до пырогивъ, а вона пидкладувала мини сметаны и гордо рассказывала, що никто въ сусидстви нө вміє пекты такихъ пырогивъ, якъ вона.

— Я чула: вы вже жонатый? спытала Перепичка, пыльно дывлячысь на мене.

— Жонатый.

— А я й доси дивую... нө выбрала по вподоби... сумно одній и стара вже стала, а нө прывыкну... може-бъ якъ бы бильши достатки, та менши налоги, тобъ...

— „Со духи праведныхъ скончавшася“... почучося десь недалечко.

— Се сусиду мого — Грыцька Соломаху ховають, промовыла Марта Мыхайловна: Вична ёму пам'ять и царство небесне!.. Добрый винъ чоловикъ бувъ, та чудный; такъ чудно и вмэръ... Вы не зналы ёго?

— Не доводылося.

— Е, чудный бувъ чоловикъ!.. винъ зъ козакивъ. И що за вдачный чоловикъ бувъ, такъ хто ёго зна, чи ѹ є дѣ другий такый! ничому не вчывся, а все знатъ: винъ и швець, и кравець, и маляръ, и стельмахъ и ковалъ, а якъ треба, такъ и пичъ складе. Земли властнои у ёго — Биг-ма! винъ безбатченко, сырота; зъ себе вдатный, якъ вылыштый, якъ намалеваный... у прыймы прыставъ до багатырки. Жылы ничего соби, а дали жинка возьмы, та й запый, почала по шынкамъ ходыть... Усе що на соби, до самои сорочки пропье. Винъ іи просить не пыть, а вона ще гиршe. Пыла, пыла, тай повіялась... Красыва зъ себе була, румъяна, статна. Стала повію. Станового прычаровала до себe... Грыцько догадався: давай сочыть... пидстеригъ, застукавъ у клуни, та дегтемъ и вымазавъ становому голову, а жинци ни слова... дурный! дебъ — іи сполосовать одъ шыни то пяты, а винъ станового... хиба станового вына. Отъ-же прочувъ исправныкъ... станового взялы кудысь въ друге мисто, а за Грыцькомъ якусь провыннистъ знайшли, та й засыпалы нышкомъ березовои кашы... Зъ сёго-бъ то Грыцько й соби запывъ, та зъ перепою и Богу душу оддавъ. Не вынись-бы то сорому... я сёму не вирю: великий тамъ соромъ!.. колысь не такъ сиклы, а прылюдно, на кобыли... Просто зъ дання спывся: жинка пиднесла...

У мене стыснуло въ грудяхъ: чи одъ пырогивъ
Марты Мыхайловны, чи одъ чого инчого... не скажу.
Я взявъ у руки шапку.

— Та посыдьте-бо ще хочъ трошечки, — упрошу-
вала Марта Мыхайловна.

— Ни, часть до дому.

— Колы-жъ побачымось?

— Будемъ жыви — побачымось.

1873. p.

Бабуся Харытына.

Бито на двори... Въ літку я рано встаю, ще до східъ сонця, щобъ полюбоватыся, якъ писля ночи ожывае и прырода, и звирята, и птыци, и люде.

Отъ вставъ я раненько, походывъ у лиси, бувъ и въ поли; стало прыпикать сонечко, я до господы, въ холодокъ.

Иду — биля ворить на колодци куняе мій старый Опанасъ.

- А що? прыпикае? пытае винъ у мене.
- Пече такы добрэ, мабуть дошъ буде.
- Буде, та не сёгодни.
- Ты якъ се знаешъ?
- Росяно вельмы було уранци и жовна сёгодни не кричала.

Я николы не суперечу Опанасови: добрэ знаю, що ёго никто въ свити не переспорить; а до того ще й розварився вельмы, упривъ; сорочка хочъ выкрути. Тымъ-то я вже й не розводывъ бесиды зъ Опанасомъ, а швидче въ хату. Колы и винъ за мною.

- Може обидатымете? пытае.
- Рано ще.
- Рано—колы не дано; а колы каша вприла, такъ и пора прыспила... Обидайте, а то борщъ перепріє.

— Дай хочъ трошечки спочты.
— Та силькись же! покы се та те, такъ и спочинете.

Пообидалы. Що-жъ ёго робыты, ще тилько пивдня!.. Спека така, такъ варыть, що ни за книжку, ни за перо не можна взятысь... Лигъ я въ холодку, пидъ грушю и тутъ душно, та ще й мухы капостни не даютъ спокою.

— Ты-бъ у клуню пишовъ на сино, тамъ и не душно и мухъ нема радыть жинка.

— Справди—питы лышень.

Забрався я на самый верхъ у засторонокъ: славно такъ; сино свиже, пахуче, такъ и виддае видъ ёго чебрыкомъ, материшкою. Отъ, думаю, спасыби жинци, що напутыла, а тобъ вертився пидъ грушю, та зъ мухамы воювавъ; а тутъ любо такъ! Лежу соби, роскошую. Колыжъ прыслушаюсь, щось шамтыть на засторонци у прычилку.

— Хто се тамъ? пытаю.
— Нихто другой, якъ я, одповивъ Опанасъ.
— Що ты тутечки робышъ, Опанасе?
— Те-жъ саме, що й вы, видъ мухъ скованыся. Качаюся соби, та згадую колышне. Чи знаете, про що отсе я нагадавъ?
— Кажы, про що?
— Е! бағацъко говорыть, та ничего слухать! скилько у насть въ П. було знаёмыхъ, прыателивъ; двери було не зачыняются; у зимку хаты було не натопышъ, дровъ не настачышъ, а теперъ!.. де то ти прыатели дилыся? Перевельсь, мовъ и не було ихъ...
— Повмирало багато.

— Говорить!.. не безъ тогоб щобъ хто и не вмеръ, але не багато вмерло: чоловикъ зъ пьять; а останни? де воны?

— Хто въ Кыиви, хто въ Москви жыве.

— Та се я й самъ знаю; але не про те ричъ! вы скажить мыни отъ-що: хто лышився тымъ, чымъ бувъ тоди? Хто? може чи не отой червоный Иванъ Сычъ? винъ такы справди походыть на сыча, не говорыть, а сычыть. Якъ було правыть колысь, а теперъ—чи чулы ви?—въ исправныки пишовъ?!

— А Илья Обуховычъ? забувъ про ёго?

— Дежъ про ёго забудешъ, колы винъ теперъ орудуе банкомъ... зъ жыдамы за одно, земельный банкъ выдумавъ...

— А Джигунъ? той не змылывъ и не змылить...

— Тилько-жъ винъ одынъ, а то всихъ потягло до нажывы, до грошей... На що вже наша виковишня „скеля“ Харытына и вона подалась... потягло и іи.

— Що-що?

— Хиба не чуете? Харытына наша: була вона настоящий Кузьма „бесребреникъ“, а теперъ пустылася торгуваты акціямы.

— Невидъ що верзешъ ты, Ованасе!

— Не вирыте! сами побачыте; я бильшъ ничего не скажу.

Ованасъ замовкъ: я зналь, що винъ вдатны^й на выгадки и не хотивъ ёго роспытуваты. У вечери того-жъ такы дня сижу соби пры свитли, та позихаю: може-бъ и спаты часъ, думаю. Ажъ ось тыхесенъко одчыняются двери: дывлюся—наша бабуся Харытына просунула свою голову, повязану билою хусткою.

— Чого ты, бабусю? пытаю.

— Не спыте ще?

— Якъ бачышъ, а що?

— Дило у мене е до васъ. Можна зайты? не по-
мишаю?

— Заходь!

Харытына ввійшла, стала биля одвирка; однією
рукою пидперла ликоть другої руки; а долоню другою
пидставила пид щоку.

— Се въ тебе, бабусю! зновъ зубы розбираються?

— Ни! въ добрий часъ поговорыть, въ лыхый по-
мовчать: якъ занимилы на Купала, та й доси мовчать“.
Харытына трошки помовчала: „я, отсе, не во гнивъ
вамъ, що середъ ночи прыйшла: дило е до васъ.

— Кажы яке?

— Не абы яке!.. скілько лить я у васъ жыву?

— Хиба забула?.. ажъ ты мене выняньчыла... отъ
и личы...

Еге, а котрый се рикъ иде вамъ? мабуть, чи не
сорокъ, або зъ одnymъ... Родылъсь вы, поздоровъ Боже
васъ, якъ разъ на самисенького Спаса. Я тилько що
збиралася до церкви зъ медомъ, ажъ вашъ покійный
старый,—нехай царствує—„Куды ты, Харытыно! верны-
ся... Богъ сына давъ“, я й вернулась ..

— Выходыть, що теперъ мини „сорокъ зъ одnymъ“.
якъ ты кажешъ.

— Такъ воно й буде. Такъ не все-жъ я у васъ
жыла: лить пять не була я у васъ ото тоди, якъ вы
зъ Опанасомъ кудысь издылы... не вымовлю того го-
рода... така трудна назва... Теперъ и выходыть така
рахуба: 40 лить безъ пяты, скілько се буде?.. безъ
одного—39, безъ двохъ—38, безъ трёхъ...

— Кажы прямо: тридцять и пять, перебывъ я
Харытыну.

— Стрывайтє бо, я сама; безъ чотырёхъ 36, безъ пьяты 35; такъ, 35 лить... велыкый часъ... и васъ выняньчыла и дитокъ вашыхъ няньчу, нехай велыки ростуть... Такъ от-сежъ чуднѣ такы дило у мене...

— Ну, ну, кажы.

— Колы-бъ вы не розсердылыся... Не розсердыштесь?

— Ни!

— А забожиться.

— Отъ тоби святый хрестъ.

— Добрэ... але якъ-же ёго почать?.. Хиба просто такъ: Ну тое, що-жъ я у васъ заробыла?

— Якъ що? гроши...

— А скилько?

— Личы сама.

— Хто ёго знае, якъ ёго й личыты? вже-жъ за те времъя, якъ булы вы дытыною, не слизь кластыничого...

— Чому се?

— Мы-жъ тоди булы вашымы крепакамы; потимъ вже вы нась выпустылы на волю... тому лить 20 буде; та пять я не була... Скилько се буде?

Харытына зновъ почала: 20 безъ одного 19, двадцать безъ двохъ 18, ажъ докы по пучкамъ не дійшла до пьяты.

— Пятьнадцать буде... отъ скилько. Що-жъ вы положыте мини? спытала вона не смилыво.

— Отъ-же, подумавъ я: може й правду Опанасъ говорывъ, що й Харытыну „потягло“.

— Кажы сама, скилько положыть? одповивъ я.

— Я сама не знаю: кладить такъ, якъ у людей: ото у попа выжыла за няньку пьягъ лить, брала по 10 карбованцивъ на ёго одежи; такъ тожъ у попа, а зъ васъ може й грихъ буде по десять.

— Клады по десять, — буде 150.

— Ой лышенько, якъ багацько, я й не переличу...
ни, нехай буде ривно сто.

— Такъ не годыться: слиздзе 150 — стилько й клады,
та ще 20 литъ до воли, клады — такъ само; буде всёго
разомъ трох сотни и пивсотни.

— Що вы, що вы! стилько мини не треба, а сто
дастэ?

— Нехай буде сто, а вси оддамъ, беры хоть и заразъ.

— Дасть? пытала радючы баба.

— Якъ-же не дать, колы то твоё?

Харытына кынулась до руки; я мершій руку вгору.

— На що се тоби, бабусю, гроши такъ прыпалы?
Опанасть мини хвалывся, що ты обицяла на школу за-
пысать?

— Е, цытъте! мало що обицяла... обицяла, такъ
и запышу, не збрешу... зъ рота халявы не зроблю...
буде свій часъ, а теперь самій гроши треба.

— Беры, колы треба.

— Нехай-же завтра визьму, а то вночи, щобъ хто
не вытягъ.

Харытына замовкла и стояла: на лыци у неи я
чытавъ, що вона не все сказала, що у неи ще щось
мұлышть, та прыдумуе вона, зъ чого-бъ ёго почать. Я й
соби мовчавъ; думаю: що зъ сёго выйде?

— Чи не взять-бы намъ, пане! на завтра мазаль-
ныць? несподивано для мене мовыла Харытына.

— Що тамъ мазать?

— Якъ що? докы на годыни стоить, нехай-бы
печи выхутровалы, выбилылы-бъ свитлыци, доливкы
треба-бъ вихтемъ зъ щолокомъ вышаровать, тай около
затепла позашпаровувалы... тымъ часомъ-бы.

— Теперь-же, бабусю, жныва; жыто ажъ плаче жаты, а мы заходымся коло мазання въ робочу пору; люде сміятымуться зъ нась.

— Овва!... нехай сміються... треба, безпреминно треба.

— Może-бъ згодя трохи.

— Чого тамъ годыть, колы й теперъ можна; та й якъ ёго годыты, колы таке заводытесь, шо й носа не можна поткнуты.

— Щожъ тамъ таке заводытесь? спытавъ я, дышуючысь.

— Хиба сами нѣ чуєте, який важкыій духъ, наче у Кыиви по Крещатыку.

— Господь зъ тобою, бабусю! невидъ що верзашъ ты.

— Пидить сами понюхайте: вже третій день я чую сей духъ: я казала и пани и нимкени; воны кажутъ: мы ничего нечуемо. Отъ я прывела Опанаса у ту свитлыцу, де гости сидять, тай пытаю: чуешь якъ воно воняе? — Чую, каже. — „Щожъ воно таке? чи нѣ здохъ пидъ помостомъ пацюкъ? такъ клыкны Оныська, нехай мостныцю зирве, та подывиться“. — „Ни, каже мини Опанасъ (винъ-же у насъ такый всезнайко!), се каже не пацюкъ, а такий самый духъ, якъ у велыхихъ городахъ. Се каже цывылизациею такъ смердыть“. Я плечыма здвыгнула, не розумію признаться, шо винъ таке плете; думаю шуткує, або-жъ хиба винъ и не збреше! дорого хиба ёму збрехаты! Дывлюся ёму въ вичи, а винъ: „сёго клятого смороду не скоро й выкурышъ“. Ты, кажу ёму, не блягузкай, дурныци не несы, а толкомъ говоры: шо воно таке и видъ чого? Винъ ажъ розсердывся, та тоди до мене: „Стара, а дурна!“ (така винъ стара собака! простить за се слово, ничего винъ

по людськи не скаже, та ще й лається навижений!).
„Кажу тоби, що се цывылизация смердыть, отъ и все“...
Розберить ёго.

— Ну, дальще що? пытаю у Харытыны, бо такы
цикаво стало.

— Щожъ дальще? тежъ святе! кажу ёму: тыбъ
краще, старый кабанюго, чымъ лаятся, такъ роска-
завъ-бы по людськи, що то таке—цывылизация и чого
вона смердыть?“ „Не зрозуміешъ, каже, ты бабо!“...
бачте, одынъ винъ розумный!.. „а щобъ ты знала, такъ
се такий нимецький духъ“... Дежъ мы ёго набралыся?
Пытаю у ёго: хиба хто завизъ ёго до нась?

— Вгадала, каже, именно такъ, до нась ёго заве-
зено: бачыла, шозавчора прыездывъ до нась шестернею
зъ фалейторомъ—дукъ, отожъ винъ и завизъ; колы не
вирышъ, такъ пиды добре понюхай: де вона якъ разъ
смердыть?!“ Воно й правда: сама бачу: тамъ тилько й
вельзкій духъ, де отой дука сидивъ. Отъ-же боюся,
щобъ той духъ не перейшовъ у ту кімнату, дзе диты
силять... Я вже й ладаномъ курыла, и смырны бувъ у
мене шматочокъ, не пожалила и ёго, увесь выкурыла,
не помогає... А той анцыперь Опанасъ — регочеться:
„не поможе каже: тилько чортъ ладану боиться, а ты
не куры, бабо, а бильшъ вікна видчыняй, може віт-
ромъ пронесе, перейде“. Видчыняла и вікна и двери,—
не помогло... Нехай выбилять, може крейдяный духъ
перебье... Якъ вы скажете?

Що тутъ діятymешъ, подумавъ я: и такъ гаряче и
такъ боляче! позвать мазальныць—самому тоди хочь зъ
двору тикай!... Не позвать, баба розсердыться, бурча-
тыме, пиде таке!... лучче вдовольныть іи.

— Добре, кажу, зовы.

Другого дня ще не свить, не зоря, заходылася Харытына зъ мазальныцямы: стели и стины обмитають; крейду — де потрискалася — оббывають, шпарують; на доливци воды трохы не по кисточки, гармыдеръ, возня, наче передъ велькоднемъ... Мусивъ я выбраться въ комору... Сыжу соби такый сэрдый, а тутъ Опанасть прыйшовъ, та ще й дратуе.

— А що, каже всмихаючыся, выгнала Харытына!

— Се нихто, якъ ты іи напутывъ.

— Хай іи сей та той напучуе! вона зъ глузду зсунулась... ось побачыте! ще й не тө буде... пидождить трохы...

Сякъ такъ перебывся я до вечера: у вечери мазання скінчылося; Харытына зновъ до мене:

— Чи не остыла я вамъ?

— Ни, кажу я, щобъ не образыты старои.

— Скажить, будтє ласкави, колы знаете, що воно таке — акці?

Якъ вчувъ я се слово зъ Харытынныхъ устъ, такъ у мене й серце одійшло на мазання и ёго вохкість; за мисто видповиди, я зареготавъ, а Харытына мовчыть, дывыться, плечи въ гору здіймае, та хрестыться!

— Чого се вы регочаетесь? хиба я що таке сказала? пытае вона у мене.

А я сміюся, хочъ мижъ тымъ смихомъ пробигала й така думка: колы вже 70-литня Харытына веде ричъ про акці, такъ нашому братови „людямъ сучасного жыття“, людямъ — „прогрессу и цывылізаці“ и Бигъ веливъ усе забуты, та гадаты про акці, банки, девыденты, нажыву...

— Такъ чи скажете, чи ни? допытуеться Харытына.

— На що се тоби треба знаты?
— Описля скажу: спершу кажить, що воно акція?
Мусивъ я, якъ зумивъ росказаты.
— Походыть на те, нibly то акція-гроши?
— Трохы такъ.
— Правда?
— Брехать не стану.

— Знаю, що вы не зъ такихъ, щобъ людямъ не-
правду казаты... а все такы якось чудно...

— Що чудно?
— Та якъ же се такъ: акції — гроши, а ихъ купують
и продають? Хиба гроши продають? викъ жыла, а сёго
не чула... Глядить лышень, чи такъ воно?... чи въ тихъ
акціяхъ нема чого такого похожого на мошенство?..

Зновъ ставъ я „просвищаты“ Харытыну — що таке,
акції: „буває, кажу, и мошенство въа кціяхъ, ал€ так€,
що про ёго вси знаютъ и по закону“...

— Значыть — выходыть... якъ-бы сказать: по закону
Божому — грихъ ти акціи, чи ни?

— Про се вже не скажу, бабусю!

— У кого-жъ бы ёго про се спытать мини?

— У иопа.

— Ну тे ще жъ отъ-що: колы хто купує и продає
акції, — за се ничего? до мырового не потягнуть?

— Мабуть, що-ни...

— То-то!.. глядить, чи такъ воно! Глядить, щобъ
на душу гриха не прынять... я, бачте, хочу купыть
себи акції, такъ колыбъ часомъ за се мен€ не тее...

При симъ слови я не выдержавъ: скочывъ зъ миста
и перебывъ Харытыну!

-- Бабусю! Харытыно! Господь зъ тобою! чи ты пры соби? чи ты... ты... куповатымешъ акци! хто се тоби пораявъ?...

— Що жъ тутъ дывного!... уси купують, хиба я не така людина, якъ и вси?

— Ты жъ сама опасалася -- чи не мошенство яке акци ..

— Вы казалы, що за се ничего не буде.

— А грихъ!

— Колы грихъ — попу на часточку, винъ одмолять... а може й гриха нема.

Бачу я, що тутъ ничего вже не вдіешъ словамы, не одвернешъ Харытыны... Пошестъ нажывы заразыла и нашого „безсребрэнныка“... цікаво тилько мини стало: де у такому глухому хутори куповатыме Харытына акци и хто вбывъ въ іи стару голову таку нову , идею“?

— Такъ завтра, мовыла Харытына, я визьму у васть грошай.

— На акци?

— А вже-жъ!

— У кого-жъ ты куповатымешъ акци!

— У Фрейды, у шынкарки.

— Якіи акци?

— Яки трапляться.

— Гляды, бабо! акци всяки бувають.

Не спавъ я усю ничъ: Харытына и акци такъ и лизлы въ вичи и розганялы сонъ. Що сплющу очи, отъ-отъ засну, а якыйсь голось въ ухо: „А що, уси люде, навить Харытына, зрозумилы „духъ и идеи“ нашего часу, тилько вы зъ Опанасомъ цураетесь та видплёвуетесь; побачышъ, выпаде воно вамъ выпад-

комъ“. Отакъ цилу ничъ. Диждавшы свиту—заразъ до Опанаса :

— Чи знаешъ що, Опанасе! годи намъ жыть цен-
цямы, та „спасаться въ мыри“; годи одставать одъ
людей, годи дурныцю правыты, онъ прочытай и въ
„газети“ пышуть, яке добре дило банкы та акціи; да-
вай прыймемось за акціи, розжывемось...

Опанасъ наче не чуе, та до мене:

— Чаю ще не пылы?

— Ни.

— Такъ ходимъ скучаемося у ставку; на-тище воно
добре.

— Ты мини зубивъ не заговорюй; а кажы, що ты
думаешъ про акціи?

— Нехай вже про ихъ Харытына думае, а мы
ходимъ купаться.

Бачу я, що видъ ёго настоящои порады не добь-
ешься, згодывся; идемо купаться. Йдемо, стричаемо на
гребли жыдивку Фрейду зъ своимъ сыномъ Мойшею,
а поручъ зъ нымы Харытыну. несе щось у прыполи.

Опанасъ не вытерпивъ, зачепивъ бабу:

— По вовнянки, каже, ходыла?

— Тю-тю! яки теперъ вовнянки! Повылазыло тоби,
чи що? одгрызнулася на ёго Харытына, та тоди до
мене: „ось верниться до дому, та дайте мини грошій;
акцій накупыла.. дывиться, чи добри воны? путящи?“

Харытына показала акціи. Взявъ я одну, чытаю:
„Акція Общества желѣзной дороги съ хутора Голаго
на хуторъ Голодный – 50 рублей“.

— Що се за акціи? пытаю у жыдивки: я про таке
„Общество“ не чувъ. Чи ты часомъ не тое...

— Сдо се вы, сдо се вы! нехай мене Бигъ боро-
ныть! я цестна людина, се „общество“ настоящее.

— Почимъ у тебе си акці?

— Якъ до купця: Оныськови продала по два карбованци; Мытрофанови по два зъ копою; зъ Харытыны прошу два безъ четвертака.

— Ни, ни! и не думай сёго! перебыла іи Харытына: хочъ зарижъ, хочъ сама помры, бильшъ трояка не дамъ.

Я ставъ було образумлюваты Харытыну, доводыты ій, що тутъ очевиднє мошенство: колы акція въ 50 карбованцівъ иде по трояку, такъ!.. Алө-жъ Опанасъ не давъ договорыты ..

— Що оце, каже, зъ вами? заразъ тилько що мене вговорювалы торговатъ акціямы, а теперь Харытыну одбываете... по якому се?

— Воно твоя правда, Опанасе... та правда й те, ицо нажыва ласа ричъ!

— А совисть?..

Купыла моя Харытына по пять золотыхъ ажъ трыйдцять акцій, а у вечери просыть коняку: „повезу, каже завтра въ Ичню до торгу акціи... Люде возылы, добре попродалы“.

Не ставъ я змагатыся, давъ безклубу кобылу: поихала Харытына до торгу. Прыйшовъ вечиръ, Харытыны нема зъ миста.

— Ну, кажу Опанасови: колы-бъ чого зъ бабою не сталося.

— Не визьме іи дидъко! могорычи певно кружае. Колы-бъ тилько коняка цила була, а про Харытыну мини байдуже; вже колы взялася за акціи! Опанасъ махнувъ рукою и плюнувъ.

Въ обидъ другого дня вернулася Харытына; дывлюся — невесела; похнюпывалась; нисъ повисыла... я вже мовчу, ничего й не пытаю, хочъ и цикаво було.

А Опанасъ не втерпивъ такы, пытає!

— Що? добре поторгуvalа?

Харытына якъ вызвирьтесь на ёго: „колыбъ тебя
такъ трястя торгуvalа!

— Отъ-тоби й на! за вищо се такъ? лыбонъ не
вбарышовала ничего? дратує іи Опанасъ.

Я бачу, шо Харытына не своя, та щобъ не чуть
бучи, швыдче за шапку та въ гай.. Довгенько тамъ хо-
дывъ. ВERTAЮСЯ черезъ грэблю, чую биля шынку гвалть
на увесь хутиръ! Зблыхаюсь, прыслушваюсь, прыды-
ляюсь,—морока, тай годи! Харытына моя зъ жыдивкою:
„бодай тоби, каже, очи акціамы позатягало! бодай тоби
таки бильма, якъ оти акці! бодай тоби ковбыкъ акці-
амы обложыло!“ и чого вже, чого не бажала вона
Фрейди. А Фрейда не сердзиться, тилько всмихається.

— Ну, ну, стара! чого лаешся, вговорює вона Ха-
рытыну: хиба моя вына, шо акці подешевшалы; а може
ты не вмила продаты? пидожды трохы, визьмешъ ба-
рыша, воны подорогшаютъ, пидіймуться.

— Нехай тебе завійна визьме! нехай тебе за пе-
чинки пидійме! дякує Фрейди Харытына. Не треба
мини твоихъ барышивъ, подавысь ты имы! ты мини мій
стовбъ верны! верны, псяюхо!..

— Сдо се ты, бабо! не пры соби! дё ты чула таке,
щобъ верталы?

— Не вернешъ? кажы, говоры, не вернешъ? пры-
стає Харытына.

— Сдо се ты выгадала, бабо.

— Я тебе добромъ пытаю: не вернешъ? говоры
мини? лютує Харытына.

— Не верну.

— Не вернешъ? пытаю вдруге.

— И вдруге—не верну.

— Въ трейте пытаю: вернешъ, чи ни?

— Сказано разъ: не върну.

— Такъ отъ-же тоби! на, жыдюго проклята! та зъ сымъ словомъ — тарахъ въ одно викно, дали въ друге, въ трейте! шыбки посыпалыся, забряжчалы... „Оце тоби Харытыныни гроши! розжывайся зъ ныхъ на здоровье!“ промовыла Харытына и тыхою ходою подалася греблею до дому; а я хотивъ за нею, колы-жъ Фрейда до мене:

— Цы бацыте, сцо васа нянька наробыла?

— Бачу! викна тоби потрощыла.

— Хиба такъ годыться?

— Не скажу! мабуть —годыться, колы бъютъ.

— Сцобъ іи объ дорогу вдарыло! я ій добра хотила; я ій дешево акціи отдала, а вона мене на увесь хутиръ поганьбыла! Я до мырового пиду.

— Щастлывои дороги.

Прыхожу до дому — нова прыгода: Опанасть ажъ заживить береться, та регоче, а Харытына лютуе, сердыться, сикаеться до ёго зъ кулакамы.

— Я тоби казавъ, бабо, що акціи до добра не доведутъ: грошай на ихъ чи заробышъ, чи ни, а клюпоту добудешъ и совисть збудешъ. Отъ воно на мое й выйшло. Побыла жыдивци викна, — будешъ у мырового, одвидаешъ тюрмы.

— Ни кто сёго не дижде! за що мене въ тюрму? за мое добро? за мои гроши? се такъ! якый-бы се й судъ бувъ! хиба я ій даремне побыла викна! я за свое добро! нехай верне мои гроши!

— Ни, се вже дурныця, пышы, бабо, пропало! гарни акціи втелющыла тоби Фрейда, на пречудо! Сховай ихъ, въ головы положышъ, йдучи на той свитъ.

— Бодай ты лигъ тай не вставъ! одячыла Опана-сови Харытына: збуду!!!

— Чомъ не збудешъ! на пидпалъ oddай, оть и збудешъ; або ке мини на цыгаркы.

— Ось на тоби що! промовыла Харытына, пидносачы Опанасови пидъ самыій нисъ дvi дули.

— Ты-бо, стара, не дурій справди; я не жыдивка; языкомъ що хочъ мелы, а рукамъ воли не давай, одмовыввъ суворо Опанасъ.

— Опанасе! йды сюды до мене! гукнувъ я, щобъ утыхомырыты бучу. Стыхла моя Харытына; мы вже мовчымо, не згадуемо ій про акці. Диждалыся Ильи. Просыть зновъ Харытына конякы: „поиду, каже, ярмаркуваты въ Городню“.

Поихала.

Думавъ я зъ ярмарку зновъ прывезе колотнечи; ажъ ни! Крывъ Бигъ. Вернулася: дывлюсь сыдты вона на вози, обложылася кругъ себе клункамы; прямо до коморы вэрне. Положыла клункы въ комору, замкнула, ключъ въ кышеню, та до мене:

— А нуте, лышень, купуйте у мене крамъ.

— Якый?

— Усякый! наярмаркувала всячыны.

— Акці збула?

— Слава Богу!—збула.

— Уси?

— До однієи.

— За скилькы?

— Не знаю ще, не обраховала якъ слідъ: за готовыка—одну тилько збула: взяла трояка, сорокивку и гривню.

— Остани-жъ якъ?

— Проминяла: кому на цыбулю, кому на яйця, на вовну, на вискъ, на полотно! здаеться, маху не дала, не програла...

Стала Харытына спрودуватъ потроху свій „крамъ“; стала раховатъ; нараховала барыша цилого коповыка. Мынуло літо; про акціи бильшъ и речи не було; на зиму перебралыся мы въ городъ. Стала Харытына щонедили ходыты „въ монастыръ“. Пиде рано, ще й на світъ не займається, а вертається пизно, вже стемніє. Що-жъ! у мене думка така: людина вона стара, до монастыря далеко, покиль-то доплентаетъся... Байдуже!

А Опанасови, такъ до всѣго дило е; до всѣго винъ додыватъся, кожного винъ прысочыть.

— Радуйтесь! каже винъ мини разъ на мясныци.

— Що тамъ таке? пытаю.

— Харытына наша въ людє пишла.

— Якъ?

— Такъ! прокляти акціи збылы іи зъ пантелыку. Заробыла ото на ихъ коповыка и зрадила: зновъ закортило, зновъ потягло іи до акцій, та вже не зъ якою тамъ Фрейдою, а зъ панамы, та зъ банкырамы.

— Се ты возка пидвозышъ...

— Оце ще!.. я прысочывъ іи своима очыма. Ото спершу вона справди въ монастыръ ходыла, а дали спизналася якосъ зъ Фуксенкомъ Миколою... Отъ сей пройдышвитъ и прынадывъ іи до себе. Роспытае бабу про се, про та, та частуе; а Харытына чёркае чарку за чаркою. Довидався винъ, що у Харытыны є гроши... винъ ласый до грошай; носомъ ихъ чуе, мовъ та собака дычыну... Довидався, що баба вже коштувала акціи, и почавъ іи напучуваты; почавъ, почавъ .. Спокусывъ... купывъ одну акцію — якогось банку; купывъ за два, продавъ за четыри карбованци; бабу й пидвелю... А Фуксенко промаху не дастъ!.. який колись бувъ мыршавый безштанъко; а теперъ тысячами орудує, банкомъ керує... Вміє винъ пидлацься лысыцею... вміє чужу

кышеню вытрусьть .. ось побачыте до чого винъ доведе нашу Харытыну: выманыть у неи уси гроши.

— Се нисенитныця, Опанасе! велыки тамъ у Харытыны гроши, щобъ на ихъ заздрывъ Фуксэнко.

— Ге, ге! не знаете вы сієи лысыци! винъ не вважае на те: чи велыки, чи мали, абы гроши! по зернятку курыця збирае... А теперь ёму до заризу треба грошай и дурныхъ людей, особльво ласыхъ до нажывы.

— На що? у ёго-жъ и своихъ доволи грошай.

— Е! у ёго пелька безодня! та вы, бачу, ничего не тямыте! Фуксэнкова душа не насытима, винъ теперь розжеврився на гроши, ажъ трусьться до ихъ.

Говорымо оце соби, ажъ гулькъ! Харытына вѣхату:

— Добрый-вечиръ вамъ.

— Добрый-вечиръ и тоби, бабусю!

Слово по слову — просыть Харытына уси свои гроши.

— На що воны тоби? пытае Опанасъ.

— Треба.

— Въ монастыръ старцямъ однесешь?

— Оце ще! не выдала старцивъ! Та яке кому дило до моихъ грошей: де схочу, тамъ и дину; де схочу, тамъ и прыткну... на те воны мои! Может я ихъ на проценты людямъ позычу, може въ банку положу; все такы щось прыбуде, а то лежать безъ жаднои корысти...

Корысть! корысть! корысть! задзвенило у мене вѣ ушахъ. Я мовчкы доставъ зъ шухлядкы гроши и оддавъ Харытыни; взяла, завяззую вѣ хустку.

— Тыбъ переличыла, може не вси, дратуе іи Опанасъ.

— Личы вже ты свои, а я й не личывши вирю.

— Вирышъ по неволи, бо не вміешъ переличыты.

— Одчэпсысь ты отъ мене! отъ прыставъ навиженый! наче мокре рядно! забубонила Харытына и пишла.

— Сё, бачте, ось що у ихъ буде, заговорывъ Опанасъ до мене: Фуксенко зъ якымысь жыдамы завивъ нове на акціяхъ „Общество росповсюжування шынкивъ и споювання народу“. На таки акції лыннуть люде наче мухы на медъ; але-жъ Фуксенко — мудра голова! винъ знае, що ти акції дадуть сто або й двисти процентивъ девиденту: отже треба, щобъ ёго — Фуксенка, выбрали головою, чи якъ тамъ у ихъ кажуть „главнымъ дыректоромъ“... для сёго треба, щобъ на першому збори булы акціонерамы таки вивци, якъ наша Харытына...

— Опанасе! се що вже... якъ-бы тоби сказать, крадижка, мошенство...

— Ни! колысь воно може й такъ було, а теперъ се не мошенство, не злодійство, а просто: нажыва...

— Одначе-жъ, Опанасе! ты розсуды добре, розбери, помиркуй: до чого се все доведе... колы таки люде якъ Фуксенко...

— Розибраў я, судывъ, миркувавъ и знаю добре, перебывъ мою ричъ Опанасъ: до чого доведе? воно вже й довело, дальшъ никуды весты... теперъ вси „заробляють“, наживаються по закону, а отъ-отъ прыймуться просто на просто — красты!.. Отъ вы спытайте у мене: що теперъ найбильшѣ роблять люде „освичени“, люде „цивилизаци?“ я скажу: наживаються, мучать свои мозки, якъ-бы одынъ у другого вытягти зъ кышени такъ хытро та мудро, щобъ не сказали на ёго, що „вкравъ“, що винъ „злодій“. И справди: хиба вони крадуть? Краде який — будь тамъ Терешко, Грыцько оклунокъ боропна зъ коморы, щобъ нагодуваты дитей, а Фуксенки, Грегеры, Варшавськи, Горвици, тилько „наживаються“, тилько „заробляють“...

— Слухай, Опанасе! чымъ-же выненъ Варшавський...

— Знаю, знаю!.. винъ не выненъ... я ёго знаю, якъ ще ваксу продававъ... выновати ёго прыкажчыкы, що погонцивъ пускають въ старци... Хиба черныця Мытрофанія—вынна...

— Отъ и не вгадавъ: черныцю засудылы...

— Нє вмила... а отъ Варшавського не засудять... банкиръ...

— Постой: по твоёму — колы банкиръ, такъ вже й... тое...

— Ничого—нє „тое“.. . винъ — „заробляе“, „нажывается“.

— Нє завжды... банкиръ часомъ иде на „рыскъ“.

— Отожъ той рыскъ и есть та сыла, що губыть, деморализує людей...

— Се бъ то по якому вже?

— А по такому самому, по якому голодный чоловикъ... Э! та що тутъ балакать .. Ось побачыте, кажу вамъ, яка пидниметься у насъ крадижка въ банкахъ... затрищять воны...

Я замыслывся!..

— Крадижка, крадижка, злодійство! усюды ихъ бачу, усюды ихъ чую, говорывъ дали Опанасъ якымсь профессорськымъ тономъ: „культура“, бачте, пидниметься!.. жыды злыгалыся зъ Фуксенкамы, та приняlyсь „цивилизовать“ насть темныхъ... Отъ воны й Харытыну нашу „выцивилизовалы“, втоиталы и іи въ те болото нажывы, видкиль нихто чистымъ не выйде.

— А Фуксенко?

— Фуксенко! у Фуксенка на те хвистъ е, щобъ свій слідъ замитати; ёго зроду не піймають... порвється и ёму нитка, тилько не въ „нажыви“, а де инде... винъ вміє „нажываться“.

А Харытыну—мини шкода! прошаде баба!... обберуть іи до сорочки и занивечять...

Опанасъ взявъ шапку и пишовъ... килько днівъ не було въ нась речи про бабу; и сама вона не згадувала ни про акціи, ни про Фуксенка, котрого и справди выбралы головою горилчаного товарыства.

Оде-жъ разъ середъ ночи Опанасъ розбудывъ мене:

— Вставайте каже: у нась не все гараздъ.

— А що тамъ?

— Харытына доходыть.

— Що? якъ .. видъ чого?

— Такъ, доходыть!... треба швидче за попомъ, бо до вечера не дотягне.

— Такъ за ликаремъ бижы...

— Ничого вже ликарь не вдіє...

— Щожъ зъ нею?

— Звистно що: одъ Фуксенка недугъ перейшовъ на неї.

— Який недугъ?

— Оде жъ!... пытаете, наче не знаете — який! звистно який: сучасный: *Fomes canina*... Блюе, здоровоблюе... идти швидче до неї.

Я прожогомъ до Харытыны: не пизнатъ бабы! лышая на ій нѣма: сама смерть.

— Що се ты, бабусю? пытаю у неї.

— Ой! хто ёго знає, що воно таке и зъ чого такъ сталося: учора у Фуксенка гулялы; бенкетъ винъ спрavлявъ... ёго жъ выбралы мы... я жъ акціонерка... голось подавала... Ой, ой! нудно, нудно!... Могорычи пылы; вечерялы... прыйшла до дому, помолылась Богу, якъ слизъ; пораховала свои заробитки за акціи и лягла спаты... заснула... усе було добре... ажъ снытьця, що

Фуксенко обикравъ мене: я якъ злякаюсь!... якъ за-
нудыло мене.. ой! ой! и не стямлюсь...

— Щожъ у тебе болыть, бабусю?

— Ни что не болыть; тилько нудно, та блюю. .

Я кынувся до ликарствъ: капли даю, горчышныки
на жывить, лидъ даю ковтаты, не помогае... баба
проби крычыть... пославъ до ликаря.

— Даремна ричъ! каже Опанасъ: тыхенъко, такъ
шо бъ баба не вчула: ни что не поможет; стара людина,
не вынесе... Молоди люде выносить, а въ таки лита,
якъ Харытына — годи вже! никто не вынесе... Се я
добре вже запрымитывъ... Дійде! посылайте за попомъ!!

Опанасова байдужисть мене розсердыла; якъ такы
такъ: людина вмирае, а ёму байдуже; все одно каже:
дійде, не треба гоиты, все одно вмре!... а може ще й
не вмре! чому не попробоваты, хочъ Довероваго по-
рошка.

— Пробуйте, колы охота е, одповивъ Опанасъ; а
я добре знаю, что вже ничего не поможет! Сей капост-
ный недугъ заразлыый; а для старыхъ людей винъ —
смерть!... Покуштуала Харытына разъ девиденту
того — ни се, ни те... Колы-бъ не отой роспутный Фук-
сенко, такъ може-бъ вона вдруге й не видважылася;
зараза може-бъ и выйшла зъ неи; такъ пидвернувъ же
ёго лыхый! спокусывъ бабу!... ну, зараза и пишла по
всёму тилу... Вже колы старый чоловикъ заразыться
на оту *fames canina*, такъ вонё ёму не мынеться такъ;
згыне, непреминно пропаде... дуба дастъ! у старыхъ
людей сей недугъ швыдко йде... Посылайте за попомъ.

— Жаль Харытыны...

— Чого тамъ жалковаты! все одно вона морально
вмерла, ще раншъ, тоди якъ клятый Фуксэнко споку-

сывъ іи до нажывы... Теперь вона ѿ? жывый трупъ!..
чого жалить! уси тамъ будемъ...

— Одначе-жъ...

— Усимъ туды дорога...

Позвалы ликаря: дывывсь винъ, дывывсь на не-
дужу; пощтавъ жывчыкъ, глянувъ на языкъ, потеръ
соби лоба, сивъ и напысавъ: *aqua distilata...* „черезъ
часъ по ложци“.

— А ѿ? на мое хиба выйшло? сказавъ Опанасъ,
выпроводыши ликаря: тилько карбованецъ пропавъ...
За попомъ треба.

Позвалы попа; высповидавъ винъ Харытыну, за-
прычастывъ. Спершу видмогалася, не хотила: „хиба,
каже вамъ остыло, ѿ? я жыву!... я ѿ? не хочу вми-
раты... я выдужаю“!...

Не выдужала!

Къ вечеру почала заговорюваться: усе вэрзла про
гроши, про акціи, про девидентъ, про якусь нимецьку,
не насытыму утробу, про Фуксенка... О пивночи
прыйпла трохы въ себе. Я зрадивъ; думаю, выскочыть
баба, пожыве ѿ?... Пидозвала мене до себе, такъ жа-
лисно глянула на мене и промовыла:—

— Оце акціи!... уси мои акціи, уси до однієи...
воны... у Фукс...

Не договорыла, позихнула и... Богу душу отдала...

— Со святымы упокой! ставъ чытать Опанасъ и на
старыхъ очахъ ёго цовыслы дзи буйни слёзыны...

Листопадъ 1877 р.

Найважнійши помичени друкарськи помилки.

<i>Сторона</i>	<i>Рядокъ</i>	<i>Надруковано</i>	<i>Треба чытати.</i>
4	15	разважыла	розважыла
5	4	разважыты	розважыты
7	20	возу	воза
12	25	казакъ	козакъ
48	16	здоровы	здрави
51	5	й	и
85	3	Спасивку	Спасивку
113	22	лягай тоди	лягай, тоди
126	24	а пасупывся	и насупывся
136	3 (знызу)	мысяцъ	мисяцъ
137	11	бачте	бачыте
151	6	руки	руки
169	4	мое	мае

О Г Л А В Ъ.

1. У тисной бабы	3— 25
2. Млынъ	26— 45
3. За крыгою	46— 58
4. Отакъ булы вскочылы! (Зъ народныхъ устъ)	59— 88
5. Завертка	89—102
6. Народня педагогія	103—116
7. Не любы двохъ (Зъ устъ послушныци)	117—132
8. Конокрадъ Иванъ Дранка	133—144
9. Музыка Павло Дрантусъ	145—166
10. Надії.	167—178
11. Марта Перепичка.	179—191
12. Бабуся Харытына	192—214